

История
Общество
Политика
2019
№4(12)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

**ИСТОРИЯ
ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИКА**

№ 4(12)
2019

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2019. №4 (12)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 31.12.2019

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.А. Чубур - кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2019
© Коллектив авторов, 2019

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

N 4 (12)
2019

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2019. №4 (12)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 31/12/2019

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.A. Chubur - Candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

The point of view of the authors may not coincide with the point of view of the members of the editorial board.

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2019

© Authors, 2019

Содержание

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

- Андреевко О.М.* Депортации поляков в СССР В 1939-1945 гг. **6**
- Дрожжин Р.А.* «Майнильский инцидент» в современной отечественной историографии **11**
- Матросова А.А.* Пакт Молотова – Риббентропа: 80 лет спустя. Материалы к дискуссии **15**
- Федотов А.А.* Взятие немцами Бреста и совместный парад войск СССР и Германии **20**
- Фельдман А.Д.* Польский поход РККА 1939 г. – освобождение или предательство? **26**

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА

- Никитина Д.С.* Военная реформа в Великобритании в годы Первой мировой войны **33**

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

- Соловьев Ю.П.* Мероприятия Великой Северной войны в пределах Брянского края. Кампания 1706 года **40**

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Шестакова Н.Ф.* Исторический образ Уэльса в творчестве валлийских писателей конца XIX - XX вв. **66**
- Фельдман А.Д.* Вьетнамский синдром и его проявление в частной жизни ветеранов войны 1964-1973 гг. **72**
- Фельдман П.В.* Дело „Plessy vs. Ferguson” как печальная страница расовой истории США **76**

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНОСТЕЙ

- Шафенкова Ю.В., Чубур А.А.* Дунайские бронзовые топоры Брянско-Черниговского пограничья **81**

РЕЦЕНЗИИ

- Артамошин С.В.* Рецензия на книгу: Прибалтийский излом (1918-1919). Август Винниг у колыбели эстонской и латышской государственности. /Пер. с нем. Л.В. Ланника; предисл. и коммент. Л.В. Ланника, Н.Н. Кабанова, В.В. Симиндея. – М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2019. – 224 с. **90**

- О СЕТЕВОМ ИЗДАНИИ «ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА»** **96**

Вторая мировая война

УДК 94(438, 47)"1939/45"

О.М. Андреенко

ДЕПОРТАЦИИ ПОЛЯКОВ В СССР В 1939-1945 ГГ.

***Аннотация:** Советское государство в 1930-е–1940-е гг. осуществило целый ряд массовых операций жертвами которых стали поляки. Статья посвящена самому массовому виду репрессий - депортациям с территорий, захваченных СССР в 1939-1940 гг. Описаны условия, в которых проходили депортации. В результате четырех операций высылки в северных и восточных районах СССР оказалось около 320 тысяч граждан довоенной Польши.*

***Ключевые слова:** Польша, СССР, депортации, НКВД, сталинизм.*

Olga M. Andreenko. Deportations of Poles to the USSR in 1939-1945

***Abstract:** The Soviet state in the 1930s-1940s carried out a number of mass operations the victims of which were Poles. The article is devoted to the most massive type of repression-deportation from the territories captured by the USSR in 1939-1940. The conditions under which the deportations took place are described. As a result of four expulsion operations in the Northern and Eastern regions of the USSR there were about 320 thousand citizens of pre-war Poland.*

***Keywords:** Poland, USSR, deportations, NKVD, Stalinism.*

Сталинские репрессии не закончились на убийстве польских офицеров и наиболее ярких представителей польской культуры. Охватили они, в том числе и семьи заключенных, отмерив им тяжелую меру наказания - высылку из родных сторон в пустынные, голодные, непригодные для жизни районы СССР.

Репрессии против поляков в СССР применялись уже в 1936 году, когда по Постановлению СНК СССР № 776-120сс от 28 апреля 1936 года в Казахскую ССР было переселено почти 36 тыс. поляков - граждан СССР, жителей приграничных районов Украинской ССР. [6, С.12-16]

Оперативный приказ № 00485 от 11 августа 1937 года Народного Комиссара Внутренних Дел Н.И. Ежова стал основой для массовых арестов поляков - советских граждан в 1937-1938 гг. Аресту подлежали поляки, обвинявшиеся в нелегальной деятельности в интересах польской разведки и в участии в польских шпионско-диверсионных и повстанческих группах. По принципиальным подсчетам было арестовано около 150 тыс. человек (не менее 134,5 тыс.). Из них более половины было расстреляно, остальные на длительные сроки заключены в исправительно-трудовые лагеря НКВД СССР. [6, С.13]

Во время второй мировой войны аресты поляков начались сразу же после советского вторжения в Польшу в сентябре 1939 года. Целью НКВД с одной стороны являлась безопасность - интернирование должно было предотвратить возникновение пятой колонны, с другой стороны - советизация. Поэтому объектами арестов становились люди, которые могли каким-то образом противостоять новой власти. Это были не только представители прежней польской администрации, но также купцы, торговцы, поэты, писатели, богатое мещанство, одним словом все, заключение которых могло способствовать ослаблению духа противника.

Позже были установлены более точные критерии, на основании которых проводились аресты. Аресту подлежали активные члены контрреволюционных группировок, члены политических партий, сотрудники полиции или тюрем, капиталисты и мещане, офицеры, семьи

всех вышеперечисленных социальных групп, репатрианты из Германии, польские беженцы, а также криминальные элементы. [1, S.393]

Дальнейшие инструкции гласили, что депортации, кроме уже перечисленных категорий, касаются также лиц, исключенных из коммунистической партии, часто путешествующих за границу, обменивающихся корреспонденцией с заграницей или поддерживающих отношения с представителями недружественных СССР государств, филателистов, сотрудников Красного Креста, спекулянтов, священников, аристократов, банкиров, промышленников, а также владельцев гостиниц и ресторанов. В том числе всем тем, кто пытался пересечь советскую границу, грозил арест. [1, S.393]

Депортации несли в себе функцию наказания, кроме того, они были частью большого плана заселения северных регионов России. Депортированные поляки страдали не меньше, чем те, кого отправляли в трудовые лагеря. Находившимся в лагерях узникам хотя бы давали хлеб, и у них была крыша над головой, ссыльные же обычно не имели ни того, ни другого.

Непосредственно в 1940-1941 гг. советскими властями было осуществлено четыре массовых депортации поляков.

Первая депортация поляков состоялась 10 февраля 1940 года и касалась военных поселенцев на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Основанием для этой депортации стало утвержденное постановлением СНК Союза ССР от 29 декабря 1939 г. №2122-617сс Положение о спецпоселенцах и трудовом устройстве осадников, выселяемых из Западных областей УССР и БССР. [4]

Осадники и их семьи были расселены в изолируемых спецпоселках НКВД СССР по 100-500 семей. При этом каждой семье предоставлялась комната или отдельное место в бараке с расчетом 3 м. кв. на человека. Трудоспособные спецпереселенцы-осадники обязаны были заниматься общественно-полезным трудом на работах, предоставляемых им предприятиями Наркомлеса. Отлучки из спецпоселков или с места работы на время превышающее 24 часа, а также перемещение в пределах поселка из одного барака (дома) в другой, допускались только с разрешения коменданта поселка.

21 декабря Политбюро утвердило предложения ЦК КП(б) УССР и ЦК КП(б) БССР об использовании имущества выселяемых осадников и служащих лесной охраны - лесников, объездчиков и прочих. Было решено:

«1) Всю землю осадников, за вычетом той части земли, которая уже распределена между крестьянами, передать в земельные фонды областных комитетов для наделения ими совхозов и колхозов; 2) лошадей, продуктивный скот и сельскохозяйственный инвентарь передать вновь Организуемым колхозам и совхозам. В каждой области организовать 2-3 совхоза, которым передать весь скот и сельскохозяйственный инвентарь осадников и по мере организации колхозов выделять им скот и сельскохозяйственный инвентарь, оставляя в колхозах в первую очередь племенной и высокопродуктивный скот.

Освобожденные от хозяев жилые дома предлагалось использовать для размещения школ, медпунктов, сельских советов, правлений колхозов, дирекций МТС, в качестве квартир для учителей и врачей. То есть, экспроприация осуществлялась согласно традиционному лозунгу большевиков «отнять чужое и поделить». [5]

Эта депортация была особенно трагической. Поскольку проходила в тяжелых условиях – зимой, в сильный мороз, людей загружали в переполненные вагоны для скота, в которых им предстояло пропутешествовать на место назначения в течение нескольких недель.

Из справки начальника Отдела транспортных перевозок М. Конрадова на имя Берии: «Всего переселено 139 596 осадников, которые расселены в 21 краях и областях, в 115 спецпоселениях. Переселение осадников и беженцев протекало в тяжелой форме. Высокой была

смертность, особенно осадников. С момента прибытия на спецпоселение и до 1 июля 1941 г. родилось 4211 и умерло 12313 чел. в том числе у осадников: 2694-10557. у беженцев: 1517-762 (в это число не входят родившиеся и умершие в январе-марте 1941 г. в Казахской ССР, Коми АССР, Молотовской и Ивановской областях). [4]

Решение о второй депортации от 7 марта 1940 года совпало по времени с решением Политбюро от 5 марта 1940 об уничтожении 25 700 польских граждан, находившихся в лагерях для военнопленных. Вторая депортация в свою очередь, охватила семьи военнопленных. [2, S.43-46]

13-14 апреля 1940 года семьи военных узников, включая стариков и детей, ночью в вагонах для скота были отправлены в Казахстан. Эта депортация охватила 61 тыс. человек.

Условия, в которых проходили все депортации, были одинаковыми. Ночью специальные тройки являлись домой к семьям заключенных, представлявших «нежелательный элемент» для советского общества, и приказывали собираться. Часто исполнители говорили, что там, куда отправятся депортируемые, их будут ждать мужья и отцы. Исполнители настойчиво советовали ссыльным взять с собой как можно больше вещей, которые могут пригодиться на новом месте, что возможно было связано с возникающим иногда и у них человеческим сочувствием. Не исключено, однако, что настоящая причина заключалась в том, что среди депортируемых поляков необычайно высокой была смертность.

Переживших тяжелейшее путешествие людей выбрасывали в пустынных местностях, степях или тайге. Жить ссыльным предстояло в хижинах, непригодных для жизни бараках по несколько человек, а на жизнь и пропитание зарабатывать в колхозах и совхозах.

Тяжелее всего новые условия жизни в ссылке отражались на детях, и стариках, буквально умиравших от голода. Вывезенные весной ссыльные поселенцы абсолютно не были готовы к наступлению холодов, теплых вещей почти ни у кого не было, от голодной смерти спасали только сделанные летом небольшие запасы.

Условия, в которых жили переселенцы, культурный шок, который пережили люди, воспоминания детей передают даже лучше, чем воспоминания взрослых. Арестованный в возрасте 13 лет польский мальчик писал о своем пребывании в ссылке: «Не было еды, люди ели крапиву, и пухли от этого, и поехали на тот свет. В российскую школу загоняли принудительно, потому что не давали хлеба, если бы не пошел в школу. Учили нас, чтобы мы не молились Богу, что Бога нет, а когда в конце урока мы встали и начали произносить молитву, то комендант поселка закрыл меня в тюрьму». [3, S.106]

Истории других детей отражают тяжелые трагические переживания их родителей: «Мама хотела лишиться нас и себя жизни, чтобы нам не нужно было терпеть этот позор, но когда я сказал маме, что хочу увидеть папу, это немного подняло ее дух» - писал другой мальчик, арестованный в возрасте восьми лет. [3, S.396]

Однако не все сумели найти в себе силы справляться с тяготами ссылки. Один из депортированных мальчиков описал попытку самоубийства своей матери: «Мама взяла из барака веревку, немного хлеба и пошла в лес. Я хотел остановить ее, но она ударила меня веревкой и вышла. Через несколько часов маму нашли на ели. У нее на шее был шнур. Под деревом стояли какие-то девочки. Мама думала, что это мои сестры и хотела им что-то сказать. Но девочки с криками побежали к коменданту, который взял топор и срубил ель. [...] Мама сошла с ума; вырвала у него из рук топор и ударила его им в спину; комендант упал на землю [...] На следующий день маму забрали в тюрьму за 300 километров от меня. У меня был конь, который работал со мной. Я рубил пни в течение месяца, а потом заболел и не мог работать. Комендант сказал продавцу в магазине, чтобы он не давал мне хлеба, но тот сочув-

ствовал детям и давал мне хлеб тайком [...] мама вскоре вернулась из тюрьмы, с отмороженными стопами и постаревшая». [3, S.396]

Подобных и других историй о страданиях депортированных поляков огромное множество. Сталинский режим превращал умных и интеллигентных людей в безжизненную, серую массу. Голодными, усталыми и запуганными людьми легче было управлять. У людей просто не оставалось сил на какую бы то ни было политическую борьбу, главную борьбу в суровых условиях ссылки они вели с самими собой, со своим организмом - это была борьба за жизнь и существование.

В июне-июле 1940 года имела место третья депортация спецпереселенцев-беженцев, охватившая 78 тыс. польских граждан. Все они были выселены в северные и центральные районы европейской части СССР, а также на Урал и в Сибирь. [6, С.15]

В мае-июне 1941 года НКВД была проведена четвертая депортация ссыльнопоселенцев, проживавших на восточных территориях довоенного польского государства, в том числе около 12 тыс. из Западной Украины и около 25 тыс. из Западной Белоруссии. [6, С.15]

Таким образом, в ходе четырех депортаций поляков за 1940-1941 гг. было выселено около 320 тыс. человек, являвшихся польскими гражданами, из них около 200 тыс. были поляками по национальности.

12 августа 1941 г. указом Президиума Верховного Совета СССР было решено предоставить амнистию всем польским гражданам, содержащимся в заключении на советской территории в качестве военнопленных, или на других достаточных работах. Не означало это, однако, что депортированные смогут беспрепятственно вернуться в родные края. [6, С.26]

В справке Берии на имя Сталина от 1 мая 1944 года говорится, что из мест заключения, ссылки, спецпоселений и лагерей для военнопленных было освобождено 389 041 человек.

17 июня 1945 года в лагерях и тюрьмах НКВД СССР все еще находилось 25 047 польских граждан. [6, С.29]

А. Д. Дементьев 26 июня 1946 года в секретной записке сообщал А.Н. Косыгину, что по данным переселенческого управления при Совете Министров СССР по состоянию на 1 июня 1946 года было учтено 223 213 человек, бывших польских граждан, проживавших в СССР. Утверждено комиссиями на выезд в Польшу 202 113 человек, в том числе детей 53 485 человек. Всего с начала эвакуации в Польшу было отправлено 210 тыс. человек (разница в количестве между поляками, утвержденными на выезд в Польшу, и отправленными образовалась за счет лиц без гражданства). [6, С.31]

Но даже спустя несколько лет после войны, посланники со всего мира засыпали Москву списками фамилий своих граждан, пропавших во время занятия Европы Красной Армией, а также содержащихся в лагерях для военнопленных и прочих лагерях. Однако в самом НКВД зачастую не имели понятия о том, что было с этими людьми. В конце концов, советские власти созвали специальные комиссии, которые должны были проверить, сколько иностранцев все еще находилось в тюрьмах, и рассмотреть возможность их освобождения.

В определенный момент, в 1947 году, на пике послевоенного голода, НКВД неожиданно освободило несколько тысяч военнопленных. Никакого политического объяснения этого тогда дано не было: советское правительство, скорее всего, пришло к выводу, что не обладает достаточным количеством продуктов питания, чтобы содержать заключенных. Полная же репатриация польских граждан из СССР заняла более десяти лет.

XXI век открыл миру новый вид депортации, ранее не известный истории. В мире существовали два радикальных социалистических государственных режима - в Германии и в Советском Союзе. Идеология двух этих режимов опиралась на стремлении достичь обозначенных целей, не принимая во внимание цену человеческой жизни и степень жестокости ме-

тодов, применяемых для достижения этих целей. Депортации поляков, проводимые Советским Союзом, не прекратились даже после подписания договора Сикорский-Сталин в июле 1941 года, не прекратились они и после войны. После вступления Красной Армии на территорию Польши и занятия польских земель на востоке вглубь России было депортировано более 320 тыс. польских граждан.

Библиографический список:

1. *Applebaum A. Gulag. Warszawa: Świat Książki, 2005.*
2. *Katyń. Dokumenty zbrodni, t.2. Zagłada: marzec-czerwiec 1940. Warszawa, 1998.*
3. *War through children's eyes: the Soviet occupation of Poland and the deportations, 1939-1941 / Irena Grudzińska-Gross, Jan Tomasz Gross. Stanford University: Hoover Institution Press, 1981.*
4. *Бугай Н.С. Депортации поляков // Обозреватель-Observer № 10-11. URL: http://www.rau.su/observer/N10-11_94/18.htm (дата обращения 15.02.2012).*
5. *Депортации поляков // Аналитическая газета «Секретные исследования». Архив публикаций. URL: <http://secret-r.net/publish.php?p=169> (дата обращения 15.02.2012)*
6. *Справка о репрессиях против поляков и польских граждан в СССР 22 февраля 1996 года. // Дорога на Восток. Документальная хроника из жизни депортированных поляков в оренбургской области (1937-1955 гг.). М.: МИК, 2006.*

Сведения об авторе:

Андреевко Ольга Михайловна, магистрант факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского helen_0783@inbox.ru

«МАЙНИЛЬСКИЙ ИНЦИДЕНТ» В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: Вопрос по поводу обстрела советских войск в районе Майнилы остается до сих пор актуальным в современной исторической науке. В XXI веке взгляды ученых по данному вопросу различаются. В статье рассматривается освещение Майнильского инцидента в трудах отечественных исследователей, а также выявлены их взгляды на данный вопрос, показаны особенности отражения Манильского инцидента в различных научных трудах.

Ключевые слова: историография, Советско-финляндская война, Майнильский инцидент.

*Drozhzhin R.A. «Manelski incident» in a modern domestic historiography
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, Bryansk.*

Abstract: The question of the shelling of Soviet troops in the Mainil region is still relevant in modern historical science. Even in the 21st century, the views of scientists on this issue differ. The article discusses the coverage of the Maynil incident in the works of domestic researchers. The main points of view of Russian historians on this issue are revealed, the features of the reflection of the Manila incident in various scientific works are shown.

Keywords: Soviet-Finnish war, Maynil incident, domestic researchers.

Советско-финляндская (Советско-финская) война 1939–1940 гг. – одна из самых спорных страниц советской внешней политики периода начала Второй мировой войны. Отношения между двумя странами в начале XX века были весьма напряженными по ряду причин. В декабре 1917 года Финляндия объявила себя независимым государством и вышла из состава России, и практически сразу же внутри страны началась гражданская война, в ходе которой к власти пришли белофинны – противники большевиков. Вскоре после этого в марте 1918 года началась Первая Советско-финская война.

Преследуя противника (финских «красных»), белофинны пересекли российскую границу в районе Восточной Карелии, что и явилось причиной последующего конфликта. Неудачные боевые действия против финской стороны заставили советскую власть пойти на уступки и подписать 14 октября 1920 года Тартуский мирный договор. По итогам договора Финляндия приобретала ряд территорий: Печенегскую волость, часть полуострова Рыбачьего и Среднего, ряд островов Баренцева моря. Морская граница в Финском заливе была установлена от устья реки Сестры к устью реки Наровы, в результате чего Россия лишилась выхода в Баренцево море.

Несмотря на то, что Первая Советско-финская война рассматривалась большевистским правительством как часть Гражданской войны и интервенции иностранных держав на территорию Советской России, отношения между странами после заключения договора не были открыто враждебными.

Ситуация изменилась в 1933 году с приходом к власти в Германии Адольфа Гитлера. Советское руководство считало, что война с нацистской Германией неизбежна, полагая при этом, что немецкие войска будут использовать территорию Финляндии в качестве плацдарма для наступления на Ленинград, который находился на тот момент на расстоянии 50 км от советско-финской границы. Заключение 23 августа 1939 года пакта Молотова-Риббентропа с Германией предоставило СССР возможность вернуть свои территории, отошедшие Финляндии, а также отодвинуть границу дальше от Ленинграда. Формальным

поводом к войне и послужил так называемый «Майнильский инцидент», который датируется 26 ноября 1939 года.

Согласно советской официальной версии ее вооруженные силы 26 ноября 1939 года в 15 часов 45 минут в районе села Майнила (на границе с Финляндией) были обстреляны с финской территории. В результате обстрела были убиты трое рядовых и один офицер, а семеро рядовых и двое офицеров получили ранения.

Финляндия отвергла предъявленные обвинения, указав, что обстрел происходил с советской стороны, и отказалась выполнить требование по отводу войск на 20-25 км от границы [6]. В результате советские войска 30 ноября 1939 года перешли финскую границу.

В рамках статьи не ставится цель рассмотреть ход боевых действий конфликта и его итоги. Ее задачи ограничиваются изложением точек зрения, существующих в современной отечественной историографии по поводу Майнильского инцидента и выявлением дискуссионных моментов и оценок.

Действительно, в отечественной исторической науке не существует единой точки зрения по поводу событий 26 ноября 1939 года у села Майнила: одни исследователи считают, что обстрел был совершен с финской стороны, другие – что обстрел произошел с советской стороны, третьи – что обстрела как такового не было вообще, а был информационный вброс в советских средствах массовой информации, чтобы как-то объяснить начало военных действий.

Так, историк П.А. Аптекарь считает, что выстрелы в районе Майнила не производились. Это был информационный обман со стороны Советского союза с целью создания повода для введения советских войск на территорию Финляндии. К такому выводу ученый пришел на основании изучения сводок о чрезвычайных происшествиях советской стороны, в которых отсутствуют сведения о каких-либо артиллерийских обстрелах. Также разведывательные и оперативные сводки 70-й стрелковой дивизии и 19-го стрелкового корпуса, дислоцировавшихся в этом районе, не содержат сведений ни об обстреле, ни о наличии вблизи границы финской артиллерии [1, с. 61-62].

В книге «Тайны Сталинской дипломатии. 1939–1941» [5], написанной известным советским исследователем М.И. Семияргой, есть материалы, посвященные данной проблеме. В одной из глав, описывающей советско-финляндские отношения, историк пытается понять, кем был совершен обстрел советских войск на границе. Размышляя на данную тему, автор приходит к выводу, что данная провокация была выгодна только СССР, которому нужен был веский аргумент для нарушения договора о ненападении с Финляндией 1932 года. В качестве доказательств он приводит аргументы, которые, как ему кажется, подтверждают его вывод.

Так, Финская сторона предложила вполне логичное решение, а именно «совместно произвести расследование по поводу данного инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах, заключенной 24 сентября 1928 года», и изъявляла готовность «приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы» [3, с. 463-464]. Однако Советская сторона ответила отказом. Помимо этого, М.И. Семиярга акцентирует внимание на том, что многие обстоятельства Манильского инцидента так и остались неизвестными. Например, не были опубликованы фамилии солдат, погибших при обстреле. Он же указывает на тот факт, что в советской прессе сообщалось о выстрелах по регулярным советским войскам, хотя сведения о дислокации войск не было. Отсутствовали в советской прессе и сведения по поводу обследования места происшествия, которое проводил советский полковник П.Г. Тихомиров [5, с. 118-119].

Весьма интересна точка зрения на Майнильский обстрел Н.И. Барышникова, М.Н. Барышникова, В.Г. Федорова – авторов книги «Финляндия во Второй Мировой войне» [2]. В данном научном труде отсутствует детальное описание инцидента, однако отмечается, что обстрел советских войск в районе Майнилы финскими войсками произошел 26 ноября 1939 года, и сразу же правительство СССР предложило отвести финские войска от границы на 20-25 километров, чтобы предотвратить назревающий вооруженный конфликт. Авторы, характеризуя финскую сторону, как «крайне милитаристически настроенную», указывают, что именно она не захотела идти на компромисс, поэтому И.В. Сталин был вынужден объявить войну. Для подтверждения своей точки зрения они указывают на тот факт, что на требование СССР об отводе финских войск от границы Финляндия предъявила аналогичное требование, тем самым создав угрозу Ленинграду. При этом историки не упоминают о том, что финское правительство предлагало провести совместное расследование инцидента с привлечением третьей стороны. Было проигнорировано советской стороной и требование предоставить снаряды с финской маркировкой, которыми были обстреляны советские солдаты. Таким образом, основной вывод Н.И. Барышникова, М.Н. Барышникова, В.Г. Федорова сводится к тому, что Майнильский конфликт был спровоцирован финской стороной, которая хотела иметь границы еще ближе к Ленинграду, а у советской стороны не оставалось выбора, кроме как применить военную силу [2, с. 75-76].

Следует отметить, что практически такой же позиции придерживается доктор исторических наук М.И. Мельтюхов – одним из крупнейших специалистов по внешней политике СССР периода с 1918 по 1941 гг. Так, в своей книге «Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939-1941 гг.», автор подчеркивает, что данная тема является одной из самых обсуждаемых в исторической науке и взгляды ученых по данному вопросу различны [4]. Однако в своей работе М.И. Мельтюхов старается показать, что СССР проводил мирную и компромиссную политику. В частности, исследователь указывает, что нота СССР об отводе финских войск от границы на 20-25 км никакой угрозы для Финляндии не представляла. Тем не менее, как отмечает историк, именно агрессивная реакция Финляндии и нежелание властей идти на компромисс с СССР заставили И.В. Сталина ввести войска [4, с.101].

При этом М.И. Мельтюхов не упоминает то важное обстоятельство, что советская сторона сама отклонила предложение финнов о совместном расследовании данного происшествия с привлечением третьей независимой страны.

Таким образом, даже краткий обзор историографии проблемы подтверждает, что Майнильский инцидент 26 ноября 1939 года – это одна из самых спорных тем отечественной истории. Исследователи имеют разные точки зрения по данному вопросу. Однако, на наш взгляд, более аргументированной точкой зрения на данную проблему является позиция П.А. Аптекаря, который считает, что обстрел советских войск в районе Майнилы был информационной провокацией СССР. Автор, опираясь на документы и донесения советской стороны, логично доказывает, что никакого обстрела вообще не было, и данная провокация была выгодна исключительно Советскому Союзу.

Библиографический список

1. Аптекар П.А.. Советско-финские войны. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. – 384 с.
2. Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во второй мировой войне. – Л.: Лениздат, 1989. – 336 с.
3. Внешняя политика СССР: Сборник документов. Том IV: (1935 – июнь 1941 г.) / [Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кабинет социально-экономических наук; Составитель научный сотрудник Кабинета Социально-Экономических Наук Высшей Партийной Школы при ЦК ВКП(б) А.С. Тисминец]. – М., 1946. – 646 с.
4. Мельтюхов М.И.. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939 – 1941 гг. – М: Вече, 2008. – 544 с.
5. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939 – 1941. – М.: Высшая школа, 1992. – 303 с.
6. Нота правительства СССР, врученная посланнику Финляндии по поводу провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями 26 ноября 1939 г. [Электронный ресурс] // <http://www.aroundspb.ru/finnish/docs/dir0note.php> (дата обращения: 16.12.2019).

Сведения об авторе:

Дрожжин Роман Александрович, студент 4 курса факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, e-mail: drozhzhin.roma@bk.ru

УДК 94(47+430)"1939"

А. А. Матророва

ПАКТ МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА: 80 ЛЕТ СПУСТЯ. МАТЕРИАЛЫ К ДИСКУССИИ

Аннотация. В статье дан обзор взглядов на заключение пакта Молотова-Риббентропа в современном информационном пространстве. Выявлены основные точки зрения отечественных исследователей и политиков на последствия заключения пакта Молотова-Риббентропа и его роль в начале Второй мировой войны.

Ключевые слова. Пакт Молотова-Риббентропа, Вторая мировая война.

A.A. Matrosova. Molotov-Ribbentrop Pact: 80 years old. Materials for a discussion

Summary. The article provides an overview of views on the conclusion of the Molotov-Ribbentrop Pact in the modern information space. The main views of domestic researchers and politicians on the consequences of the Molotov-Ribbentrop Pact and its role at the beginning of World War II have been identified.

Keywords. Molotov-Ribbentrop Pact, World War II.

23 августа 2019 года исполнилось 80 лет со дня подписания договора о ненападении между Германией и СССР, который является одной из спорных страниц истории России.

Пакт Риббентропа-Молотова – договор о ненападении между Советским Союзом и нацистской Германией, был подписан 23 августа 1939 года министром иностранных дел Германии Иоахимом фон Риббентропом и народным комиссаром иностранных дел СССР Вячеславом Молотовым. Стороны соглашения обязывались воздерживаться от нападения друг на друга и соблюдать нейтралитет в случае, если одна из них становилась объектом военных действий третьей стороны. Участники соглашения также отказывались от союзных отношений с другими державами, «прямо или косвенно направленных против другой стороны». К договору прилагался секретный дополнительный протокол о разграничении сфер интересов в Восточной Европе на случай «территориально-политического переустройства». Протокол предусматривал включение Латвии, Эстонии, Финляндии, «восточных областей, входящих в состав Польского государства», и Бессарабии в сферу интересов СССР. Литва и западная часть Польши были отнесены в сферу интересов Германии. О его существовании общественность СССР узнала лишь в годы Перестройки[2].

Юбилейная дата вызвала не только исследовательский интерес историков[6], но и дискуссию о том, чем являлся пакт Молотова-Риббентропа: вершиной дипломатии советского руководства или её провалом, вынужденной мерой для обеспечения лучшей готовности страны к войне или реализацией осознанного желания Сталина её развязать.

Официальная точка зрения на настоящий момент состоит в признании договора необходимостью в сложившейся ситуации[6], более того – достижением советской дипломатии, которым надо гордиться[11]. Министерство иностранных дел (МИД) Российской Федерации на своей официальной странице[3] приводит цитаты из интервью главы Росархива А.Н.Артизова[9], где пакт Молотова-Риббентропа был охарактеризован как закономерный результат «политики умиротворения» Германии, проводившейся в то время западными державами. При этом подчеркивается, что вина в подписании договора лежит, в том числе на Великобритании, Франции и Польше, так как, во-первых, Великобритания и Франция всячески поддерживали «политику умиротворения». Во-вторых, эти три державы не поддержали инициативу СССР по созданию антигитлеровской коалиции. Заключение пакта приравнивается к «Мюнхенскому сговору». МИД Российской Федерации подчеркивает, что «те, кто ругают СССР за заключение т.н. «Пакта Молотова-Риббентропа» в 1939 г., сейчас предпочи-

тают не вспоминать про «Мюнхенский сговор» 1938 г., в результате которого суверенная Чехословакия была отдана ее западными покровителями «на заклятие» фашистскому агрессору. За ней последовала Польша, по сути преданная теми, кто, обещав защитить ее, ограничился в ответ на агрессию против союзника символической «странной войной» [12].

В годовщину подписания пакта Молотова-Риббентропа была опубликована статья министра культуры РФ, председателя Российского военно-исторического общества (РВИО), доктора исторических наук В.Р.Мединского [6], в которой предлагается оценка договора о ненападении. Учитывая статус автора, можно предположить, что в ней также освещается официальная позиция российского правительства по поводу пакта.

Так, в своей статье В.Р. Мединский указывает, что отношение к пакту становится резко отрицательным только в «перестройку», а, следовательно, данная точка зрения является «жертвой перестройки» [6]. В это же время начинается замалчиваться факт заключения подобных договоров других европейских стран с нацистским правительством и провала англо-франко-советских переговоров летом 1939 года по вине Британии. Министр отмечает, что «шельмование» пакта продолжается до сих пор в различных иностранных изданиях, что является лишь примитивной политизацией, которая не опирается на знание документов и фактов [6].

По мнению В.Р. Мединского «в конкретной внешнеполитической ситуации лета 1939 г. СССР был прав» [6], так как исходил из интересов народов СССР, защищая их право на существование. В своей статье он перебирает различные альтернативы, существовавшие перед советским правительством в тот момент, и приходит к выводу, что другого пути у И.В. Сталина не было. При всех иных развитиях событий СССР ждала бы катастрофа: создание на границах государства «суверенной» Украины, переход Латвии, Литвы и Эстонии на сторону нацистов, а так же активизация Финляндии с планом создания Великой Финляндии, куда бы входили территории СССР вплоть до Урала.

Подобная трактовка причин заключения пакта Молотова-Риббентропа, предлагается и в сборнике статей «Антигитлеровская коалиция 1939: формула провала», выпущенного Институтом внешнеполитических исследований и инициатив [5]. В сборнике были впервые опубликованы фотографии советского оригинала Договора о ненападении и секретного дополнительного протокола к нему. В предисловии к сборнику, написанному генеральным директором Института внешнеполитических исследований и инициатив В. Крашенинниковой подчеркивается – договор о ненападении был вынужденным шагом. Советское правительство заключило его, поняв, что складывание антигитлеровской коалиции невозможно [5].

И в статье В.Р. Мединского, и в предисловии к сборнику статей существуют попытки увязать пакт Молотова-Риббентропа с современностью. Однако существенна разница в её трактовках. В. Р. Мединский говорит, что «уметь договариваться в своих интересах с любой самой недружественной стороной (прекрасно понимая, кто есть who, опять же считайте Сталина и Молотова негодьями, но точно – не дураками) – это, в общем, и есть дипломатия» [6]. В. Крашенинникова проводит параллель с сегодняшним днем, заменяя гитлеровскую Германию на США: «Сегодня, когда администрация США разрушает систему договоров о вооружениях и требует милитаризации Европы, сохранение мира на континенте также требует создания системы коллективной безопасности. В прошлый раз гигантские усилия Москвы не увенчались успехом» [5].

Сформулированная таким образом официальная точка зрения в свою очередь активизировала дискуссию и среди научного сообщества. Так, примером альтернативной интерпретации пакта явилось его обсуждение историками М.Соколовым, Б. Соколовым, К. Александровым, Ф. Фирсовым [10]. Их общая точка зрения заключается в том, что договор был про-

должением курса развязывания войны не только со стороны Гитлера, но и со стороны И.В. Сталина, а, следовательно, его подписание не являлось необходимостью, продиктованной интересами СССР.

Напомним, что основной причиной для заключения договора о ненападении в выше изложенном официальном дискурсе определяется нежелание западных держав заключать антигитлеровскую коалицию. При этом особенно выделяется позиция Польши, которая наотрез отказывалась от предоставления коридоров для Красной армии [5]. Историки опровергают эту позицию. Они считают, что краткосрочность переговоров военных миссий демонстрировала незаинтересованность в них И.В. Сталина. Сравнение же военных сил на момент заключения пакта делает для них очевидным, что СССР был лучше подготовлен к ведению военных действий, нежели Германия. Таким образом, говорить о непосредственной опасности Советскому Союзу со стороны Гитлера становится невозможным [10].

В качестве дополнительного аргумента в обсуждении приводится следующий факт: «вечером 23 августа<...>Думенк получил из Парижа телеграмму: "Польское правительство согласно <...> в случае общих действий против немецкой агрессии сотрудничество между Польшей и СССР на технических условиях, подлежащих согласованию, не исключается"»[8]. Из чего следует, что И.В. Сталин имел возможность договориться с польским правительством и заключить антигитлеровскую коалицию, несмотря на начавшиеся переговоры с Германией.

Историк Ф. Фирсов высказался по поводу сравнения «Мюнхенского соглашения» и пакта Молотова-Риббентропа. Он подтверждает, что целью политики западных держав был поворот агрессии Гитлера на Восток, но пакт буквально развязывал руки нацистской Германии для начала мировой войны, что и являлось целью И.В. Сталина [10].

Возвращаясь к альтернативным последствиям отказа заключать пакт, К. Александров пытается опровергнуть их [10]. По его словам, выделение «суверенной» Украины было бы невозможно, так как Гитлер мог начать военные действия только после того, как договорился с СССР. Германия не имела сил для противостояния Советскому Союзу. Начинать какие-либо действия без обеспечения безопасности со стороны СССР Гитлер не мог. Агрессия со стороны Финляндии, по его мнению, так же была невозможна, так как на тот момент страна обладала 15 танками и 114 самолетами. В свою очередь К. Александров излагает свое видение развития событий: СССР должен был заявить, что вторжение германских сил на территорию Польши будет рассматриваться как угроза своим национальным интересам. Это бы что сдерживало бы Гитлера от вступления в войну, так как соотношение сил к осени 1939 года было не на его стороне [10].

Таким образом, в современной России еще не существует единой точки зрения по поводу договора о ненападении между Германией и СССР. В официальном дискурсе на настоящий момент пакт рассматривается как необходимость, подписанный ради обеспечения национальных интересов страны, давший возможность оттянуть войну на два года и отодвинуть границу. Подчеркивается невозможность заключения антигитлеровской коалиции по вине, исключительно, Великобритании, Франции и Польши. Подчеркивается эта невозможность в концепции противопоставления «мы – они», где «мы» действуем не только в рамках национальных интересов, но и пытаемся остановить нацистскую агрессию, а «они» всячески противодействуют этому и пытаются натравить Германию на СССР [5].

В противовес этому существует альтернативная точка зрения, согласно которой пакт помогал Гитлеру и Сталину развязать мировую войну, к которой они оба стремились. При этом считается, что национальные интересы Советского Союза для И.В. Сталина уходили на второй план, а на первый выходило желание решать судьбы мира.

Библиографический список

1. В Москве представили документы, связанные с пактом Молотова — Риббентропа [Электронный ресурс] // РИА Новости 14.08.2019. URL: <https://ria.ru/20190814/1557479723.html> (дата обращения: 06.12.2019).
2. «Год кризиса. 1938—1939.» Документы и материалы в двух томах. [Электронный ресурс] // 1990. URL: http://www.katyn-books.ru/archive/year/God_krizisa_1t_2t.htm (дата обращения: 06.12.2019).
3. Из интервью главы Росархива А.Н.Артизова «Пакт и факт» в «Российской газете» о выставке «1939 год. Начало второй мировой войны». [Электронный ресурс] // МИД России официальная страница в «ВКонтакте». 03.09.2019. URL: https://vk.com/wall-70034991_366948 (дата обращения: 06.12.2019).
4. Историк: пакт Молотова-Риббентропа сорвал планы экспансии Британии в Европе. [Электронный ресурс] // РИА Новости 22.08.2019. URL: <https://ria.ru/20190822/1557767312.html> (дата обращения: 06.12.2019).
5. Крашенинникова В.: «Договор о ненападении для Москвы был вынужденным шагом» [Электронный ресурс] // Фонд: «Историческая память» 03.06.2019. URL: <http://historyfoundation.ru/2019/06/03/veronika-krasheninnikova-dogovor-o-nenapadenii-dlja-moskvy-byl-vynuzhdennym-shagom/> (дата обращения: 06.12.2019).
6. Мединский. В.Р. Дипломатический триумф СССР [Электронный ресурс] // РИА Новости 23.08.2019. URL: <https://ria.ru/20190823/1557826932.html> (дата обращения: 06.12.2019).
7. МИД назвал заключение пакта Молотова-Риббентропа вынужденным шагом [Электронный ресурс] // #ГоворитМосква. 22.09.2019. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/210516/> (дата обращения: 06.12.2019).
8. «Обеспечили нацистам безопасный тыл»: Почему Сталин в 1939 году не захотел вместе с Западом остановить Гитлера. [Электронный ресурс] // Lenta.Ru 20.08.2019. URL: https://lenta.ru/articles/2019/08/20/st_vs_hl/ (дата обращения: 06.12.2019).
9. «Пакт и факт»: Выставка Росархива рассекречивает документы и аргументы, посвященные началу Второй мировой войны. [Электронный ресурс] // Российская газета. 19.08.2019. URL: <https://rg.ru/2019/08/19/vystavka-rosarhiva-rassekretit-dokumenty-o-nachale-ii-mirovoj-vojny.html> (дата обращения: 06.12.2019).
10. Пакт Сталина с Гитлером: триумф или трагедия? [Электронный ресурс] // Радио Свобода. 26.08.2019. URL: https://lenta.ru/articles/2019/08/20/st_vs_hl/ (дата обращения: 06.12.2019).
11. Сергей Иванов заявил о недопустимости политизации истории Второй мировой войны. [Электронный ресурс] // Российское военно-историческое общество. 16.09.2019. URL: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-6657> (дата обращения: 06.12.2019).
12. Статья Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Турции А.В.Ерхова по случаю 80-ой годовщины начала Второй мировой войны. [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Турецкой Республике. 29.09.2019. URL: https://turkey.mid.ru/ru/press-centre/news/statya_posla_rossii_v_turtsii_a_v_erkhova_po_sluchayu_80_oy_godovshchiny_nachala_vt_oroj_mirovoj_voyn (дата обращения: 06.12.2019).

Сведения об авторе:

Матросова Александра Александровна, студентка 4 курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: alexandramatrosowa@yandex.ru

STRANGE BEDFELLOWS

«Странные сожители». Над Гитлером и Сталиным соответственно надписи: «Антикоммунистический нацизм» и «Антинацистский коммунизм».

Карикатура в британской прессе (1939 г.), отражающая отношение западных держав к подписанию пакта Молотова – Риббентропа.

УДК 94(4)"1939"

А. А. Федотов

ВЗЯТИЕ НЕМЦАМИ БРЕСТА И СОВМЕСТНЫЙ ПАРАД ВОЙСК СССР И ГЕРМАНИИ

Аннотация: В данной статье поднимается важный вопрос о том, существовал ли так называемый «парад» 22-го сентября, в котором приняли участия войска СССР и Германии. Здесь были использованы разные виды источников, информация из которых помогли подтвердить или опровергнуть истинность событий сентября 1939-го года.

Ключевые слова: СССР, Польша, Германия, парад, вторая мировая война.

A.A. Fedotov. The capture of Brest by the Germans and the joint parade of the troops of the USSR and Germany

Abstract: This article takes part in the war of the USSR and Germany. Various types of sources were used here to confirm or deny the truth of the events of September 1939.

Keywords: USSR, Poland, Germany, parade, World War II.

В современной истории уже давно обсуждают так называемый парад в Бресте 22 сентября 1939 года. О том насколько реальным был этот «парад» не утихают споры уже несколько долгих лет. Поставить точку и закончить прения по данному вопросу не удастся и по сей день, ведь нет точных доказательств, которые смогли бы в полной мере удовлетворить интересы дискутирующих сторон.

Ряд исследователей, говорящих о том, что 22 сентября в Бресте прошел совместный парад сразу двух государств, используют следующие аргументы:

- наличие большего числа фотографий и кадров хроники
- записи в мемуарах отдельных участников.

Историки с абсолютно полярным мнением используют иную аргументацию ссылаясь на те же мемуары и отчеты о действиях танковых бригад.

Для того чтобы разобраться в том, насколько реальным было это событие следует внимательно изучить ход событий накануне 22-го сентября. Известно, что план захвата Польши был разработан задолго до злосчастных сентябрьских событий. Уже в начале апреля 1939 г. генерал В. Кейтель заявил, что подготовил проект "Директивы о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939-1940 гг." [1]. Вместе с этим часть командующих получила предварительный вариант плана войны с Польшей, который в дальнейшем упоминается, как план «Вайс». Подробная инструкция по ведению боевых действий на территории Польши. Немного позже фюрер лично утвердил данную директиву, что ознаменовало начало мощной подготовки к осуществлению плана Кейтеля. Сам план «Вайс» включал в себя несколько этапов. В самом начале стояла острая необходимость в серии точных ударов из Восточной Пруссии, Силезии и районов Померании, которые впоследствии могли бы разгромить главные силы польской армии [1]. Предполагаемый противник находился на территории близ рек Висла и Нарев.

Затем первостепенной задачей становилась возможность окружения и последующего разгрома, до мобилизации основных польских вооруженных сил. На начальном этапе подготовки Германия была обеспокоена политической ситуацией на мировой арене. Германское командование прекрасно знало о том, что такие крупные государства, как Англия и Франция не станут вмешиваться в локальный конфликт двух держав. Но никаких гарантий того, что другие государства не станут оказывать давление, не было и не могло быть. Исходя из этого, заранее планировалось привлечь отдельную группу армий, в которую вошли 31- дивизия с

генералом В.Леебом во главе. Этой группе отводилась роль в защите границы близ таких государств как Нидерланды, Бельгия и Франция.

Стоит сказать, что консолидация и формирование войск на близлежащих территориях проводилась достаточно скрытно. Под видом подготовки к осеннем маневрам к 25-му августа была завершена мобилизация войск. В общей сложности против Польши было сосредоточено 16 пехотных, 4 легкопехотные, 6 танковых, 2 моторизованные дивизии и 1 кавбригада. Но поскольку само вторжение началось несколькими днями позже, то приводятся обновленные данные: «37 пехотных, 4 легкопехотные, 1 горнопехотную, 6 танковых и 4 моторизованные дивизии, 1 кавбригаду и 2 полка СС [1].

Заметим, что польская разведка работала достаточно эффективно и была уведомлена о готовящемся вторжении со стороны Германии. Исходя из полученных разведанных и подготовки Польши к вторжению, казалось, что польское правительство держало ситуацию под своим контролем. Однако, паника охватившая страну, говорила об обратном. Как только пришла весть о наступлении германских войск, президент Мосцицкий бежал с территории Польши. Вслед за ним началась эвакуация правительственных учреждений. Несколько днями позже из столицы выехало правительство, а 17-го сентября оно и вовсе покинуло страну. Сам ход боевых действий ознаменовал мощнейший массовый удар 1 сентября в 4.30 утра [1]. Германские военно-воздушные силы планомерно уничтожало польские аэродромы, в то время как сухопутные войска уже перешли границу Польши. Всего лишь за несколько дней войскам удалось разгромить несколько польских армий и занять так называемый «польский коридор» [1].

Военные силы Польши оборонялись, однако уверенное продвижение 4-й немецкой армии вдоль реки Вислы и захват 3-й армией районов близ реки Нарев значительно ухудшало их положение и давало захватчикам возможность окружить польские армии, в соответствии с планом «Вайс». Стремительное танковое наступление 16-го танкового корпуса было настолько успешным, что германским генералом пришлось 3 сентября остановить наступление. Пошаговое уничтожение частей польской армии, вынудило польское командование дать приказ об отходе и отводе ряда армий. Такие маневры полностью оголяли южный фронт польской обороны и ставило под угрозу тыл обороняющихся. Ошибки командного состава позволили уже 5 сентября прорвать польской фронт и задуть сопротивление вооруженных сил Польши. В этот же день 14-я германская армия получила приказ о наступлении на Люблин для того, чтобы плотно замкнуть кольцо и оставить польские силы глубоко в котле окружения [1]. В свою очередь 10-я армия получила задачу отрезать путь отхода и блокировать отступление. Всего лишь за пять дней войскам Германии удалось выиграть серию столкновений на границе обеих государств, однако сопротивление польских вооруженных сил заставило германское командование внести существенные изменения в план «Вайс» и поменять несколько важных деталей. Отсюда можно говорить о том, что наступление германских войск стало более стремительным, и теперь стояла задача проникнуть, как можно дальше вглубь польских территорий.

Уже 8 сентября несколько танковых дивизий достигли окрестностей столицы. Однако упорное сопротивление отбросило наступление германской армии. 10 сентября вошло в историю как сражение на Бзуре, в ходе которого польским силам, ценой огромного числа жертв, нанесли сильнейший удар по соединениям 8-й армии [1]. Чуть позже сразу три польские дивизии нанесли серию обескураживающих ударов, отбросивших германские войска к югу, которые заставили Германию укрепить свою оборону. Такой ход событий стал подспорьем для того, чтобы военные силы Германии смогли перейти в контрнаступление.

К большому сожалению, долгое и упорное сопротивление польских войск не принесло должных плодов. Германия продолжила успешно наступать и к 14 сентября немецкие силы заблокировали гарнизон Варшавы, что означало полнейшее поражение польских сил, которые были уничтожены к 18 сентября [1].

Поскольку целью работы является раскрытие сути «парада», который произошел на территории польского города Брест, то стоит заметить что 3-я германская армия гораздо раньше захватила территории близ города и сам Брест, а именно 15 сентября. Чуть позже, немецкое командование получило сообщение о переходе Красной Армией границ Польши, что означало полную остановку войск на линии «Сколе - Львов - Владимир-Волынский – Брест - Белосток» [1]. Сам фюрер курировал вопрос об установлении демаркационной линии и 20-го сентября германские войска получили новый приказ, исходя из которого последние должны были отойти на новую линию: Ужокский перевал - Хыров - Перемышль - р. Сан - р. Висла - р. Нарев - р. Писса - граница Рейха [1]. Германские и советские военные силы поддерживали тесные контакты, через своих представителей.

Так 20 сентября 1939 года начались переговоры Ворошилова и Шапошникова с генералом Кестрингом и рядом других германских командующих. На данных переговорах обсуждался вопрос о порядке отвода германских войск и продвижения советских войск на демаркационную линию. «Первоначально предполагалось, что движение Красной Армии на запад начнется с утра 23 сентября, войска должны будут двигаться с 25-км интервалом, и к вечеру 3 октября германские войска отойдут за окончательную демаркационную линию [1]. Обсуждение этих важных стратегических вопросов закончилось подписанием советско-германского протокола, который обязывал обе стороны совершить движения войск в соответствии с четким планом. Далее произошло событие, которое уже долгое время будоражит умы историков и является причиной бурных обсуждений в просвещенных кругах.

В ночь на 22 сентября советские войска приняли у немцев польский город Брест [4]. Именно здесь по мнению историка М.И. Мельтюхова произошел, так называемый парад советских и германских войск. В его книге «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941» говорится о том, что войска двух держав прошли мимо трибуны, на которой стояли известнейший генерал Г. Гудериан и комбриг С.М. Кривошеин. Откуда берет начало это утверждение, остается загадкой. Существуют несколько фотографий, на которых данные военачальники запечатлены незадолго до начала «парада» (Рис. 1, 2).

Более ценным источником информации могут служить мемуары обоих участников парада в качестве командиров армий.

Семен Моисеевич Кривошеин, генерал-лейтенант танковых войск, получивший звание Героя Советского Союза, в своих мемуарах оставил несколько строк, охвативших события 22-го сентября. Он описал Гудериана, называя его «маленьким и сухоньким генералом». Так же есть описание и самого парада:

«В 16.00 я и генерал Гудериан поднялись на невысокую трибуну...»

За пехотой пошла моторизованная артиллерия, потом танки. На бреющем полете пронеслось над трибунами десятка два самолетов. Гудериан, показывая на них, пытался перекричать шум моторов. – Немецкие асы! Колоссаль-кричал он. Я не удержался и тоже крикнул в ответ:

-У нас есть лучше!

-О, да!-ответил Гудериан без особой радости. Потом опять пошла пехота на машинах. Некоторые из них, как мне показалось, я уже видел. Очевидно, Гудериан, используя замкнутый круг близлежащих кварталов, приказал мотополкам демонстрировать свою мощь, несколько раз... Наконец парад окончился» [2, с.261].

Рис. 1. Совместные фото Гейнца Гудериана и Семена Кривошеина, сделанные на мероприятии в Бресте 22 сентября 1939 года. Источники: https://vk.com/album-2649104_109081211
https://www.youtube.com/watch?v=cdIS3UtUc4c&feature=emb_err_watch_on_yt

Прошу заметить, что сам Семен Моисеевич в последний строчке описал сие событие, как «парад». Итак, о том, что это именно «парад» мы можем говорить только со слов самого Кривошеина. Сразу после встречи с немецким генералом Семен Моисеевич отправил донесение в штаб. В нем содержатся следующие сведения: «В 16.00 (точно по времени, установленному протоколом) вступил с бригадой в город, где произошла процедура замены флагов и приветствия германских войск» [2, с .261]. Это утверждение можно подтвердить только наличием соответствующего документа, однако стоит заметить, что слово «парад» здесь не указано.

Немецкий генерал Гудериан в своих мемуарах описывает события 22-го сентября немного иначе:

«В день передачи Бреста русским в город прибыл комбриг Кривошеин, танкист, владевший французским языком; поэтому я смог легко с ним объясниться. Все вопросы, оставшиеся неразрешенными в положениях министерства иностранных дел, были удовлетворительно для обеих сторон разрешены непосредственно с русскими. Мы смогли забрать все, кроме захваченных у поляков запасов, которые оставались русским, поскольку их невозможно было эвакуировать за столь короткое время. Наше пребывание в Бресте закончилось прощальным парадом и церемонией с обменом флагами в присутствии комбрига Кривошеина» [3, с .39].

Как видите, командир 19-го армейского моторизованного корпуса Гейнц Гудериан тоже использует слово «парад» и отмечает способность Семена Моисеевича говорить на французском языке. Может быть, обычная лингвистическая ошибка в диалоге двух иностранцев на третьем иностранном языке стала причиной появления информации о совместном параде? Сложно сказать однозначно, так как записи свидетелей диалога двух генералов не сохранилось и никаких официальных подтверждений тоже не осталось. Однако стоит заметить, что

Рис.2. Фотокинохроника, запечатлевшая Гейнца Гудериана и Семена Кривошеина во время военного мероприятия Вермахта и РККА в Бресте 22 сентября 1939 года. Источники:

<http://www.svobodanews.ru/content/article/1804009.html> https://vk.com/album-2649104_109081211
https://www.youtube.com/watch?v=cdIS3UtUc4c&feature=emb_err_watch_on_yt

между двумя командующими была некая договорённость, о которой в своих мемуарах упоминает Кривошеин:

«- Пункт о параде записан в соглашении, и его нужно выполнять, - настаивал Гудериан.

- Этот пункт соглашения мы с вами выполнить должны так, - в категорической форме предложил я: - в 16 часов части вашего корпуса в походной колонне, со штандартами впереди, покидают город, а мои части, так же в походной колонне, вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знаменами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши» [2, с.260].

Подводя итоги, сложно сказать о том был ли так называемый «парад» парадом в полной мере. На первый взгляд может показаться, что торжественная обстановка передачи Бреста из рук немцев в руки русских носит характер парада победителей и братания двух союзников. Однако формальная церемония отхода одних войск и введение других приняла только форму парада, а на деле таковым не является. Как можно заметить, сам термин «парад» был введен в оборот именно Гудерианом и только позднее появился на страницах мемуаров генерала Кривошеина.

На мой взгляд, данное событие нельзя назвать парадом, поскольку парад должен был проводиться в соответствии с армейским уставом. Нормы строевого устава пехоты РККА и устава Вермахта не были применены, и торжественная передача города прошла в соответствии с протоколом, который был утвержден накануне события.

Я надеюсь, что бурные дискуссии вокруг «парада» скоро утихнут и академические круги придут к единому мнению касательно событий 22 сентября 1939. Но о завершении споров говорят пока рано, ведь пока далеко не все документы были опубликованы. Остается надеяться, что так называемый «Отчет о действиях 29-й танковой бригады» сможет поставить точку в этих затянувшихся нескончаемых спорах.

Библиографический список

1. Мельтюхов М.И. «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941.» — М.: Вече, 2000. с. 31-43
2. Кривошеин С.М. Ратная быль: Записки командира механизированного корпуса. — М.: Молодая гвардия, 1962. с. 258-261.
3. Гудериан, Гейнц Вильгельм. Воспоминания солдата.— Смоленск: Русич, 1999 с.39
4. Воронежская газета "Коммуна"

Сведения об авторе

Федотов Антон Анатольевич, студент 5 курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: fedotov_32@bk.ru

УДК 94(4)"1939"

А. Д. Фельдман

ПОЛЬСКИЙ ПОХОД РККА 1939 г. – ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬСТВО?

Аннотация: В данной статье рассматривается противоречивая позиция советской и российской историографии, касательно польского похода 1939 г. Здесь использованы разные виды источников для реконструкции внешнеполитического состояния ведущих стран.

Ключевые слова: СССР, Польша, Германия, раздел, кризис, внешняя политика, вторая мировая война, Мюнхенское соглашение.

Feldman A.D. The Polish campaign of the Red Army of 1939 - liberation or betrayal?

Abstract: This article discusses the contradictory position of Soviet and Russian historiography regarding the Polish campaign of 1939. Different types of sources are used here to reconstruct the foreign policy of leading countries.

Keywords: USSR, Poland, Germany, section, crisis, foreign policy, World War II, Munich Agreement.

К сентябрю 1939 г., всему миру стала очевидна несостоятельность Версальской системы, трещащая по швам. Германия во главе с фюрером, одержимая жаждой реванша, вела своеобразную дипломатическую игру в преддверии новой мировой войны. Рейх получил то, чего добивался, разделив Чехословакию по Мюнхенским соглашениям, а Великобритания и Франция были обрадованы своей состоявшейся «миротворческой миссией» по усмирению агрессора. В рамках этого времени и состояния внешнеполитических отношений возник польский вопрос. Он был решён в 30-е гг. XX в. радикальными методами, поэтому мнения историков, относительно похода РККА в Польшу 1939 г, разнятся.

Советские историки (М. Бриль [1], В.Н. Минаев [8], коллектив историков, написавших раздел «Освобождение Западной Украины и Белоруссии» в 1-м томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» [9, с.145-210], и множество российских писателей и историков (А.Б. Мартиросян [6], А.В. Исаев [3],) считают этот поход освободительным, ссылаясь на задачу, обозначенную в боевом приказе Военного совета Белорусского фронта № 01, согласно которому: «Белорусский, украинский и польский народы истекают кровью в войне, затеянной правящей помещичье-капиталистической кликой Польши с Германией. <...> Армии Белорусского фронта с рассветом 17 сентября 1939 г. переходят в наступление с задачей — содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией» [7, с. 72]. Так же, советская пропаганда и периодическая печать прекрасно работала в отношении этого вопроса – она уже готовила почву для обоснования действий СССР. Например, подготовленная А.А. Ждановым статья «Правды» от 14 сентября 1939 г. «...главными причинами поражения Польши - угнетение украинского и белорусского национальных меньшинств [10] <...> Части РККА вступают на земли Западной Белоруссии и Западной Украины не как завоеватели, а как революционеры-освободители, выпестованные великой партией Ленина—Сталина».

На начальном этапе Второй мировой войны пресса старалась создать очень негативный образ Польши и поляков в глазах советского человека - достаточно обратиться к карикатурам той эпохи. (Рис.1-4) [12, с. 335]. А цитата из статьи «Голос сердца» Якуба Коласа, народного поэта БССР ярко показали навязываемое отношение советскому человеку: «И панский дурман рассеется, как гнилой туман на чистом восточном ветре» [4].

Рис.1. «Всё в прошлом...» Худ. А. Козюренко. Советская Украина. 1939. 28 сентября

Рис. 2. Советский воин и западноукраинский хлебороб отгоняют польского орла.
Худ. А. Резниченко. Советская Украина. 1939. 20 сентября

Рис. 3. Так было, так есть, так будет! Худ. А. Резниченко и А. Козюренко. Советская Украина. 1939. 21 сентября

Рис.4. Плакат художника В. Толкачева

Относительно намерений СССР высказывался министр иностранных дел Великобритании Галифакс: «Ясно, что Россия заинтересована в независимости Польши и не желает, чтобы Польша была уничтожена.» [6, с.375] Писатель и историк А.Б. Мартиросян в своей книге «200 мифов Великой Отечественной войны» писал, что «Введение подразделений Красной Армии в восточные районы Польши, то есть на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии 17 сентября 1919 г.. было произведено советским правительством не в порядке реализации советско-германских договорённостей [прим. имеется в виду договор от 23 августа 1939 г.]. Оно было осуществлено в целях предотвращения оккупации <...> действия советского правительства имели большое значение для укрепления безопасности СССР» [7, с. 400].

Интерес представляет собой фото, опубликованное в той же самой книге А.Б. Мартиросяна под громогласным названием «Советские и немецкие офицеры делят Польшу, 1939 г.» [6, с. 409] Это писатель поспешил опровергнуть, заверив, что это миф и сослался на О.В. Вишлёва, который тоже подтвердил фальсификацию названия фотографии: «в действительности этот снимок был сделан в момент обсуждения советским представителем с командова-

нием одной из германских частей порядка отвода этой части с территории, на которую должны были вступить подразделения РККА» [2, с. 151]

Историк М.И. Мельтюхов цитирует личную позицию и отношение И.В. Сталина к польской проблеме: «уничтожение этого государства [Польша] в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население» [7, с.46].

Во всём этом есть своё рациональное зерно, всё это кажется логичным и складывалось бы в картину, в которой СССР должен был защитить братские славянские народы, не дать нацистам продвинуться дальше, если бы не существовало одно «но». Существует иная точка зрения, не лишённая логики: радикальное решение этой проблемы стоило Польше государственности. Она была поделена между Германией и СССР заранее и по общей договорённости. Так обоснованно утверждают современные российские историки, которые не относятся ни к «красным» (А.В.Исаев, А.Б.Мартыросян), ни к считающимся фальсификаторами истории публицистам (В. Суворов [14]). Это те исследователи, которые стремятся к взвешенной и адекватной позиции: М.И. Мельтюхов, О.В. Вишлёв, Н.С. Лебедева, М.И. Семиряга. Доступные им архивные документы осветили намерения СССР с иной стороны, совсем не миротворческой, как их расписывают советская и, зачастую российская историография.

23 августа 1939 г. стало моментом разделения сфер влияния между СССР и Германией. Польское государство входило в интересы одной и другой стороны и, считают, что во время переговоров, обсуждался вопрос IV раздела этой страны. Лебедева Н.С., научный сотрудник ИВИ РАН видела мотивы СССР в этом походе так: «Сталин, ликвидировав к 1939 г. всех инакомыслящих соратников, переключил свое внимание с дел внутренних на внешнюю политику. Видимо, идея возвращения потерянных в ходе революции и гражданской войны территорий бывшей Российской империи импонировала одержимому гигантоманией «отцу народов». К тому же представлялось заманчивым столкнуть западные демократии и державы «Оси», а самому ждать, когда эти страны истощат друг друга» [5, с.232] Отчасти, это подтверждает личную позицию и отношению вождя, упомянутую ранее. Мельтюхов М. И. в подтверждение основного тезиса ссылается на встречу Молотова В.М. и Шуленбурга В. в 16 часов 10 сентября: «Советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором» [7, с. 91]. Для этого же и использовалась периодическая печать, не дававшая упасть вниз лицом советскому государству.

17 сентября 1939 г. в день вторжения, в Москве польскому послу В. Гжибовскому была вручена нота правительства СССР, в которой утверждалось, что «Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам» [11], а также к беззащитному положению украинского и белорусского населения. «Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии» [7, с.101] Тем самым, советское правительство

развернуло военные действия в сторону Польши, к которым она уже была подготовлена [7, с. 92], а вот вторая сторона «оказалась поставлена перед свершившимся фактом и, исходя из заявлений советского правительства и его ноты, полагало, что Красная Армия вводится с целью ограничить зону германской оккупации.» [7, с. 122]

Польская периодическая печать («Варшавский дневник», «Минута», «Утренний экспресс» и др.) в это время практически не касалась темы вторжения СССР на их территорию, всё буквально было завалено заголовками «Запад поможет!», «Англия гордится Польшей как союзницей», «Поляки и французы бомбят Берлин», хотя фактически, страна уже была разгромлена и частично оккупирована гитлеровцами. Изредка приводятся с 17 сентября маленькие статьи про военные действия, в которых был замешан СССР: «В России мобилизация», «Немецкие бомбардировщики сбиты над Россией» и др. Польское правительство ещё не осознавало, в какую ситуацию они попали.

В центральном печатном органе – газете «Правда» от 18 сентября появляется совместное коммюнике Германии и СССР: «Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования» [13]. Под порядком оба государства видели разные исходы, но в одном они были похожи, что по итогу, 28 сентября они окончательно поделили то, что от Польши смогло остаться (Рис.5, 6).

Рис.5. Отражение раздела Польши Третьим Рейхом и СССР в британской прессе. Карикатура Дэвида Лоу. (Гитлер и Сталин над телом Польши: Гитлер: "Недочеловек, как я понимаю?". Сталин: "Кровавый убийца рабочих, я так полагаю?")

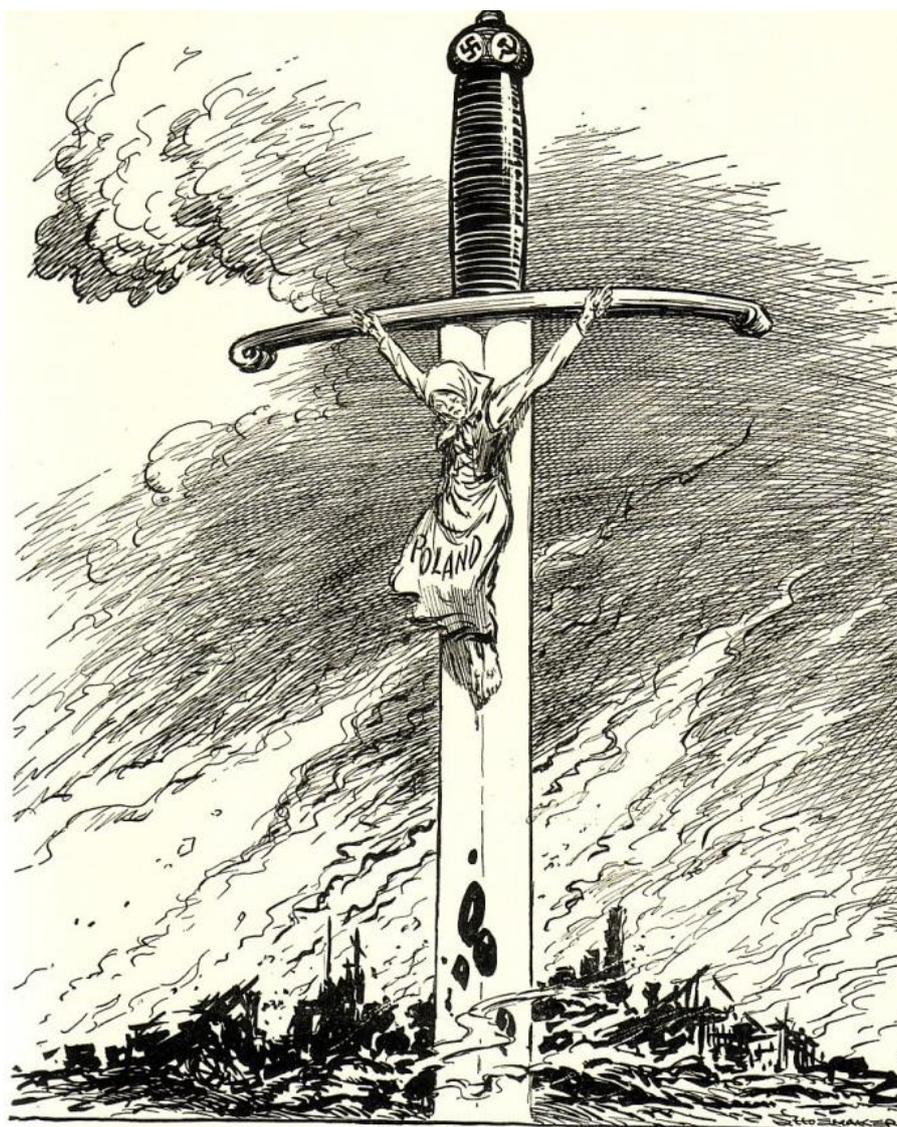

Рис.6. Политическая карикатура, посвященная разделу Польши между Третьим Рейхом и СССР.
Chicago Daily News / сентябрь 1939 г.

Подводя итоги Польской кампании, В.М. Молотов заявил на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., что «правлящие круги Польши не мало кичились "прочностью" своего государства и "мощью" своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора". Территория, занятая советскими войсками, "была освобождена от помещиков и капиталистов", и ее народы "получили возможность воссоединиться с братскими народами ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ СОВЕТОВ и единой дружной семьей крепить великое дело ЛЕНИНА - СТАЛИНА, дело построения коммунизма» [7, с.137]. Еще 1 октября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло программу советизации Западной Украины и Западной Белоруссии, которая стала неукоснительно осуществляться. Избранные 22 октября Народные собрания Западной Белоруссии и Западной Украины 27-29 октября провозгласили Советскую власть и обратились с просьбой о включении их в состав СССР. 1-2 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР удовлетворил их просьбу. Эти события завершили решение польского вопроса.

Были эти события предательством или же действительно защитой славянских народов? Официальная позиция известна, но историк всегда должен помнить и об идеологии советского государства и о её влиянии на жизнь страны и народа. Существуют источники, показывающие явно не благородные намерения СССР по отношению к Польше, сводящиеся к реваншу за прошлые военные потери и возвращение земель, отнятых у Российской империи.

Библиографический список

1. Бриль М. Освобождённая Западная Украина. - М., 1940. 331 с.
2. Вишнёв О. В. Сталин и Гитлер. Кто кого обманул. - М.: Эксмо, 2010. - 272 с.
3. Исаев А.В. Антисуворов. — М.: Эксмо, Яуза, 2004. 416 с.
4. Колас Я. Голос сердца. [Электронный ресурс] URL:<https://regnum.ru/news/society/2720307.html>
Дата обращения: 06.12.19
5. Лебедева Н.С. Сентябрь 1939 г.: Польша между Германией и СССР. // Вестник МГИМО. М. 2009. С. 231 – 250
6. Мартиросян А.Б. 200 мифов о Великой Отечественной – М. «Вече». 2014. 473 с.
7. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941. — М.: Вече, 2000. (Документы, факты, суждения). 175 с.
8. Минаев В.Н. Западная Белоруссия и Западная Украина под гнётом панской Польши. — М., 1939. 47 с.
9. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 1/Под редакцией Поспелого П.Н. М.: Воениздат, 1960. 264 с.
10. Правда. 14 сентября 1939 г. №256.
11. Правда. 18 сентября 1939 г.
12. Решетов А.В. Польский поход РККА 1939 г. на страницах советских газет. Материалы VII Международной военно-исторической конференции: Санкт-Петербург, 28-30 ноября 2014 г. С. 328 – 347
13. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т.4. М. 1946. 646 с.
14. Суворов В. Ледокол. М: АСТ, 2013. 352 с.

Сведения об авторе

Фельдман Анастасия Дмитриевна, студентка 5 курса факультета истории и международных отношений БГУ им. И.Г. Петровского. E-mail: ru_nasty00@mail.ru

Общество и политика

УДК 94(410)"1914/18"

Д. С. Никитина

ВОЕННАЯ РЕФОРМА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Со времен О. Кромвеля Великобритания не знала системы принудительного призыва в армию. В военном строительстве ставка делалась на развитие военно-морского флота и колониальных войск. Однако, события Великой войны заставили правительство Великобритании признать необходимость введения всеобщей воинской повинности. В статье рассматриваются отдельные аспекты состояния вооруженных сил Британской империи накануне войны, характеризуются причины введения всеобщей воинской повинности, а также анализируется влияние на дальнейшее развитие британских вооруженных сил.

Ключевые слова: Британская империя, военная реформа в Великобритании, всеобщая воинская повинность.

D. S. Nikitina. Military reform in Britain in the First World War.

Abstract: Since the time of O. Cromwell, Great Britain did not know the system of forced conscription. In military construction, the emphasis was on the development of the Navy and colonial troops. However, the events of the Great War forced the British government to recognize the need to introduce universal conscription.

The article discusses some aspects of the state of the armed forces of the British Empire on the eve of the war, describes the reasons for the introduction of universal conscription, and analyzes the impact on the further development of the British armed forces.

Keywords: British Empire, military reform in Britain, conscription.

В начале XX в. британской армии как таковой не существовало. Это было скорее всего полицейское формирование, которое выполняло функции обороны страны. В начале войны 1914 г. большинство мобилизованных армий воюющих стран насчитывали миллионы новобранцев. Германия выставила 5 миллионов человек, первоначальная сила Франции составляла 4 миллиона человек. По сравнению с этими вооруженными силами добровольческая армия Великобритании была численно ничтожна и по праву заслуживала немецкого оскорбления («contemptibly little»).

Регулярная армия Британии содержалась, главным образом, для защиты самой Англии и ее заморских владений, в частности Индии, и никогда не выходила за пределы численности, необходимой и достаточной для этих целей. Начиная с XX века и по 1914 британское правительство пыталось перестроить свои вооруженные силы, чтобы противостоять угрозе европейской войны. Были попытки принятия воинской повинности после Англо-бурской войны, но они оказались безуспешными. Одной из причин непринятия воинской повинности оказалось географическое положение Великобритании, правительство которой считало, что пока Британия сохраняет свое военно-морское превосходство, то ей ничего не угрожает. «Флот есть, можно спать спокойно» [14. p.39] - говорил один из политических деятелей Великобритании накануне войны. Англия считала море своей основной жизненно необходимой коммуникационной линией, которую надо защищать в первую очередь [6. С. 47].

Британия, 4 августа объявившая войну Германии, не располагала войсками на территории континентальной Европы, и ей еще только предстояло сформировать, вооружить и переправить через Ла-Манш британские экспедиционные войска под командованием сэра Джона Френча. В отличие от других воюющих стран, Англия не могла объявить всеобщую мо-

билизацию. Англичане гордились своей силой морского флота, служба в пехоте никогда не считалась престижной. Английское общество, воспитанное в либеральных традициях, не могло принять всеобщую воинскую повинность, поэтому сухопутная армия формировалась основанная на добровольческом принципе. В августе 1914 Ллойд Джордж писал: «Мы представляли себе наше участие в войне в соответствии с традиционной ролью Англии в континентальных войнах. Наш флот должен был контролировать море в интересах союзников. Наше богатство должно было помочь финансировать их заказы за границей. Наша армия должна играть второстепенную роль». Но сила Центрального блока была настолько велика, что заставило Великобританию в сентябре 1914 г. отправить на континент свою немногочисленную армию на помощь своим союзникам. Поэтому в начале войны Британская Империя в соответствии со своими договорными обязательствами направила во Францию символическую силу в размере 160 000 человек. Политические лидеры Британии и военные эксперты считали, что война будет недолговременной и победа будет на стороне альянса. Считалось, что эта символическая сила гарантирует Британской Империи место на переговорах о перемирии.

С началом войны фельдмаршал Китченер был назначен военным министром Великобритании, и он сразу объявил, что война будет длительной и дорогостоящей, а военные ресурсы Британской империи слишком малы для того чтобы одержать победу в этой войне. Он обратился в кабинет министров с просьбой о том, что стране необходимо организовать миллионную армию и подготовиться к войне, которая будет длиться не менее трех лет. [16. p.37] 7 августа военный министр, стремясь увеличить численность британской армии, обратился к британцам с призывом набрать 100 000 добровольцев. В этот день «Times» описывала один из призывных пунктов: «Желающих оказалось так много, что конной полиции пришлось сдерживать их натиск. Ворота быстро открывали и закрывали, пропуская каждый раз не больше шести человек» [3. С.70]. В августе 1914г., патриотический подъем был настолько сильным, что правительство Великобритании не нуждалось введении воинской обязанности. В начале войны количество добровольцев доходило до 30 тыс. человек в день, а за первые три месяца число новобранцев достигло 900 тыс [7. С.477]. Те, кто не шли в армию, подвергались общественному презрению.

Немаловажную роль в призыве сыграл экономический фактор – безработица. «Наша армия в мирное время формировалась под давлением экономических обстоятельств. И даже сейчас, наряду с воинственным возбуждением ... давление безработицы толкает многих в армию. Лучше быть убитым, чем остаться без работы». [13. С. 55]

Многие добровольцы вступали в особые «земляческие батальоны», состоявшие целиком из жителей одного города или из представителей того или иного профессионального круга. Первым стал лондонский «батальон биржевиков», в который за неделю записалось 1600 человек. Многие города вскоре последовали за Лондоном; одним из первых были батальоны бристольтцев и ливерпульцев. В Глазго решено было сформировать два батальона, и очень скоро в них записалось столько человек, что хватило бы и на три батальона. Один из них полностью состоял из водителей, кондукторов, механиков и рабочих городского трамвайного депо. То же самое происходило по всей Британии. Даже лейбористы, выступавшие против войны, поддержали этот подъем добровольческого движения: Рамсей Макдональд, подвергавшийся критике за антивоенные высказывания, поддержал призыв новобранцев в Лестере, своем избирательном кругу. В течение месяца было создано пятьдесят «земляческих батальонов». Результаты призыва имели ошеломляющий эффект – к концу 1914 г. зарегистрировалось 1 186 337 добровольцев. Такой огромный приток людей в армию невозможно было быстро организовать. [14. p.532]

Британская армия традиционно набиралась на полковой основе, поэтому новобранец, принятый в армию, был сначала отправлен в его новое полковое отделение (базу), где он получил свой комплект, где он проходил подготовку и усваивал армейскую дисциплину. Затем солдата отправляли в тренировочные лагеря и там он присоединялся к своему батальону. На практике ни один полк не имел необходимых запасов снаряжения для подготовки такого числа новобранцев. «Мы тренировались по многу часов в парке, сначала в штатском, а затем в более удобной голубой форме; разве кто-нибудь помнит сейчас, что армия Китченера была голубая, потому что хаки не хватало» [12. С.55]- вспоминал очевидец войны. Жили добровольцы в импровизированных палаточных лагерях и непригодных бараках, испытывая недостаток оружия и транспорта. Не осталось артиллерийских орудий для подготовки новых артиллерийских бригад, и большинству батальонов приходилось тренироваться с устаревшими винтовками или деревянными макетами. Позднее Черчилль вспоминал, «кроме скудных резервов, собранных регулярной армией, не было буквально ничего ... Ни лишних пушек, ни винтовок ... Кроме дубинок нам нечего было вложить в руки рвущихся в бой людей, которые собирались на рекрутских пунктах». [13. С.141] Недостаток снаряжения задерживало новобранцев в Англии. «Наступала зима, пришел новый 1915 год, а мы все еще оставались на обучении в Англии. Некоторые из нас даже распрощались с надеждой поступить в те полки, которые, они воображали, будут первыми отправлены за границу». [13. С.56] У большинства новобранцев не было серьезного настроя на длительные военные действия, и, несмотря на патриотический подъем 1914 года, англичане объективно к войне не были готовы. Генерал Генри Уилсон в своем дневнике называл добровольцев «смехотворной и нелепой армией». Они станут «посмешищем для каждого солдата в Европе». Немцам для создания армии на основе воинской повинности потребовалось 40 лет «непрерывного труда». «Нам потребуется вечность, чтобы добиться того же усилиями добровольцев». [3. С.125] Полки также страдали от нехватки офицеров. Правительство вызвало всех офицеров запаса и любого офицера непривлекательной британской индийской армии.

У англичан, попавших на континент, в первые месяцы преобладала эйфория. Солдаты в начале войны были полны энтузиазма. У большинства участников войны не было серьезного настроя на долгие военные действия. Несмотря на первоначальный патриотический подъем 1914 года, неудачи на фронте повлекли за собой угасание эйфории. Стали заметны признаки усталости и разочарования. В декабре 1914-го «Times» сообщила: «наши раненые, которые сделали так много, больше не чувствуют радости и энтузиазма, скорее они избегают воспоминаний. В убийстве людей мало удовольствия. ...». [11. С.155] Уровень патриотического подъема повлек за собой снижение числа рекрутов. Уровень в 1000 человек в день по Лондону и 4000-5000 по стране не удовлетворял военные власти. В конце 1914 г. надежды на молниеносную войну потерпели крах, возникла идея о численном превосходстве как самом коротком, самом верном и самом выгодном пути к победе. «Если бы правительство имело мужество ввести конскрипцию сразу, мы бы высадили во Франции в первые 5-6 недель войны 2 млн. человек, и таким образом могли бы иметь реальный шанс на мир в начале 1915 года» - писал офицер с фронта. [12. С.61]

Летом 1915 года численность добровольческой армии Китченера, подразделения которой как раз присоединились к регулярной армии на Западном фронте и на Галлиполи, достигла 2 миллионов человек, но к концу июня выяснилось, что этого недостаточно, поэтому введение конскрипции стало лишь вопросом времени. Великобритания со времен Кромвеля не знала принудительного призыва в армию. Многие считали, что принудительное служение является неприемлемым для англичан. На солдата, который служит добровольно своей стране можно больше положиться, нежели чем на солдата, который вынужден носить ору-

жие. Но действия на фронте 1914-1915 гг. развивались так, что правительству становилась все больше понятной необходимость введения воинской повинности [15. р. 73].

В связи с началом агитации в пользу конскрипции возник «Союз противников воинской повинности». Появился специальный термин «сознательный (или убежденный) отказник», характеризующий людей, которые мотивировали свой отказ от военной службы моральными или политическими причинами. 27 ноября в Лондоне собрались пацифисты со всей страны, чтобы учредить Антимобилизационное братство, целью которого являлся отказ от военной службы в любом ее виде. Многие из них были квакерами. Председатель братства Клиффорд Аллен заявил, что их всех объединяет «вера в святость человеческой жизни». 4 декабря Генри Форм отправил через Атлантику «корабль мира», на борту которого были ведущие американские журналисты и деятельницы женского движения, с наказом «Вытащить мальчиков из окопов и вернуть их домой к Рождеству». [3. С. 291]

Все эти события положили конец Либеральному правительству и на смену ему пришло Коалиционное правительство. Вопрос о военном призыве стоял перед Коалицией на протяжении всего ее существования. Выдающийся ученый того времени Лорд Блэк писал, что вопрос о призыве на военную службу был действительно утомительной темой во всех ее аспектах.

В начале войны многие отрасли промышленности потеряли квалифицированную рабочую силу. Один из членов Министерства боеприпасов писал, что возросший патриотизм в начале войны забирал опытного человека наравне с неквалифицированным, «он забрал всё лучшее из всех отраслей индустрии» [15 р. 91]. Поэтому встала проблема в обеспечении квалифицированной рабочей силой на военном производстве. Ллойд-Джордж считал, что война должна быть выиграна на заводах, поэтому еще летом 1915 г. был принят закон о государственной регистрации (The National Registration Act). По этому закону, каждый мужчина от 18 до 41 года должен был сообщить свои данные (имя, профессию, нынешнюю работу и навыки). Цель регистрации состояла в том, чтобы оставить тех, кто обладает надлежащими навыками на гражданской службе. Квалифицированные рабочие не могли быть завербованы, ибо это могло создать трудности в военно-промышленном производстве [15. р. 99]. Регистрация стала предшественником введения всеобщей воинской повинности, т.к. Британия с каждым днем приближалась к пределам в своих ресурсах.

Асквит, хоть и утверждал, что имеет предвзятое отношение к призыву, но, как и все патриотичные британцы, он хотел выиграть войну и остаться в кресле премьер-министра. Он был хорошо осведомлен о проблемах на Западном фронте и в Дарданеллах и несомненно видел призыв в армию вероятным, если неизбежным. Для этого Асквиту нужно было достичь «общего согласия». Если такое согласие будет достигнуто, то Асквит допустит закон о всеобщей воинской повинности [15. р. 112]. Вопрос о призыве стал первостепенным в парламенте. Страна разделилась. Асквит оказался в затруднительном положении, он терял тот баланс, который поддерживал и в стране, и в парламенте.

7 июля 1915 на конференции союзных командиров, Китченер пообещал выделить 70 дивизий к концу 1915 года. 6-8 декабря состоялась еще одна встреча командиров союзных армий в Шантийи, на которой было принято решение начать одновременное наступление на Русском, Франко-бельгийском и Итальянских фронтах, а на остальных театрах военных действий должны быть задействованы минимальные силы. Военный комитет Великобритании принял эти решения и обязал Англию к крупному наступлению во Франции и Фландрии в кампаниях 1916 года. Предоставить 70 дивизий путем добровольного призыва не было достижимо, что и сыграло немаловажную роль в ведении частичной воинской повинности.

Великобритания, как и другие великие державы, участвовавшие в войне, была вынуждена прибегнуть к призыву по закону о военной службе 1916 года. 5 января премьер-министр Асквит представил в палате общин первый проект билля о воинской повинности. 27 января был сделан первый шаг к созданию призывной армии. Британское правительство принимает «холостяцкий» законопроект [3. С.308]. 27 января 1916 законопроект получил королевское согласие. Все мужчины от 18 до 41 года, которые не были женаты или являлись вдовцами, не имеющие на иждивение детей, должны быть призваны на военную службу. От службы освобождались по следующим причинам: занятость на работе государственной значимости; работа священником [19]; служба в Королевском флоте; трудности, связанные с семьей или бизнесом; по соображениям совести; плохое здоровье. Закон не применялся к Ирландии [15. р.140]. Заявление на отказ от военной службы рассматривал местный военный трибунал, принимая соответствующее решение. Свидетельство об освобождении от воинской повинности имело временный характер. Свидетельство об освобождении могло быть пересмотрено или возобновлено в любое время местным трибуналом или правительственным департаментом в соответствии с инструкциями, принятыми в соответствии с настоящим Законом [19]. Любое лицо, обладающее таким сертификатом, было обязано, если обстоятельства, которые привели к выдаче сертификата, были существенно изменены, уведомить в упомянутом сертификате орган о том, что обстоятельства изменились, иначе лицо будет привлечено к уголовной ответственности в виде штрафа не более 50 фунтов. Если срок свидетельства истек, человек которому сертификат был выдан, по истечении двух месяцев после конечной даты срока действия сертификата, считался зачисленным и переведенным в резерв.

Если в целях получения свидетельства об освобождении от призыва лицо делало какое-либо ложное заявление, то ему грозил срок до шести месяцев каторжных работ [19].

Началась битва за Верден, битва на Сомме. И союзники, и немцы терпели людские потери, соответственно спрос на мужчин рос. Армейский Совет Великобритании настаивал на введении всеобщей воинской повинности для всех мужчин, кроме тех, кто требуется для Военно-морского флота и тех, кто необходим для производства боеприпасов. Черчилль заявил в палате общин: «Каждый день я задаюсь вопросом: что происходит, пока мы сидим здесь, уходим на обед или домой спать? Почти 1000 человек, англичан, британцев, наших соотечественников, каждый двадцать четыре часа превращаются в кровавое месиво, и их относят в наспех вырытые могилы или к полевым госпиталям». Именно люди во фронтовых окопах, сказал он, а не те, кто работает в тыловых эшелонах, в службе снабжения, гарнизонной службе или дома, - «платят кровавую дань в эти дни суровых испытаний» [3. С.341].

Кабинет министров раскололся. Хэнки писал в своем дневнике: «... люди, которые хотят обязательной службы, не хотят видеть на своем месте Асквита, а в то время, кто хочет Асквита в лице премьер-министра, не хотят обязательной службы; поэтому он (Асквит) упал между двумя табуретками». Хэнки довольно точно описал политическую ситуацию в мае 1916 года [15. р.168].

Второй законопроект в мае 1916 года был распространен на женатых мужчин [19]. 25 мая законопроект получил королевскую санкцию. Военное ведомство имело право продлевать на время войны службу мужчин, срок службы которых истек. Ирландию законопроект снова обходил. А третий закон в 1918 году продлил верхний возрастной порог до 51 года.

После смерти Китченера, его место занял Ллойд-Джордж. Перед ним стояла задача как заставить новую систему, еще не полностью сформированную, работать так, чтобы страна могла эффективно поставлять людские ресурсы на фронт. В Британии был создан департамент воинской повинности для координации призыва большого количества мужчин на действительную службу. Главой нового департамента стал местный политик и бизнесмен

Невилл Чемберлен. 7 июля британское правительство одобрило создание женских вспомогательных войск. Впервые женщины могли надеть военную форму и отправиться во Францию служить клерками, телефонистками, официантками, поварами и инструкторами по пользованию противогазами. По традиции только мужчины могли получить офицерское звание в армии, так что ни одна из добровольцев не стала офицером. Занимающим руководящие должности присваивали звание «контролера» или «администратора». Смысл формирования таких войск заключался в необходимости высвободить мужчин, занимавшийся неквалифицированным трудом во Франции и Британии, для отправки на фронт. Женщины уже в огромном количестве трудились на британских оружейных заводах и фабриках. Продолжительный рабочий день, ядовитые газы и низкая заработная плата были неизбежными неприятными составляющими их труда. Женщины сыграли существенную роль в производстве боеприпасов. Их работа всегда была сопряжена с опасностью. Женщин, работавших с тротилом, в шутку называли «канарейками» из-за желтоватого цвета кожи, который появлялся у них вследствие отравления тротилом [3. С. 464-465].

9 апреля 1918 года призыв в армию распространили и на Ирландии [19]. Ранее этой меры избегали, поскольку против нее категорически возражали ирландские националисты. Поэт У.Б. Йейтс написал лорду Холдейну: «Я вчера прочитал в газетах, что во Францию за месяц прибыло 300 000 американцев, и мне кажется крайне странным, что Англия ради 50 000 ирландских солдат готова вырыть новый ров между нашими странами и залить его кровью». Йейтс сообщил Холдейну, что, по мнению его знакомой, если на Ирландию распространится общий призыв, «женщины и дети скорее встанут впереди мужчин и пойдут под пули, чем позволят, чтобы их забрали на фронт» [3. С. 555].

Начиная с 1916 года, когда Франция окончательно выбилась из сил, - Британия стала играть главенствующую роль на Западном фронте. И стало совершенно ясно, что добровольческая сила Великобритании была слишком мала, чтобы сыграть решительную роль в европейской войне, и что для победы союзников придется создавать массовую армию путем принятия воинской повинности. Благодаря введению всеобщей воинской повинности Великобритании удалось в несколько раз увеличить численность вооруженных сил. Британская армия стала играть главенствующую роль на Западном фронте, а также ее войска были размещены на обширной территории от Египта до Афганистана. Несмотря на завершение войны сохранялось присутствие контингента британских войск в регионе Ближнего и Среднего Востока. Общая численность английских и индийских войск здесь составляла летом 1919 г. 225 000 человек. Помимо этого, в Египте размещалось ещё 95 000 британских солдат, в Ираке 60 000 [3. С. 164]

Великобритания со времен Кромвеля не знала принудительного призыва в армию. Многие считали, что принудительное служение является неприемлемым для англичан. На солдата, который служит добровольно своей стране можно больше положиться, нежели чем на солдата, который вынужден носить оружие. Но действия на фронте 1914-1915 гг. развивались таким образом, что правительству все больше становилось понятно необходимость введения воинской повинности. Благодаря введению всеобщей воинской повинности, армия Великобритании из маленькой вооруженной силы в 1914 г. превратилась в великую многомиллионную армию, которая сыграла одну из ключевых ролей в победе Антанты над Центральными державами.

Библиографический список

1. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781-1997. Пер. с англ./ М. В. Жуковой. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010

2. Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970
3. Гилберт М. Первая мировая война: Пер. с англ. / С. Бавина, Ю. Гольдберга, П. Кунарева. – М.: Колибри : Азбука-Аттикус, 2016
4. Зайончковский А. М. Мировая война 1914-1918 гг.: общий стратегический очерк. - М.: Гос. воен. изд-во, 1924
5. История Первой мировой войны 1914—1918 гг. / под редакцией И. И. Ростунова – М.: Наука, 1975
6. Лиддел Гарт Б.Г. Правда о Первой Мировой: Пер. с англ./ О. Триэль. — М.: Гос. воен. изд., 1935
7. Ллойд Джордж, Дэвид. Военные мемуары / Дэвид Ллойд Джордж ; пер. с англ. И. Завича. - М., 1934-1938. - 5 т.
8. Оболонкова М.А. Первая мировая война глазами англичан и англичанок // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия: История. 2004. № 2
9. Сагимбаев А.В. Проблема реформирования армии в контексте имперской политики кабинета Д. Ллойд-Джорджа (1918-1921 годы) // Всеобщая история: современные исследования. 2011, Вып. 20
10. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / пер. с англ. К. Бандуровского. - М.: Астрель: Corpus, 2013
11. Черчилль В. Мировой кризис. / Пер. с англ.; с предисл. И. Минца. — М.; Л.: Государственное военное издательство, 1932.
12. Хейстингс Г. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года: Пер. с англ./ Десятова М., - М.: Литагент «Альпина», 2014
13. Хмелевская Ю.Ю. Британская армия в 1914 -1918 гг.: от эйфории патриотизма к психологии большой войны // Из британской истории нового и новейшего времени / Отв. ред. Н.А. Ерофеев. Челябинск, 1992
14. Beckett I., Timothy, Connelly M. The British Army and the First World War. Cambridge University Press, 2017
15. Garvin J. The Life of Joseph Chamberlain. Vol. 3. L., 1934
16. R. J. Q. Adams Philip P. Poirier. The Conscription Controversy in Great Britain, 1900–18. Columbus, OH: Ohio State University Press, 1987
17. Urban H. Broughton. British Empire at war. – London, 1916
18. Fosten D.S.V., Marrion R.J. The British Army 1914-1918. London, Osprey Publishing Ltd, 1978
19. Great Britain Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. 1914 -1918. L.: H.M. Statt. Off., 1914-1918/URL: URL: <http://hansard.millbanksystems.com>

Сведения об авторе

Никитина Дарья Сергеевна, магистр 2 курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета, e-mail: dasha18021996@mail.ru

Историческое краеведение

УДК 94(48).052

Ю. П. Соловьев

Мероприятия Великой Северной войны в пределах Брянского края. Кампания 1706 года

Аннотация: Статья посвящена событиям Великой Северной войны, происходившим в 1706 г. на территории современной Брянской области Российской Федерации. В частности, рассматривается судьба воинских частей, сформированных в Брянском крае; фортификационные работы, проводившиеся в Брянском крае под руководством В.Д.Корчмина. Также рассказано о пребывании на территории Брянского края в период с 24 по 28 августа 1706 г. Царя Петра I.

Ключевые слова: Великая Северная война. 1706 год. Россия. Украина. Северская земля. Брянская область. Брянск. Почеп. Стародуб. Фортификация. Царь Петр I. Василий Дмитриевич Корчмин.

Solovjev Yu.P. Events of the great Northern war within the Bryansk region. Campaign of 1706

Abstract: The article is devoted to the events of the great Northern war, which took place in 1706 on the territory of the modern Bryansk region of the Russian Federation. In particular, the fate of the military units formed in the Bryansk region is considered; fortification works carried out in the Bryansk region under the leadership of V. D. Korchmin. It is also told about the stay on the territory of the Bryansk region in the period from 24 to 28 August 1706 of Tsar Peter I.

Keywords: Great Northern war. The year 1706. Russia. Ukraine. Seversky land. Bryansk region. Bryansk. Pochep. Starodub. Fortification. Tsar Peter The Great Vasily Korchmin.

Современная Брянская область Российской Федерации была создана достаточно поздно, в 1944 г. Тем не менее, в пределы этого административно-территориального объединения вошли земли, со времен раннего средневековья имевшие общую историческую судьбу. Общность этих земель в историко-краеведческой литературе принято обозначать терминами Брянский край или Брянская земля. С XI в. территория будущей Брянской области входила в Северскую часть Чернигово-Северской земли. Центром Чернигово-Северской земли со 2-й половины XIII и до конца XIV в. был город Брянск. В западноевропейской географической традиции, а также в картографии до середины XVIII в. к территории Брянского края и сопредельных украинских земель применялся термин «княжество Северия». В начале XVIII в. северо-восточная часть современной Брянской области (Брянский, Карачевский, Трубчевский и Севский уезды) относилась к Великокороссии, юго-западная часть области принадлежала к Левобережной Украине, территории гетманского управления или Гетманщине, и была объединена в Стародубский или Стародубовский казачий полк. Полками в гетманской Украине назывались не только воинские формирования, но и административно-территориальные объединения, в чем-то аналогичные современным областям в постсоветских государствах. Украинский или малороссийский полк включал в свой состав несколько более мелких административно-территориальных единиц – сотен.

Великороссийская и малороссийская части Брянского края с разной степенью интенсивности были вовлечены с 1700 по 1721 г. в события Великой Северной войны между Швецией, а также союзной ей военно-политической партией в Польско-литовском государстве – с одной стороны, и Россией, Данией, союзной им партией в Речи Посполитой и Саксонии – с другой стороны. По большей части брянских земель касались разного рода мобилизационные мероприятия, военно-промышленные проекты, время от времени – постой войск. Однако дважды – в кампании 1706 и 1708 гг. – Брянский край превращался либо в прифронтовой

район, и тогда он усиленно укреплялся, насыщался войсками и артиллерией, либо вообще становился ареной военных действий. В настоящем исследовании мы попытаемся подробно реконструировать события, прежде всего, двух упомянутых кампаний, произошедшие в пределах Брянского края. Даты здесь приводятся, за исключением специально оговоренных случаев, по «старому» или юлианскому календарю.

Рис. 1. «Княжество Северия». Фрагмент составленной в 1706 г. французским географом и картографом Гийомом Делилем (Guillaume de l'Isle, 1675-1726) «Меридиональной карты Московии».

Военная кампания 1706 г. начиналась для войск Царя Петра Алексеевича не лучшим образом. Русское и союзное ему польско-саксонское командования до весны 1706 г. воевать не собирались. Но шведский король Карл XII решил иначе: 28 декабря 1705 г. он выступил

из-под Варшавы во главе 17-тысячной армии при 40 артиллерийских орудиях, переправился через реку Вислу и 24 января 1706 г. появился у Гродно, где была размещена 22-тысячная русская группировка под началом генерал-фельдмаршал-лейтенанта Георга Венедикта (Юрия Юрьевича) Огильви, шотландского барона, перешедшего на русскую службу из австрийской. Шведы по установившейся у них привычке не стали штурмовать Гродно, а обошли крепость и отрезали ее от путей снабжения продовольствием и боеприпасами. Помочь Огильви в ближайшее время было нечем, так как в Минске у русских к 1 февраля оставалось не более 200 бойцов, а 2 февраля 9-тысячный шведский корпус фельдмаршала Карла Густава Реншёльда при Фрауштадте наголову разгромил 30-тысячный саксонско-русский корпус фельдмаршала М.И. Шуленбурга [4, с.76; 30, с.26]. Причем шведы «с российскими пленниками, по повелению командующих генералов, такое свирепство и немилосердие показали, какова нигде не слыхано. А имянно, на третий или на четвертый день после взятия оных в плен, всех немилосердно смерти предали и покололи» [51, с.333].

После всего этого для прикрытия литовских и белорусских земель Речи Посполитой в Минск Царем Петром были двинуты войска малороссийского (украинского) гетмана Ивана Степановича Мазепы и полки Севского разряда под началом севского же воеводы, думного дворянина Семена Протасевича Неплюева. Неплюевские полки в значительной степени были сформированы на территории современной Брянской области РФ, под Севском, из особого разряда приборных служилых – комарицких солдат. И.С.Мазепа выступил к Минску из Дубны 2 марта 1706 г. с Миргородским, Стародубским, Гадяцким, Полтавским, Переяславским казачьими полками, а также с компанейским полком полковника Приимы. К концу марта его малороссийские казаки заняли Несвиж (Стародубский полк), Слуцк (Гадяцкий и Полтавский полки), Ляховичи (Переяславский). В Минске с Мазепой были Миргородский казачий и компанейский полковника Приимы полки [4, с.78].

С начала 1706 г. Царь Петр Алексеевич находился в Белоруссии, в непосредственной близости от района боевых действий. Так, 4 февраля Государь прибыл в Оршу, а 15 февраля въехал в Минск, где пребывал до 13 марта [9, с.124]. Царь прекрасно понимал сложившуюся ситуацию, осознавал невысокие боевые качества войск И.С.Мазепы и С.П.Неплюева – и видел прямую угрозу Москве от активности шведов в Белоруссии. Поэтому 7 марта он писал из Минска в Москву главе ведавшего государственной службой Разрядного приказа боярину Тихону Никитичу Стрешневу: «С москвич даточных, також и самих не худо, и из городов и отовсель как возможно конницу [какова ни есть] збирать и готовить, для того чтоб по границе по засеке, которую ныне делают от Пскова чрез Смоленск до Брянска, могли от полячишков боронитца; и сие зело, зело нужно» [33, с.149].

Здесь следует объяснить, почему под Брянском собирались обороняться от поляков, а не от шведов. Дело в том, что значительное число поляков в тот момент симпатизировало не своему королю и одновременно саксонскому курфюрсту Августу II Сильному, союзнику Петра Великого, а шведам. Во главе оппозиционной партии стоял познанский воевода Станислав Лещинский, которого в начале 1704 г. в подконтрольной шведам Варшаве сейм избрал польским королем. Примерно в то же время другой сейм, собранный в Сандомире, подержал в качестве польского короля Августа Сильного. Начиная с 1704 г. войска украинского гетмана И.С.Мазепы действовали в Польше и Белоруссии чаще против польских войск Станислава Лещинского, чем против шведов.

Интересно, что царская записка Т.Н.Стрешневу опередила официальное распоряжение Петра Великого о строительстве засечной линии от Смоленска до Брянска, последовавшее только 10 марта и адресованное военному инженеру и артиллеристу Василию Дмитриевичу Корчмину (около 1670 – 1729), Бомбардирской роты Преображенского полка подпоручику и

одному из самых доверенных лиц Царя Петра. «Указ господину Карчмину» от 10 марта 1706 г. в частности предписывал: «1. От Смоленска до Брянска и от Брянска [до тех мест, где великия поля и степи придут] делать засеку в лесах на 150 шритоф (шагов. – Ю.С.) широтою, а где перервутца леса, делать во вьремя ростали линею; толко тово смотреть, чтоб линеи де долги были, и для того таких искать мест. 2. Все дороги малыя засечь (т.е. устроить на этих дорогах искусственные завалы. – Ю.С.) на 300 сажен широтою (т.е. глубина завала должна была превышать 600 м. – Ю.С.), а оставить болшия (дороги. – Ю.С.), без которых быть невозможно, и тут зделать равелины, по образцу (Царь приложил к указу собственноручный рисунок образца. – Ю.С.), с полисадами и с шлахбомами и крепькими шпансьлюстерами (рогатками, препятствиями, напоминающими противотанковые ежи 2-й мировой войны. – Ю.С.). Всем воеводам, бурмистром и прикащиком быть ему (Корчмину. – Ю.С.) в сей работе послушным. 4. Позать линеи делать дорогу в 90 шритоф широтою, а где болоты и реки, тут мосты, чтоб в четыре человека мочно было итить, чтоб нашему войску удобнее оною линею оборонять. 5. Чтоб у мужиков, у которых есть ружье, приказныя их знали; також косы, насадя прямо, и рагатины имели, и готовы были для караулоф и обороны. И для того приказать тем, кои владеют, под смертною казнью о сем. И протчее вьсе исполнять со всяким прилежанием, как доброму ч(еловеку) надлежит и ответ достойно дать» [33, с.154-156]. Тотчас по получении приказа В.Д.Корчмин выехал в Брянск. Сопровождали подпоручика, согласно ведомости Преображенского полка от 4 марта 1707 г., 6 солдат-преображенцев, двое мастеровых и столько же учеников [25, с.85].

Надо сказать, что в ту пору больших перемен В.Д.Корчмин, как и многие служилые люди, имел, что называется, «множественный» статус. С одной стороны, как уже говорилось, он был подпоручиком Бомбардирской роты Преображенского полка. Чин, кажется, небольшой, но капитаном той же роты был сам Царь. При этом в кампании 1705 г. в Прибалтике В.Д.Корчмин руководил транспортировкой всей русской артиллерии. Далее, еще в 1692 г. у В.Д.Корчмина был старомосковский чин стольника Царицы Прасковии Феодоровны [1, с.209] (жены брата Царя Петра Алексеевича, Царя Иоанна Алексеевича). Стольником В.Д.Корчмин значился и в приказной документации 1706 г.[31, с.454] Что касается Брянска, то в приказной документации 1706 – 1707 гг. В.Д.Корчмин значится брянским воеводой [31, с.350, 467], а в переписке Петра Великого – брянским комендантом [35, с.240].

Как выглядел Брянск в это время можно представить по материалам переписи 1710 г.: «Брянск. Монастырей 4, церковей 99; поповых, дьяконских, причетнических дворов у церковей 272; в них попов 152, дьяконов 26, церковников и их семейств 735; патриарших, архиерейских, монастырских служних дворов 17; в них людей 57. Царедворцев, городских дворян и однодворцев 172 (двора); в них людей 216. Дворов драгунских и солдатских 137, в них людей 327; дворов стрелецких и казачьих 85, в них людей 171; (дворов) пушкарских 16, в них людей 31; ямщицких дворов 49, в них людей 168. <...> Отставных служилых людей (дворов) 104, в них людей 300; подьяческих 33, в них людей 70; в помещичьих дворах дворовых людей 991. Гостиной сотни и посадских (дворов) 115, в них людей 334. <...> Патриарших, архиерейских и монастырских крестьян (дворов) 1073, в них людей 3542; помещичьих и вотчинных крестьян (дворов) 2646, в них людей 9152... Всего дворов 4719. Людей мужского пола 16094, людей женского пола 15556» [16, с.50, 52].

Что касается брянской крепости, то представление о ней дают описи 1682 и 1684 гг. В это время крепость – и, собственно, Брянск (без городских слобод – Стрелецкой, Пушкарской, Верхней и Нижней Посопных) – занимали территорию исторических Покровской и Петровской гор. На Покровской горе и примыкающей к ней части горы Петровской располагался так называемый «старый город», или городская цитадель. Оставшаяся часть Петров-

ской горы – до Петропавловского монастыря – считалась «новым городом». В описи Брянска 1682 г. сказано: «Город Брянск на самородной горе, рублено в дубовом лесу, покрыт тесом, во многих местех башни и стены раскрыты; да другой город приделан к старому городу, на них 16 башен и в том числе 6 проезжих ворот. По мере около старого города и с башнями 440 сажень... По мере около нового города и с башнями ж 441 сажень... 2 тайника... Колодезь на воевоцком дворе, водою в [о]садное время скудно не будет. Вестовой колокол весом 14 п[удов] с четвертью» [11, с.216].

Рис. 2. Чертеж города Брянска и его окрестностей, выполненный в 1699 г. (Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Белгородский стол. Стлб. 1755. Лл. 1—6).

Слева – «селитьба и дворы дворцовых крестьян», «речка Неподар» (Подарь), «речка Белой Колодезь», «церковь Николая Чудотворца в Нижней дворцовой слободе»; «пристань на реке Десне, где мореходным судам и запасным стругам бывает строение. По мере той пристани по берегу длиной до огородов дворцовых посопных крестьян сто двадцать, поперек той дроги до реки Десны сорок восемь сажень». Вверху в центре – «стрелецкие слободы и дворы», под ними – «церковь Рождества Христова в Стрелецкой слободе», внизу, у мельничного колеса – «Великого Государя житницы, которые построены по указу для хлебных запасов в прошлых годах». Справа вверху – «город Бранеск на самородной горе», рядом с ним – «Спасо Поликарпов монастырь на самородной горе» и «речка Судок», внизу – «слободы Пушкарские и иных чинов людей дворы».

Брянская цитадель, или «старый город», была укреплена дубовой стеной высотой около трех саженей – т.е. более 6 метров. Под стенами и башнями, крытыми тесом, находились так называемые «быки» – деревянные срубы, укреплявшие меловые склоны брянских гор. Брянский «новый город» был укреплен в основном земляным насыпным валом, также высотой около трех саженей, увенчанным деревянной «нарубкою», т.е. невысоким частоколом. Память об этом вале сохранилась в названии брянской Завальской улицы. Некоторые участки «нового города» обороняла деревянная дубовая стена, перед которой был вырыт ров. Башни в Брянске были четырех, шести и восьмиугольные. Описание 1684 г. сохранила имена брянских башен. Так, в «старом городе» находились 9 башен в следующем порядке: Николаевская шестистенная с проезжими воротами (в сторону реки Десны), Тайничная четырехугольная,

Спаская шестистенная, Архангельская четырехугольная, Судковская шестистенная с «проезжие ворота к речке Судку», Рукавная восьмистенная, Бушуевская четырехугольная и две Воскресенские – четырех и шестистенная [12, с.223-225]. В «новом городе» Брянска стояли тогда 6 башен: соединенная валом с Воскресенской шестиугольной башней «старого города» безымянная четырехугольная башня у Кружечного двора, Пятницкая шестистенная башня с решетчатыми воротами и мостом через ров, Георгиевская четырехугольная, Рожинская и Предтеченская шестистенные, Карачевская четырехугольная, соединенная стеной с Николаевской надвратной башней «старого города». От Предтеченской до Николаевской башни «новый город» был прикрыт деревянной дубовой стеной. За Николаевской башней со стороны «нового города» находилось «выводное рубленое колено, а под ним построены проезжие ворота, в вышину колено с кровлею пяти сажень, в ширину трех сажень». Еще одно «выводное колено» было устроено на расстоянии «27 сажень с четью» (четвертью) от первого, «в вышину с кровлею трех сажень, в ширину трех же сажень» [12, с.225-226].

Помимо крепостных сооружений были «во Брянску ж, на берегу Десны реки, построены, для приему и отпусков хлебных запасов в Киевской отпуск, 2 онбара, болших да 17 житниц» [12, с.228]. «Киевским отпуском» назывался ежегодный сплав во время весеннего половодья по Десне и Днепру на заготовленных в Брянске судах-стругах продовольствия для нужд русских войск, размещенных в Киеве. После разгрузки из брянских стругов наводили в Киеве понтонный мост через Днепр. Эта практика существовала с конца 1640-х годов.

Состояние брянской крепости было, мягко говоря, неблестящим еще в 1682 г., когда брянский воевода стольник князь Борис Васильевич Шаховской сообщал в Москву, что в «старом городе» Брянска «во многих местех башни и стены роскрыты», «оболилось и огнило 9 сажень», т.е. обвалилось и сгнило около 20 м стены, а в «новом городе» «оболилось и огнило 8 сажень» стены, «2 тайника, оба обвалились и засорились и воды в них скудно» [11, с.216]. К 1684 г. ситуация только ухудшилась. Тогда город принимали у стольника и воеводы Федора Григорьевича Давыдова воеводы Яков Григорьевич и Федор Яковлевич Сафоновы, рефреном в их описи Брянска шли жалобы на то, что «у воевоцкого двора, городской стены 14 сажень с полусаженью, ...и с той стены кровли огнило ж и оболилось 12 сажень»; «тайник весь ветх и во многих местех стены и потолок огнил и испроволялся (провалился. – Ю.С.) и землю засыпался, а колодезь весь засорился, и над ним тайничный мост испроволялся во многих местех; и в той башни нижней мост (т.е. пол нижнего этажа башни. – Ю.С.), что подле тайника, огнил же, и в том месте возле стены ныне дыря (дыра. – Ю.С.)»; в «быках ныне землю водою розмыла и опала в длину по стене на 10 сажень, а глубиною от стены саженья»; «стены огнило и оболилось 16 сажень»; «от той стены та башня (Воскресенская шестиугольная. – Ю.С.) отшатнулась с оршин» (т.е. в Брянске появилась своя деревянная «Пизанская башня»); «за городом, около земляного валу и рубленые стены, был ров, и тот ров весь засорился и зарос, во многих местех водою размыло и обвалился» [12, с.223-226] и т.п.

Описание дополняет отправленное Царю Петру В.Д.Корчминым уже 17 апреля 1706 г. донесение: «Брянск всеконечно надлежит покрепить, понеже он на высокой горе натуральной и угловатой, на которой возможно ходко одним бруствером зделать крепость з дефензию (обороной. – Ю.С.) невеликою работою, а полисады ис того же развалившася города, понеже бревна дубовыя еще здоровы; у Брянска ж, на берегу реки Десны, наставлено множество анбаров и хлеба собрано немалое число с пяти городов для отпусков в Киев и в ыния города и ежегодно бывает великое собрание хлеба, а охранения кругом тех анбаров ничего нет; довлеет, чтоб те онбары, хотя не все, были в городе. 2. Пушек во Брянску, в Рославлю, в Трубеску: медных 12 пушек, железных 17 пушек, 5 фолконетов; и у тех пушек станков и колес нет; 73 мушкета затинных, целых и ломаных; и ежели хотя одно место покрепить, бла-

Рис. 3. Портрет стародубского полковника Михаила Андреевича Миклашевского, убитого шведами в белорусском Несвиже 19 марта 1706 г. Начало XVIII в. Национальный художественный музей Украины.

говолите, чтоб те пушки в одно место собрать; а к тем пушкам на станки лес готовят и колеса делать приказано. 3. В тех же городех сыскано старого ружья: 720 мушкетов з жаграми (пальниками, т.е. палками для удержания фитилей. Иными словами, речь идет об устаревшем фитильном оружии. Предпочтительнее было, конечно, огнестрельное оружие с кремневыми замками. – Ю.С.), целых и худых, да 85 карабинцов з замками, целых и худых, 157 шпаг, целых и ломаных, без ножен, 205 бердышей, 209 спис (пик. – Ю.С.); и то вышеписанное ружье чинят; к тому вышеписанному ружью сыскано во Брянску и в Трубческу пушкарей, воротников, горододелцов и их детей и стрелецких и салдацких детей немало, и иной мелочи...» [34, с.709]

Тем временем события в Белоруссии развивались по самому невыгодному для русских сценарию. 13 марта 1706 г. 450 шведов подполковника Траутфеттера атаковали в Несвиже стародубских казаков полковника Михаила Андреевича Миклашевского. Вскоре шведы ворвались в город, полковник Миклашевский с большей частью своих казаков укрылся в иезуитском монастыре, а другая часть стародубцев билась со шведами на несвижских улицах. Все закончилось 19 марта, когда шведы подожгли город. В бою и огне погибли от 300 до 600 стародубцев и их полковник, около 180 казаков попали в плен. Шведам достались полковое знамя и четыре пушки [4, с.76]¹.

Царь Петр Алексеевич 13 марта 1706 г. покинул Минск, 20 марта прибыл в Нарву, откуда 29 марта отбыл в Петербург [9, с.124-125]. Тем временем в Белоруссии для взятия Ляховичей, где держали оборону 1735 переяславских казаков полковника Ивана Михайловича Мировича при 9 артиллерийских орудиях, шведский король Карл XII направил полторатысячный отряд полковника своего Лейб-конного полка барона Карла Густава Кройца. 31 марта шведы заняли Ляховичи, а казаки Мировича укрепились в тамошнем городском замке. 1 апреля на помощь Мировичу отправились Миргородский казачий полк Даниила Павловича Апостола и часть драгунского полка Михаила Астафьевича Зыбина. Они выяснили, что шведов под Ляховичами не более 3800 человек [4, с.78; 30, с.27]. 12 апреля к Ляховичам выступили и полки С.П.Неплюева [7, с.96-97]: 800 драгунов, 900 солдат, 450 стрельцов, к которым гетман И.С.Мазепа присоединил 600 пехотинцев-сердюков и 1900 казаков Миргородского полка [34, с.862]. 19 апреля 1706 г. эти войска столкнулись со шведами в 3 милях от Ляхович, «под местечком Клецковым», и были там разбиты [30, с.29-30; 4, с.79-80; 48, с.477-478; 49, с.416].

Когда отступающие от Клецка части Неплюева подошли к Слуцку, тамошние жители не пустили их в город. Тогда неплюевские части «обошли чрез речку Случь, (сделавши) кривины 3 мили, а к Минску не пошли для того, что казачья войска наперед пошли Слуцким шляхом, да и для того, что опасаясь неприятельских людей, что им тот Минский путь стручен (загражден). И от Слуцка ростоянием в 12 милях перешли местечко Глуск и шли Лоевским шляхом, и пришли в реке Днепру апреля 27-го числа, и перевозились (переправлялись) под местечком Лоевым дней с пять, для того что Днепр был в великом водном распалении» [30, с.31-32]. После перехода через Днепр и последовавшего марша части Неплюева расположились у городов Стародуба и Седнева. Одновременно, по воспоминаниям действительно-

¹ Сравните: «1706. Месяца марта 19 дня, Михаила Миклашевского, полковника стародубовского, в Несвежю, на консистенции, под час утрни, здрадецко (изменнически, подло) шведы напавши, забили (убили) (которые пред тим у мнишок лядських, в кляшторе (у монашек польских, в монастыре), ховалися (прятались) три дни); также и Андрея Гамалея, зятя его, и иных много козаков, а других в полон забрали, а сами ушли, з користию (добычей), до кроля (короля) своего» [55, с.92].

го тайного советника князя Бориса Ивановича Куракина, «князь Петр Хованской стоял с войском с Резанским разрядом на границах кругом Брянску во всякой готовности» [2, с.304] .

В эти тревожные дни В.Д.Корчмин находился в Почепе, сотенном городе Стародубского полка малороссийского (украинского) казачества (ныне Почеп – райцентр Брянской области), откуда направил Царю Петру 17 апреля 1706 г. отчет о том, что смог предпринять за месяц пребывания на Брянской земле, а также просьбу не отправлять в Петербург рабочих Брянского и Трубчевского уездов, необходимых на строительстве оборонительной линии [34, с.710] . Интересно, что Корчмин также просил Государя прислать ему, Кочмину, буера. Сейчас с этим словом ассоциируются управляемые сани под парусом – но в Петровское время словом «буер» называлось одномачтовое парусное судно голландского образца. Вероятно, Корчмин, по причине стремительно развивавшихся тревожных событий, хотел быстрее перемещаться по порученной его попечению территории, в том числе и по многочисленным в этих краях рекам.

Согласно ревизии 1723 г. в Почепе числилось 759 дворов, в том числе 117 казачьих и 642 «поспольских», т.е. мещанских и крестьянских [19, с.302] . Почепская сотня Стародубского полка к 1709 г. считалась «одной из самых больших и многолюдных в Малороссии» [29, с.175] , в ее состав входило около 150 поселений. После вхождения Почепа в подданство русским царям, Царь Алексей Михайлович даровал городу 3 ноября 1665 г. привилегию «магдебургского права», т.е. выборного самоуправления и независимого суда [39, №377, с.621-622] . Почепская крепость в начале XVIII в. была значительно крупнее брянской и как важнейший узел обороны не могла не заинтересовать В.Д.Корчмина и его августейшего работодателя. Вот как выглядела почепская крепость согласно описи, составленной 4 мая 1715 г., спустя 9 лет после интересующих нас событий: «Город Почеп, при р[еке] Судости, деревянный, дубоваго лесу, рублен избицами, к нему приделаны четыре бальбарка (больверка – бастиона. – Ю.С.) рубленые же и насыпаны землею; в городе проезжая четыре ворота, да четыре калитки, под теми вороты и больварках и на городской стене было тридцать одна башня, около всего города и больварков был копан ров поперег пяти, в глубину трех сажень; то городовое строение мерою вокруг сем сот восемьдесят (780) саж[ен]... <...> В замку, где держаны пушки, есть сарай, близ того сарая казенный погреб, в нем держатся порох и другие артиллерные припасы; сверх того погреба—другой погреб. При тех погребах, не подалеку от сарая, анбар рубленый, с верхними чуланами в длину по 6, а поперег по 3 сажени... В тех вышеупомянутых погребах и сараях и анбаре ружья и других всяких артиллерных припасов: Пищалей затинных 7 – жагры 47. Ядер к пушкам и к затинным пищалям, железных, всего ядер разной величины – 6475. Железа готового на пушечные ядра – 7 пудов. Мушкетов и винтовок – 53. Пищаль винтованная о трех стволах – 1. Пуль мушкетных свинцовых и железных – 1 пуд. Дроби железной – 1 пуд. Гранат кожаных [порохом и железом на]чиненных – 50. Пороху – 16 п[удов] 10 ½ ф[унта]. Свинцу – 153 п[уда] 39 ф[унтов]. Сери горючей – 28 пудов. Селитры – 217 [пудов]» [50, с.175-177] . Помимо перечисленного вооружения почепские стены охраняли 12 медных и 7 железных пушек.

Вероятно, в рамках проводившихся им масштабных фортификационных работ, В.Д.Корчмин, обновил в соответствии с новейшими военно-инженерными образцами, почепские укрепления. Во всяком случае, «План Стародубовского полку сотенного городка Почепа», вычерченный 22 марта 1746 г. инженер-прапорщиком Симоном Лаптевым [43; 52, с.39] , дал основания А.Н.Кирпичникову в 1978 г. отнести укрепления этого города к «бастионным крепостям» [15, с.480] , а Д.М.Яцкину в 2008 г. – к «протобастионным крепостям» [56, с.20] . Вот как, в частности, характеризует А.Н.Кирпичников почепскую городскую крепость по плану 1746 г.: «Напольный фронт образуют 4 расположенных на 30-65 саж[еней] друг от

друга прямоугольных в плане бастиона. Два на них снабжены воротами. За линию куртин они выступают на 10-18 саж[еней]. Бастионы, судя по их очертанию, несомненно первоначальны, соединены куртинами и имеют перед собой ров. <...> Перед нами, следовательно, узел обороны, обеспечивавший многоярусную огневую защиту и сочетавший в себе выдвинутые в напольную сторону деревянные и земляные преграды» [15, с.480] . В современной почепской топонимике память о крепости сохраняется в названии улицы Затинской, т.е. расположенной «за тыном», за крепостной стеной.

Рис. 4. План Стародубовского полку сотенного городка Почеп, исполненный 22 марта 1746 г. инженер-прапорщиком Симоном Лаптевым (РГАВМФ. Ф.3/л. Оп.25. №2480).

Вполне возможно также, что в апреле 1706 г., В.Д.Корчмин выстроил перед Почепом, на противоположном городу берегу реки Судости, по всем правилам европейского фортификационного искусства еще и земляную крепость собственно бастионного типа, прекрасно сохранившуюся до нашего времени. На плане 1746 г. это укрепление именуется «Александровская полевая крепость» [52, с.40] , местные жители называют ее «Валы»: «Крепость имела не совсем правильную форму пятиугольника, на углах которого располагались пять бастионов, соединенных между собой куртинами (участок стены между башнями). Наиболее прочными и полностью выполненными являлись три бастиона и две куртины, обращенные к городу Почепу, откуда по дороге ожидался подход неприятельской армии. Даже по сохранившимся и хорошо известным замерам крепость выглядела весьма внушительно. Длина одной куртины достигала более ста метров (112 м. – Ю.С.), фасад бастиона — до семидесяти метров (66,5 м. – Ю.С.). Общий периметр крепостных валов — около полутора километров. Кре-

пость опоясывал глубокий и широкий ров. И сейчас высота валов на западной стороне от основания рва имеет 8 метров» [54]. Обмеры и чертеж «Валов» были выполнены в 1975 г. почепскими краеведами: старшим научным сотрудником ВНИИ Медицинского приборостроения М.Н.Вильям (Вильям-Вильмонт, 1926–1991) и школьником Г.В.Кумковым [14, с.254, 260; 53, с.170-171; 56, с.20]. М.Н.Вильям сравнила свой, полученный опытным путем, чертеж «Валов» с образцовыми проектами европейских бастионных крепостей – и обнаружила их несомненное сходство [14, с.254].¹

Рис. 5. Почепская бастионная крепость «Валы». Фото Н.Новикова, 2017 г.

Действительно, пятиугольная звездчатая форма, называемая «Пентагоном» (пятиугольником) [10], считалась и тогда, и позже наиболее подходящей для бастионных крепостей. Скажем, в 1911 г. русская «Военная энциклопедия», изданная И.Д.Сытиным, вообще определяла бастион как «пятиугольное долговременное укрепление» [6, с.410]. В форме «Пентагона» еще в XVI в. были выстроены цитадели Турина, Вероны и Антверпена, а в XVII в. многочисленны крепости в разных уголках Европы: например, очень похожая на почепские «Валы» и формой и размером цитадель Кастеллет в столице Дании Копенгагене (1626 г.). Очень любил возводить пятиугольные крепости самый знаменитый военный инженер Петровского времени – маркиз Себастьян Ле Претр де Вобан (1633 – 1707), маршал Франции, почетный член Французской академии. Как пишет современный военный историк Ж.-Д.Ж.Ж.Лепаж: «При отсутствии ограничений (неблагоприятные условия местности или недостаток средств) Вобан предпочитал регулярный пятиугольник, основанный на классическом примере цитадели Антверпена (Бельгия), построенной для испанцев итальянским инже-

¹ В наше время, благодаря видеосъемке, выполненной в 2017 г. с парашюта Н.Новиковым и выложенной в Интернете, можно насладиться видом почепских «Валов» с высоты птичьего полета. См.: <https://yandex.ru/collections/user/nikolay-novikov955/pochep/>; pluvo27. Почепская полевая Крепость «Валы» // <http://vstorone.ru/category/dostoprimechatelnosti-rossii/bryanskaya-oblast/pochepskij-rajon/>

Рис. 6. Справа сверху – город Почеп, справа внизу – крепость «Валь», между ними река Судость. Фото Н.Новикова, 2017 г.

Рис.7. Прототип почепского «Пентагона» на гравюре из книги французского военного инженера Антуана де Вилля (ок. 1596 — ок. 1656) «Фортификация кавалера Антуана де Вилля, содержащая метод укрепления любых крепостей...», изданной в Лионе в 1628 г. (Les fortifications du chevalier Antoine de Ville, contenant la maniere de fortifier toute sorte de places... A Lyon, 1628. Planche XXXII).

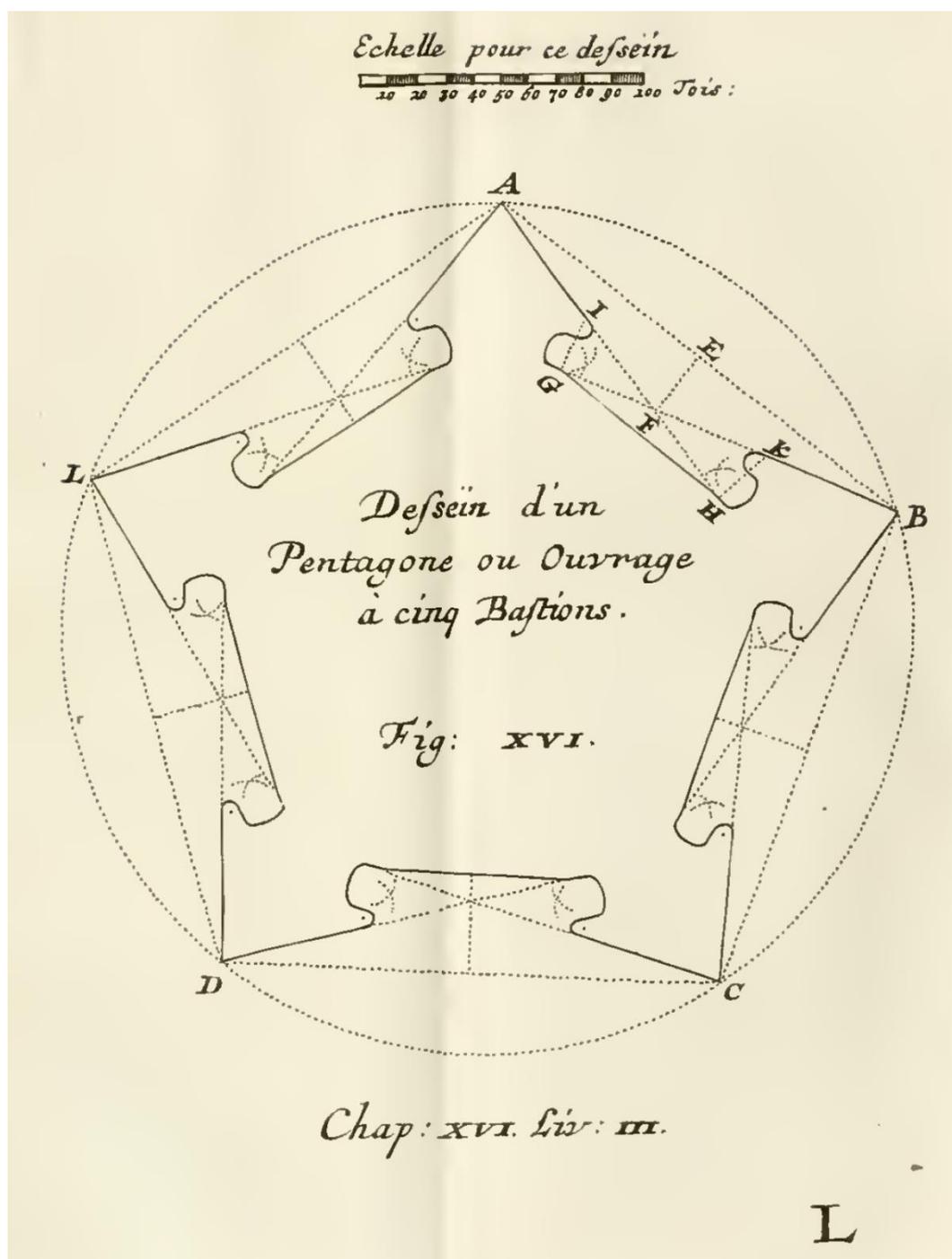

Рис.8. Прототип почепского «Пентагона» из книги кавалера де Камбре «Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана...», вышедшей в Амстердаме в 1689 г. (De Cambray, chevalier. Maniere de fortifier de Mr. De Vauban. Amsterdam, M. DC. LXXXIX. Figure L).

нером Паччотто в 1567 году. Действительно, Пентагон выполнил требования военных, уменьшил мертвые (недоступные для обстрела с крепостных валов) углы и предложил практичную и эффективную внутреннюю организацию» [23, p.121].

В России, где бастионные крепости возводились иностранными инженерами с 1618 г. [20, с.75, 33, 151, 260-261], с конца XVII в. строили также и «Пентагоны»: «Невдалеке от Москвы, около деревни Кожухова, была построена в 1694 г. пятиугольная крепостца, которую было приказано стрельцам, под начальством боярина Бутурлина, оборонять, а потешным (чинам будущих гвардейских Преображенского и Семеновского полков. – Ю.С.), под начальством кн[язя] Ромодановского – взять» [18, с.13]. На самом деле, «под Кожуховым в Коломенских лугах» проходили с 24 сентября по 18 октября 1694 г. крупнейшие военные маневры, позже отмечавшиеся в послужных списках участников как «Кожуховский поход». С обеих сторон в этих маневрах приняло участие около 30 тысяч бойцов, артиллерия, инженерные части, причем было «убито с 24 персоны пыжами и иными случаи, и ранены с пятьдесят» [2, с.67]. В.Д.Корчмин, если не как нижний чин Преображенского полка, то как придворный наверняка участвовал в «Кожуховском походе» и вполне возможно, что образцом для возведения в апреле 1706 г. почепского «Пентагона» как раз и послужила Кожуховская «пятиугольная крепостца»...

О причине, по которой потребовалось возводить напротив старой почепской крепости новую бастионную цитадель, кажется, можно догадаться. Дело в том, что прямой путь с территории Украины на Смоленск лежал во времена Петра Великого через Почеп и Рославль (позже путь этот вместо Почепа прошел через Мглин, а сам Почеп вошел в состав Мглинского повета или уезда Черниговской губернии). Память об этой дороге сохранилась в названии одной из центральных почепских улиц – Смоленской, шедшей как раз вдоль крепостной стены [см. план – 56, с.20]. Министр (посол) польского короля Станислава Лещинского при короле шведском Карле XII Станислав Понятовский (1676—1762) назвал Почеп «ключом целой Украины» на том основании, что через Почеп «исключительно только и могла придти Москва на Украину» [47а, с.72]. В начале XX в. шведский историк А.Стилле в своей книге о короле Карле XII повторил оценку С.Понятовского и охарактеризовал проход у Почепа как единственный, «через который русские от Смоленска могли проникнуть в Северскую землю раньше шведов или одновременно с ними» [46, с.29]. А вот куда более популярную в XVII – XVIII вв. у русских и украинцев дорогу через Кролевец, Глухов, Севск и Орел А.Стилле назвал «труднопроходимой для армии» [46, с.15]. Надо полагать, что характеристика, данная Почепу шведским историком в начале XX в., принималась в расчет русским правительством в XVII – XVIII вв. и заставляла содержать в Почепе такую, неоправданно на первый взгляд, большую городскую крепость. Теперь же, начиная с 1706 г., старая и новая почепские крепости взяли под контроль ключевой пункт стратегически важной дороги. И пусть никого не смущает сопоставление земляной цитадели «Валов» с деревянной почепской крепостью: земля, в отличие от дерева или камня, «поглощала артиллерийский огонь, как губка» [23, р.79]. Для пробития бреши в бастионной обороне требовалось в четыре раза больше боеприпасов, чем для подобной операции с каменной крепостной стеной, не говоря уже о деревянной.

Кроме того, можно предположить, что «Валы» играли в украинском Почепе политическую роль. Вот что пишет о подобной функции бастионных цитаделей уже знакомый нам Ж.-Д.Ж.Ж.Лепаж: «Цитадель предназначалась для подчинения, контроля и внушения страха недавно завоеванному населению с сомнительной лояльностью или склонностью к мятежам. Часть вооружения была направлена на эспланаду и город для подавления восстаний (в почепских «Валах», напомним, самые законченные и мощные бастионы обращены именно к городу. – Ю.С.). Гарнизон цитадели мог в любой момент выступить с вылазкой, чтобы преследовать или бомбардировать инакомыслящих, а также силой удерживать жителей от прежде-

временной сдачи осаждающим» [23, p.122]. На Украине, неоднократно во 2-й половине XVII в. бунтовавшей против Москвы, предосторожности такого рода были вполне понятны.

И, надо сказать, вскоре присутствие русских военных действительно стало раздражать почепских жителей. 5 ноября 1706 г. почепскому сотнику Лукьяну Ивановичу Рославцу, дядя которого, стародубский полковник Петр Иванович Рославец, был за злоупотребления в 1676 г. лишен власти и сослан в Сибирь [27, с.347-348], казак Мартын Усенок подал на русского сержанта (возможно, оставленного Корчминым при вновь построенной земляной цитадели) Тихона Ивановича Торопова, челобитье о нанесенных сержантом ему, Усенку, побоях и увечье. Сотник решил раздуть международный скандал – и 5 ноября написал к малороссийскому гетману Ивану Степановичу Мазепе письмо «о своевольстве и насилиях, учиненных в Почепове сержантом Тихоном Ивановичем Тороповым». И.С.Мазепа инициативу подчиненного поддержал, отправив 14 ноября в Москву жалобу «о насилиях и обидах, причиненных жителям Почеповской сотни сержантом Тороповым» [26, с.519, №1514, 1515, 1516].

* * *

1 мая 1706 г. Царь Петр Алексеевич ответил на присланное ему из Почепа письмо В.Д.Корчмина. Об укреплении Брянска Государь, в частности, писал: «Брянск покрепить, толко чтоб не гораздо работна было. <...> Анбароф, сколко может вместитца, внести в город, а которыя не вмостятца, зделать за рекою форверк (передовое укрепление. – Ю.С.) и там поставит их. Сей форверк угоден будет ради двух причин: первое, для хлеба, а вяше, что оба берега реки будут в руках» [33, с.256]. Подобная схема только что была реализована при укреплении Почепа, в котором с одного берега реки Судости местность контролировала городская крепость, а с другого – земляные «Валы». Все, обнаруженные В.Д.Корчминым в районе оборонительного строительства пушки, а также другое оружие Царь приказал «чинить и собрать в Брянск» [33, с.256]. Кроме того, Петр Великий поддержал инициативу В.Д.Корчмина по формированию воинской части из местных служилых по прибору – и позволил временно не отправлять местных рабочих на строительство Петербурга. Кроме того, Царь обещал в скором времени приехать в Смоленск [33, с.257].

Тогда же, в мае 1706 г., к возводившейся В.Д.Корчминым засечной линии стали выходить отступавшие из Белоруссии севские и комарицкие солдаты С.П.Неплюева. 24 мая В.Д.Корчмин писал Царю из Рославля: «Которыя салдаты идут с Неплюевым чрез линию в Брянск и в ыныя города сказывають: после бою пошли по домам, некоторыя и с ружьем; а иныя сказывають, что отпущены. Что об них укажешь?» [34, с.881]. Действительно, 17 мая гетман И.С.Мазепа прислал Неплюеву царский указ о роспуске ратных людей «в дома их». Неплюев исполнил указ, 25 мая в Севске сдал все полковые припасы и отчитался о расходах. Но при этом задержал в Севске полковников и начальных людей из опасения, что «ежели их, полковников и начальных людей отпустить, а скоро поход учинитца, и их собрать вскори (будет) невозможно, что они многие из дальних мест» [30, с.32; 5, с.100].

В то же время В.Д.Корчмин был увлечен формированием в Брянске пехотного полка и даже придумал для своих солдат униформу. Царю Петру Алексеевичу В.Д.Корчмин писал из Рославля 24 мая 1706 г.: «Всемиловстейший Государь. По писму мне от сиятежнейшаго князя Александр Даниловича (Меншикова. – Ю.С.) велено в Брянску полк набрать, такожде и Брянск покрепить. Людми в полк изберуся, а ружьем всем невозможно. <...> Благоволи, чтоб об отдаче лишняго ружья Федор Алексеевич (генерал-адмирал и брянский наместник граф Головин. – Ю.С.) к Гавриле Ивановичю (Головкину, позже канцлеру и графу. – Ю.С.) отписал; такожде, буде есть у Федора Алексеевича, шпаг. <...> В здешних краех горазди травами красить простых сукон, а лехче и скоряе краснокоришневое, да желтят, накладыва-

ют фарбы темнолазореваы и зеленая, да трудняе и мешкотно. Ежели благоволишь кафтаны краснокоричневая да опшлага желтая и чулки, мочно сие скоро наделать» [34, с.881] .

О масштабах деятельности в этом направлении и о средствах финансирования вновь создаваемых в Брянске воинских частей можно узнать из письма от 28 августа 1708 г., отправленного Царю Петру Алексеевичу В.Д.Корчминым: «По указу вашего царского величества брянской замок покреплен, такожде и гварнизун устроен, мундир и ружье изготовлено, и салдаты жалованьем определены не из окладных доходов. И на такие расходы заведены заводы: будной (т.е. по производству поташа – щелочной соли, вывариваемой из древесной золы и употреблявшейся при производстве пороха, стекла, мыла, красок. – Ю.С.), кожевной и небольшой железной, с каторова в брянской замок и в Севск на оковку артиллерии и на всякие расходы употребляли, и в Киев болши трехсот пуд отпущено; такожде струговой отпуск, на которых стругах отпускается провиант» [37, с.607-608] . В письме Петру Великому от 22 марта 1709 г. В.Д.Корчмин уточняет: «Всемиловейший Государь. В прошлых годех в бытность мою по Брянске определен севской и брянской гварнизун ружьем и людьми и учинен баталион мундированных салдат, такожде и афицеры распорезены... И предложено на такое содержание у меня не из окладных доходов отпуск струговой, железной и кожевной завод и инья, тем подобныя, дела, ис которых намерение мое было содержать целой полк, и желал, дабы временем годился и в армею» [38, с.819-820] . Другими словами, В.Д.Корчмину удалось сформировать вместо полка всего лишь батальон численностью в 500 человек [37, с.695], первоначально разделенный между брянским и севским гарнизонами.

Финансировал же В.Д.Корчмин свое воинское подразделение (в том числе и платил солдатам жалование) из «внебюджетных источников», используя доходы учрежденных им в Брянске поташного, железного и кожевного заводов, а также доходы от производства деревянных судов-стругов, существовавшего в Брянске с XVI века и фактически монополизированного В.Д.Корчминым. Об этом последнем коммерческом предприятии бомбардир-подпоручика его сменщик на посту брянского коменданта, Иван Алексеевич Ржевский, писал киевскому губернатору князю Дмитрию Михайловичу Голицыну 14 апреля 1709 г.: «В Провианцком приказе подрядился в киевской отпуск сколко понадобится стругов по самой полой воде поставить с кормщики и с работники для отпуску провианта Василей Корчмин, а рядил за всякой струг ценою по 35 рублей по 25 алтын. И по тому... подряду ис казны выдано ему денег за двадцать стругов. И те дватцать стругов готовы будут вскоре. <...> А сорок... пять стругов, ево ж, Василья Карчмина, во Брянску есть старых, только во многой недоделке, стоят не накрыты, а кормщиков и работников на те струги не нането для того, что по договору с ним апреля по 14 число ис Правиянского приказу денег не прислано. А не взяв денег, люди ево стругов не обделывают и работников не нанимают. <...> А за отправленьем... правиянта вышеписанного числа дворянских и купецких людей готовых стругов ныне во Брянску нет, не делали для того, что подряд струговой весь на отвозску провианта киевского отдан Василью Корчмину и порозжих стругов в посылке не будет» [38, с.750] .

Ясно, что такое доминирование в городе одного-единственного предпринимателя раздражало брянское торгово-промышленное сообщество, «дворянских и купецких людей». После отзыва В.Д.Корчмина из Брянска в 1707 г. со здешними корчминскими активами начались приключения, о которых сам Корчмин писал Государю 22 марта 1709 г.: «В прошлом году глумлением потоплено болши пятидесят стругов и завод позжен и инья противности, ис которых мое мнение о состоянии гварнизунуов и мундироваваго баталиона может разрушиться» [38, с.820] ...

Как бы то ни было, но инициатива В.Д.Корчмина с самодеятельным обмундированием вновь образованных воинских гарнизонных частей пришла по душе Царю Петру Алексее-

вичу. В начале 1707 г. он писал двум важным должностным лицам – своему родственнику по материнской линии, псковскому и дерптскому обер-коменданту Кириллу Алексеевичу Нарышкину и думному дьяку Автоному Ивановичу Иванову относительно формируемых ими обоими частей: «И тем салдатом мундир убирай против протчих гварнизонов, а именно кафтаны такие, какие в Брянску Карчмин делает ис простых сукон, окрася коришневою краскою, как в деревнях красят, з желтыми опшлагами, також сукна...» [35, с.18]

Тем временем отступавшие из Польши и Белорусский русские части князя А.Д.Меншикова прибыли к Киеву. Шведы же со своим королем Карлом XII вторглись на Волынь. Встревоженный сообщением о появлении шведов на Западной Украине, принадлежавшей тогда Польше, Царь Петр Алексеевич 1 июня 1706 г. покинул Петербург и направился в Киев, в расположение своих войск. 14 июня Царь был в Смоленске, куда прибыл 16 июня и А.Д.Меншиков. 19 июня Петр Великий покинул Смоленск, двигаясь водой к Орше. Потом через Могилев, Быхов и Гомель к 1 июля добрался до Чернигова [9, с.125-126]. Ознакомившись с ситуацией, Царь 2 июля 1706 г. отменил решение о роспуске севских полков С.П.Неплюева и приказал последнему собирать драгун и солдат для отправки в Киев, куда переброшены были уже два севских солдатских полка из Замостья и Бреста-Литовского [5, с.100-101]. Примерно тогда же Государь выписал из Брянска дубовый лес для «ботового», т.е. корабельного, строительства. Из Чернигова по реке Десне Петр Великий отправился в Киев, куда прибыл 4 июля. Через 4 дня сюда же пришли русские полки [9, с.126].

7 июля 1706 г. Царю из Брянска рапортовал В.Д.Корчмин: «Всемиловейший Государь. Указ получил от Вашего Величества о присылке леса дубоваго, чтоб годился на ботовое дело. И тот лес отпущон будеть (с) стругом сего месяца з 10 числа. Брянск крепим небольшою работою, а будет гораздо изрядно, и на твое тезоименитство зачали дерном» [34, с.940]. Последнее означает, что на праздник святых апостолов Петра и Павла (29 июня) вновь построенные брянские укрепления начали обкладывать дерном.

В августе 1706 г. в Киеве было получено сообщение, что шведские войска повернули с Волыни в Саксонию и громят войска союзника Петра Великого, бывшего польского короля и саксонского курфюрста Августа Сильного. Царь на помощь союзнику отправил 20-тысячный русский кавалерийский корпус под началом князя А.Д.Меншикова, а сам в обстановке строгой секретности начал готовить удар от Петербурга на принадлежавший тогда шведам Выборг [9, с.126-127]. Талантливейший и опытнейший военный инженер и артиллерист В.Д.Корчмин не мог остаться в стороне от задуманной операции. Уже 15 августа 1706 г. Царь Петр Алексеевич посылает В.Д.Корчмину из Киева в Брянск такое предписание: «Мп Нег. Когда к тебе Яков Инехоф приедет и с ним еще 6 ч(еловек), тогда тотчас и (ты) с ними пожай в Петербургх. Аднакож не гораздо гласи о своей поездке туда, но скажи во Пскоф; аднакож надлежит вам к 10 числу сентебря там стать или ранея: зело нужно» [33, с.340].

Сам Петр Великий выехал из Киева в направлении на Петербург 21 августа 1706 г. [33, с.362], хотя в его Походном журнале или «Юрнале» 1706 г. сказано: «Августа с 20-го числа поехал... Сам Его Царское Величество в Питербурх; и ехали на Стародуб, на Почеп, на Смоленск, на Луки Великие и на Псков, а ото Пскова до Нарвы водою» [41, с.7]. 24 августа Царь остановился на территории современной Брянской области, в г. Стародубе, административном центре одного из полков малороссийского (украинского) казачества (в Стародубском полку числилось на 12 августа 1731 г. 14429 реестровых казаков [47, с.129]). Именно 24 августа 1706 г. Государь отправил в Москву к носившему шуточный титул «князя-кесаря», но, по сути, являвшемуся царским заместителем князю Федору Юрьевичу Ромодановскому (Петр Великий в письмах обращался к Ромодановскому как к монарху – «Сир», «Siir») требование разыскать и отправить в Петербург царского лейб-хирурга голландца Яна Говия

Рис.9. Царь Петр I Алексеевич. Художник И.Г.Таннаур (?), 1710-е гг. Государственный Эрмитаж (ГЭ). Инвентарный номер: ЭРЖ-2212.

(Гови). Заканчивалось царское письмо князю Ф.Ю.Ромодановскому так: «Писана в древней вашей отчине, в привеликом и преславном вашего величества прапрадиделном граде Стародубе, авьгуста в 24 д[ень] 1706» [33, с.363].

В этих словах, помимо очевидного желания Царя польстить своему важнейшему сподвижнику, заключена еще и серьезная фактическая ошибка. Действительно, род князей Ромодановских, равно как и роды князей Пожарских, собственно Стародубских, Кривоборских, Ковровых, Ряполовских, Хилковых, Палецких, Гундоровых и Тулуповых, происходили от героя Куликовской битвы (1380) стародубского князя Андрея Федоровича [13, с.35-36]. Однако правил этот князь не в северском или малороссийском Стародубе, в котором Петр Великий гостил 24 августа 1706 г., а в Стародубе на Клязьме, располагавшемся в 13 верстах на восток от г. Коврова Владимирской губернии. Здешнее княжение началось в 1217 г., когда одному из сыновей великого князя владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, Владимиру Всеволодовичу, братья передали Стародуб на Клязьме [40, с.87]. В 1609 г. кляземский Стародуб был разрушен поляками, после чего возродился уже как село. В Петровское время это село было центром Стародубского стана Суздальского уезда [16, с.402]. К середине XIX века Стародуб на Клязьме был известен как село Кляземский Городок Ковровского уезда Владимирской губернии [8, с.637-638].

Что касается северского Стародуба, то по данным переписных книг 1666 г. здесь, помимо казаков, проживало 974 лица мужского пола, принадлежавших к мещанскому сословию. 334 человека из этого числа относились к ремесленникам или занимались различными промыслами [42, с.33]. К 1765 г., согласно «Генеральной описи Малороссии», в Стародубе было 1341 двор и 12 православных церквей [17, с.395, 293-394]. Стародуб так же, как и Почеп, имел привилегию «магдебургского права», данную еще польскими королями и подтвержденную Царем Алексеем Михайловичем 29 ноября 1665 г. [39, №380, с.623-624]. Вот что писал о значении Стародуба в экономической жизни Украины историк А.М.Лазаревский (1834 – 1902): «Начиная со второй половины XVII в., Стародуб стал главным торговым рынком для всей почти Малороссии. Развитию этого рынка способствовали главным образом два обстоятельства: промышленный характер того края, в центре которого находился Стародуб, и прежняя известность этого города, как срединного между Москвой и Польшей торгового пункта. В Стародубе был главный сбыт продуктов местной промышленности: пеньки, конопляного масла, воску, меду и частью мехов. Из этих продуктов пенька шла до сер[едины] XVIII в. преимущественно за границу: стародубские купцы отвозили ее до Риги и Архангельска и там продавали иностранным купцам, покупая у последних, в свою очередь, сукно и вино. Мед и воск шел преимущественно в Россию, откуда приезжавшее за ними купечество привозило для мены меха (соболь, куницу, белку), юфть, железо, а позже, в XVIII в., и красные товары. Стародубские купцы покупали эти товары как для местного потребления, так и для вывоза за границу. Так, во второй половине XVII в. они возили за границу, преимущественно в Силезию, дорогие меха и юфть... Вся эта торговля велась в значительных размерах, и стародубское купечество известно было своим богатством. На две стародубские ярмарки, сборную и "десятуху", товары привозились главным образом из Риги и из Москвы, и отсюда некоторые из них уже местными торговцами развозились по всей Малороссии. Можно сказать, что стародубские ярмарки были первыми "украинскими" ярмарками» [19, с.113-114]. Кроме того, значительной – если не основной – статьей дохода стародубцев было беспощинное винокурение (производство водки), право которого вытребовал у Москвы еще Богдан Хмельницкий. Стародубский житель рубежа XVII–XVIII вв., скрывшийся за псевдонимом Самовидец (Свидетель), отмечал, что в Стародубе «шинки немал в каждом дворе» [24, с.125].

Рис.10. План Стародубской крепости, исполненный в 1746 г. инженер-подпоручиком Василием Мягким (РГАВМФ. Ф.3/л. Оп.26. №3282).

После уничтожившего Стародуб пожара 1677 г., когда чудом сохранился только каменный пороховой погреб [24, с.125-126], дома и храмы были отстроены заново. Стародубскую крепость восстанавливали по европейским образцам. В описи Стародуба, составленной в 1798 – 1800 гг., сказано: «В сем городе на левой стороне речки Бабенца имеется старинное укрепление, состоящее в земляном вале с пятью бастионами и сухим рвом, с девятью из оно-го выездами (согласно «Генеральной описи Малороссии» 1765-68 гг. – «с одинацатю воротами и трема вилазками» [17, с.393]. – Ю.С.); имеющее вид нерегулярного четвероугольника, разделяющееся ручьем и оврагом Шморговкою на две части, ис коих первая называется Старой город, а другая Новой город; сия часть названа потому: что вал и ров сделаны после первой. Укрепление сие окружается со всех сторон предместьем, разделяющимся на четыре части: первая называемая собственно городом, по левую сторону речек: Бабенца, Ланковки и ручья Гудовки, в которой и укрепление состоит; вторая на юг Заречье, отделяющаяся от оной части речкою Бабенцом; третья на запад Рубцовка, отделяющаяся от первой части тою ж речкою и по левую сторону речки Бычка; четвертая на северо запад Гудовка, по левую сторону речки Ланковки, отделяющаяся от первой части ручьем Гудовкою» [32, с.114-115].¹

¹ К 1810 г. со стародубскими крепостью и предместьями было покончено. Составленная 22 октября 1810 г. «Ведомость о положении и пространстве города Стародуба Малороссийской Черниговской губернии» сообщает,

В 1746 г. так же, как и в Почепе, в Стародубе работали картографы: план здешней крепости вычертил «инженер-подпоручик Василий Мяхкой» [44; 15, с.495-496] . А.Н.Кирпичников так прокомментировал этот план: «Новая постройка хотя и была поставлена ”на старом месте”, примерно в два раза (до 37 г[ектаров]) увеличивала огражденную городскую территорию. Прежние... оборонительные сооружения — мысообразный детинец (на плане 1746 г. — ”козья борода”) и восточный вал окольного города (на плане 1746 г. названный старым) — строители сочли возможным сохранить и включить в состав новой фортификации. Укрепления Стародуба (равно как Москвы и Почепа) свидетельствовали о том, что земляная оборонительная преграда могла охватить не только относительно небольшое пространство кремлей и островов, но и посадов. Длина фронтов Стародубского города составила 580-642 м, что потребовало особых плановых решений. На плане 1746 г. видны 7 больших прямоугольных бастионов (шириной по фронту 22-50 саж[еней], выступающих за линию куртинного фронта на 5-18 саж[еней]) и 5 малых (протяженностью 18-22 саж[еней], выступающих на 5 саж[еней]). Малые промежуточные бастионы... сокращали длину куртин, в противном случае прясла стен были бы слишком растянутыми. Благодаря постройке малых бастионов длина куртины Стародуба не превышала... 28-60 саж[еней], что сопоставляются с дальностью перестрела... , равного в XVI в. около 100 м» [15, с.480].

Из Стародуба Петр Великий направился, как уже говорилось, на Почеп и Смоленск [9, с.127] . Вероятно, Государь осмотрел выстроенную В.Д.Корчминым перед Почепом бастионную земляную крепость, упоминавшиеся выше «Валы». А вот состояние старой почепской крепости Царю определенно не понравилось. Поэтому 19 сентября 1708 г., ожидая, какое направление выберут шведы для дальнейшего продвижения – на Рославль или Стародуб – Петр Великий предписал, было, фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву вывезти из Почепа в Стародуб пушки и воинское имущество, «понеже сей городок (Почеп. – Ю.С.) плох и лутче при случае жжечь» [36, с.150-151] .

29 августа 1706 г. Царь Петр уже проехал Смоленск и находился от него в 50 верстах, в Духовщине [33, с.364] . 8 сентября Государь въехал в Петербург [9, с.127] . Таким образом, документально (по «Юрналу», «Поденной записке» и переписке) подтверждается пребывание Царя Петра Алексеевича на территории Брянского края в период с 24 по 28 августа 1706 г. и посещение этим Государем двух городов современной Брянской области: Стародуба и Почепа.

События же на огромном фронте Великой Северной войны развивались стремительно. Войска шведского короля Карла XII огнем и мечем прокатились по Саксонии. 24 сентября 1706 г. в саксонском селе Альтранштедт разбитый союзник Петра Великого, польский король и саксонский курфюрст Август II Сильный, вступил в переговоры со шведским королем, отказался от притязаний на польский престол и признал законным польским монархом Станислава Лещинского. Тем не менее, русские войска выступили от Петербурга на Выборг 4 октября 1706 г., 12 октября Выборг был русскими окружен. Осада длилась без особенных событий две недели, пока в ночь с 26 на 27 октября Петр Великий ее не снял и не повел своих солдат домой. 4 ноября Царь вернулся в Петербург, а 15 ноября сюда прибыл курьер, сообщивший, что войска А.Д.Меншикова разгромили в Польше, под Калишем, 20-тысячный польско-шведский корпус генерала А.А. фон Марденфельда (Мардефельта) [9, с.127-130] . Эта победа позволила русским закончить год с надеждой на будущую удачу. В.Д.Корчмин после похода на Выборг вернулся к текущим делам в Брянск.

что «по разрушении бывшей земляной крепости... по плану... для города предместий не положено...» [32, с.250].

* * *

Следы фортификационных работ, проведенных В.Д.Корчминым в Брянске видны на плане брянской крепости, исполненном в 1727 г. чертежным учеником Михайлой Подаревым [22]. В приложенной к этому плану пояснительной записке определялось назначение брянской крепости, как «не... самой основательной фортеции, но для сильных партей». Кроме того, брянская крепость предназначалась «для собрания провиантов и всяких припасов; також для сохранения вещей и пожитков обретающихся тамо дворянства и купечества, понеже от Смоленска и до Чернигова никакой крепости не было» [21, с.475]. Основная надежда при возможной обороне брянской крепости была связана с «натуральной» крутой горой, на которой эта крепость располагалась и которую было очень трудно штурмовать. Вместе с тем, по периметру крепостного вала, «по скату и уступам высоты», В.Д. Корчминым были «зделаны редуцты нижние и якобы другие фланки высотую аршина 4 и в оныя под большой вал подходы» [21, с.620, 475]. Также на плане 1727 г. видно, что В.Д.Корчмин «форверк» для хранения продовольственных припасов выстроил вопреки желанию Царя не на противоположном левом пойменном берегу Десны, который до сей поры река основательно заливает весной, а на правом, у подножия «самородной» Покровской горы. Здесь, в Пушкарской слободе Брянска, у Архангельской церкви В.Д.Корчминым было устроено небольшое четырехугольное передовое укрепление с тремя длинными амбарами посередине. Вскоре на этой территории сформировался Брянский Арсенал – сначала как оружейный склад и мастерская, а с 1783 г. – как оружейный завод, сохранявший также статус артиллерийского гарнизона.

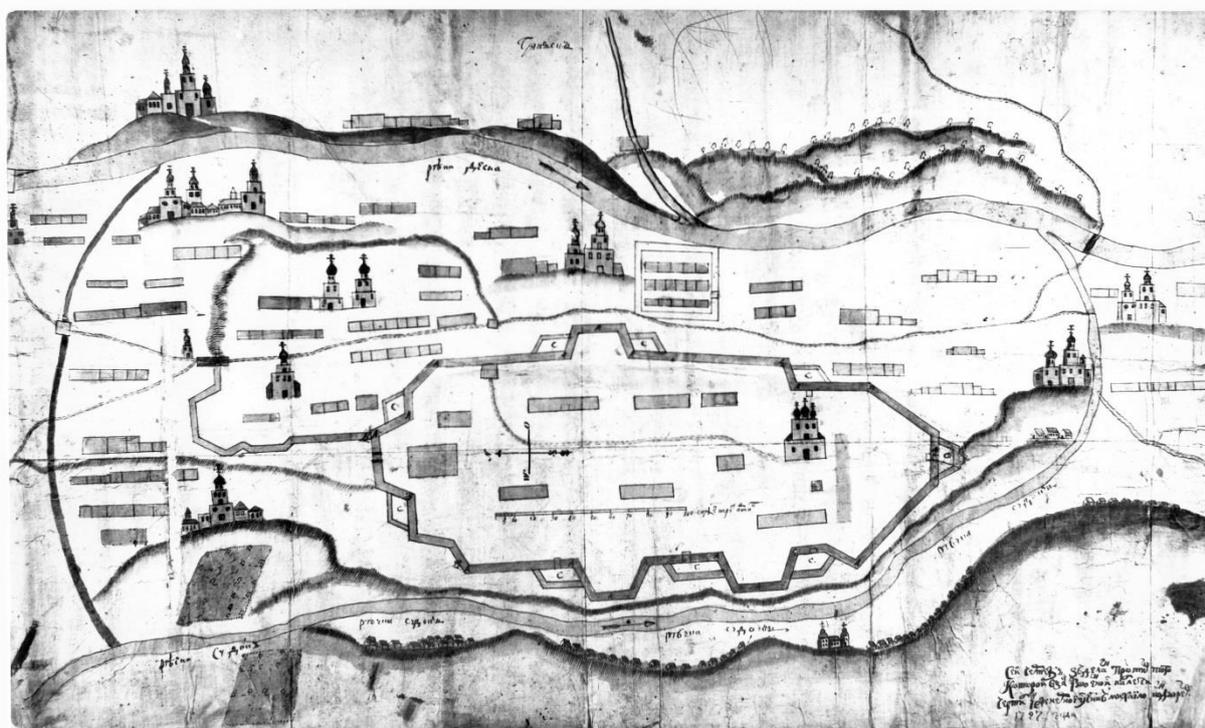

Рис.11. План Брянской крепости, исполненный в 1727 г. чертежным учеником Михайлой Подаревым.

Первый заказ на изготовление оружия в Брянске ждали недолго. Царь Петр Алексеевич считал своим долгом восстановить на польском королевском престоле союзника, саксонского курфюрста Августа II Сильного.

Рис.12. Андрей Иванович Ушаков (1672-1747) на склоне лет, в мантии ордена Св. Андрея Первозванного. Неизвестный художник середины XVIII в. ГЭ. Инвентарный номер: ЭРЖ-2624.

К концу 1706 г. вдобавок к кавалерийскому корпусу А.Д. Меншикова на территорию Западной Украины были переброшены пехотные части фельдмаршала Б.П. Шереметева и князя Н.И.Репнина. 28 декабря 1706 г. сюда же прибыл и сам Царь, сделавший своей резиденцией город Жолкву (ныне Львовской области Украины) [9, с.133]. 6 февраля 1707 г. Петр Великий отправил из Жолквы в Брянск, В.Д.Корчмину, следующее распоряжение: «Господин подпоручик. Против посланнаго при сем обрасца воли выковать в Брянску таких ко-

пейных желез (наконечников. – Ю.С.) десять тысяч немедленно, и чтоб у вострово конца хотя по немного прибавливать укладу; а как готовы будут, о том к нам отписать. ”Piter”»[35, с.74].

Однако вскоре русским войскам в Польше остро понадобился такой опытный артиллерист и военный инженер, как В.Д.Корчмин. И 20 марта 1707 г. Царь вызвал В.Д.Корчмина таким письмом: «Послан во Брянск поручик Андрей Ушаков; и как он приедет, и вы, по отпращивании нужнейших дел, которые там вам приказаны [а наипаче в лошадях, что велено набрать на Преображенской баталион], приезжайте сюды на почте немедленно. А чего невозможно будет вам при себе за скоростию времени отправить, то прикажите без себя ему, Андрею, исправить» [35, с.151]. В Брянск поручик Преображенского полка Андрей Иванович Ушаков прибыл 6 апреля, а вскоре в Польшу отсюда выехал В.Д.Корчмин [35, с.563]. Наконечники же для копий в Брянске ковали до мая 1707 г. [35, с.227]

6 мая 1707 г. Царь Петр Алексеевич предписал командовавшему Преображенским полком подполковнику Марку Богдановичу фон Кирхену, «чтоб он объявил Корчмина перед ротю поручиком, а Ивана Алексева сына Ржевского послать в Брянск командантом» [35, с.240]. Таким образом, В.Д.Корчмин был повышен в чине, а брянским воеводой или комендантом стал как минимум на ближайшие 8 лет поручик 11-й роты Преображенского полка, комнатный стольник Царя Иоанна Алексеевича, брата Царя Петра, (позже – ближний царев стольник) Иван Алексеевич Ржевский (1660 – 1721) [1, с.354; 3, с.196; 29, с.736; 45, с.17]. Правда, и А.И.Ушаков распоряжался в Брянске, по крайней мере, до середины августа 1707 г. [35, с.609] Однако же, и В.Д.Корчмин в Польше не задержался. «Поденная записка Петра Великого» от 28 мая 1707 г. сообщает, что шведский король Карл XII со своей армией, «усилился, из Саксонии марш свой взял паки в Польшу. И имели опасение, дабы не вступил тогда в росиские границы, чего для к Москве послан от бомбардир поручик Василей Корчмин, которому велено на Москве Кремль и Китай[-город] фартификовать, что и учинено» [9, с.134].

Библиографический список

1. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853.
2. Архив кн. Ф.А.Куракина, издаваемый под редакциею М.И.Семевского. Кн.1. СПб, 1890.
3. Бобровский П.О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения ко II-му тому. СПб., 1904.
4. Великанов В. «Непомысленная баталия». Участие корпуса С.П. Неплюева в сражении при Клецке в 1706 году // Старый Цейхгауз. 2015. №1 (63). С.76-81.
5. Великанов В.С. Формирование и службы севских полков набора 1705 г. // Studia internationalia. Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.». (1-3 июля 2015 г.). Брянск, 2015. С.95-102.
6. Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф.Новицкого, А.В.фон-Шварца, В.А.Апушкина, Г.К.фон-Шульца. Т.4. СПб.: Т-во И.Д.Сытина, 1911.
7. Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып.1. Кн.3. Приложения (I-XLII). СПб, 1912.
8. Географическо-статистический словарь Российской Империи / Составил П.Семенов, при содействии В.Зверинского, Р.Маака, Л.Майкова, И.Филиппова. Т.II. СПб., 1865.
9. Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Составитель Т.С.Майкова / Под общей редакцией А.А.Преображенского. В 2-х выпусках. Вып.1. М., 2004.
10. De Cambray, chevalier. Maniere de fortifier de Mr. De Vauban. Amsterdam, M. DC. LXXXIX (1689). Liv. V. P.87, 89-90; Figure K, L, M, O, P,Q, S,T, W.
11. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IX. СПб., 1875.
12. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. XI. СПб., 1869.

13. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
14. Карпухина В.Н. Почеп в Северной войне // Деснинские древности-VI. Материалы межгосударственной конференции, посвященной памяти Ф.М.Заверняева. Брянск, 2012. С.251-260.
15. Кирпичников А.Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978 год. Л., 1978.
16. Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т.1. Переписи дворов и населения (1678-1721). СПб., 1911.
17. Константинович Н. Обзорение румянцовской описи Малороссии. Вып. 3. (Полк Стародубский.) Чернигов, 1875.
18. Кюи Ц.А. Краткий исторический очерк долговременной фортификации. СПб., 1897. Ч.II.
19. Лазаревский Ал. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т.1. Полк Стародубский. Киев, 1888.
20. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч.1. СПб., 1858.
21. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч.II. СПб., 1861.
22. Ласковский Ф. Карты, планы и чертежи к I части материялов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858. Л.20, изобр.59.
23. Lepage J.-D. G.G. Vauban and the French military under Louis XIV : an illustrated history of fortifications and strategies. Jefferson, North Carolina, and London, 2010.
24. Літопис Самовидця. / Видання підготував Я.І. Дзира. Київ, 1971.
25. Масловский Д.Ф. Северная война. Документы 1705—1708 гг. // Сборник военно-исторических материялов. Вып.1. СПб., 1892.
26. Малороссийские дела. Описи фонда № 124 Российского государственного архива древних актов / Отв. ред. Т.Г.Гаирова-Яковлева. М., 2016.
27. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 4. Киев, 1914.
28. Мякотин В.А. Очерки социальной истории Украины в XVII – XVIII вв. Т. I. Вып. II. Прага, 1926.
29. Николай Михайлович, Великий Князь. Русский провинциальный некрополь. Т.1. М., 1914.
30. Оглоблин Н.Н. Бой со шведами у местечка Клецка, журнал С. П. Неплюева, 19-го апреля 1706 г. // Русская старина. 1891. Т.72. №10. С.25-32.
31. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн.10. М., 1896.
32. Описи Лівобережної України кінця XVIII — початку XIX ст. / Упорядкування, передмова Т.Б.Ананьєвої. Київ, 1997.
33. Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т.4. СПб., 1900.
34. Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т.4. Примечания. СПб., 1900.
35. Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т.5. СПб., 1907.
36. Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т.8. Вып.1. М., 1948.
37. Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т.8. Вып.2. М., 1951.
38. Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т.9. Вып.2. М., 1952.
39. Полное собрание законов Российской Империи. Т.1. СПб., 1830.
40. Полное собрание русских летописей. Т.XXIV. Типографская летопись. М., 2000.
41. Походные журналы 1706, 1707, 1708 и 1709 годов. СПб., 1854. Юрнaлы 1706-го года.
42. Пиріг П. Соціально-економічний розвиток Стародуба в другій половині XVII століття // Сіверянський літопис. 2011. № 6 (102). С.33-43.
43. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф.3/л. Оп.25. №2480.
44. РГАВМФ. Ф.3/л. Оп.26. №3282.
45. Ржевские // Знаменитые династии России. 2015. Вып.92.
46. Стилле А. Карл XII , как стратег и тактик в 1707 – 1709 гг. / Перев. со шведского А.Полторацкого. СПб., 1912.
47. Судиенко М. Материалы для отечественной истории. Т.1. Киев, 1853. Отд.2.
- 47а. Томашівський С. Із записок Каролінців про 1708/9 р. // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Т. ХСІІ. (1909. Кн. VI.) Львів, 1910. С. 66-92.
48. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т.4. Ч.1. СПб., 1863.
49. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т.4. Ч.II. СПб., 1863.
50. [Филарет Гумилевский, архиепископ Черниговский и Нежинский.] Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн.7. Стародубский, Мглинский, Новозыбковский, Глуховский и Нежинский уезды. Чернигов, 1873.

51. Шафиров П. П. Разсуждение о причинах Свейской войны // Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах / Упоряд. С. Павленко. Київ, 2009. С.307-340.
52. Шломин В.С. Почеп 240 лет тому назад (1986) // Страницы истории Почепского района / Сост. С.М.Масленко. Клинцы, 2010. С.39-42.
53. Шломин В.С. Почепские «Валы» (Страницы истории) (1976) // Страницы истории Почепского района. С.170-173.
54. Шломин В. Почепские валы встали на пути Карла XII в Москве // Брянская газета. 1998. №44. С.6.
55. Черниговская летопись по новому списку (1587-1725) / Публикация А.Лазаревского // Киевская старина. 1890. Т.ХХІХ. №5. Приложения. С.81-96.
56. Яцкин Д.М. К вопросу о характере и датировке крепостных сооружений Почепа и его окрестностей XVI – 1-й половины XVIII веков // Культурное наследие. Брянская область. 2008. №1. С.17-23.

Сведения об авторе:

Соловьев Юрий Павлович, кандидат филологических наук, ur.solovjev@yandex.ru

Культурная история

УДК 94(410.3)"1880/1980"

Н. Ф. Шестакова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ УЭЛЬСА В ТВОРЧЕСТВЕ ВАЛЛИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КОНЦА XIX - XX ВВ.¹

Аннотация: В статье на основе анализа произведений валлийских писателей конца XIX – XX вв. выявлен и охарактеризован исторический образ Уэльса, а также выделены причины и особенности его трансформации. Автор приходит к выводу о том, что обращение к средневековому прошлому и его интерпретация, стали ответной реакцией литераторов на вызовы современности: индустриализацию, пиеизм, мировые войны и процесс деволюции. Под влиянием этих факторов персонифицированный образ Уэльса рубежа XIX - XX вв. сменяется к концу прошлого столетия представлением об обществе как едином коллективе, основанном на принципах доверия, уважения и памяти о прошлом.

Ключевые слова: Уэльс, валлийцы, литература, идентичность, образ прошлого, историческая память.

Shestakova N.F. The historical image of Wales in the works of Welsh writers of the late XIX-XX centuries

Abstract: In the article on the based analysis of the works of Welsh writers of the late XIX – XX centuries, identifies and characterizes the historical image of Wales, as well as highlights the causes and features of its transformation. The author comes to the conclusion that the appeal to the medieval past and its interpretation became a response of writers to the challenges of modernity: industrialization, pietism, world wars and the process of devolution. Under the influence of these factors, the personified image of Wales at the turn of the XIX – XX centuries. by the end of the last century, it was replaced by the idea of society as a collective, based on the principles of trust, respect and memory of the past.

Key words: Wales, Welsh, literature, identity, image of the past, historical memory.

“Земля пробуждений” – так уже в течение трех столетий называют западный кельтский край Британии. Дело в том, что Уэльсу на протяжении своей долгой истории довелось пережить немало “пробуждений”, которые носили религиозный, политический или культурный характер. На рубеж XIX – XX вв. приходится возрождение валлийской литературы, которое сыграло значительную роль в формировании национальной идентичности валлийцев и их взгляда на свою историю. Как Ренессанс XVI в. и неоклассическое движение в литературе XVIII в., возрождение рубежа XIX – XX вв. стало, своего рода, реакцией на реалии предшествующих периодов, которые характеризовались застойными тенденциями в этой сфере культуры, способствующими возвращению к ее истокам и поиску источника вдохновения в прошлом. В данной статье мы обратимся к проблеме формирования и трансформации исторического образа Уэльса в валлийской литературе конца XIX – начала XX вв. А также попробуем выяснить, к каким сюжетам прошлого обращались в своем творчестве валлийские писатели прошлого столетия.

В зарубежной исторической науке рассматриваемая нами проблема не получила должного освещения. Среди более основательных трудов по этой теме можно выделить “Воображаемый Уэльс: взгляд на современную англоязычную письменность валлийцев” Дж. Хукера, который посвящен интерпретации литературных образов Уэльса в творчестве англоговоря-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-39-00029 «Опыт конструирования региональной идентичности валлийцев на основе исторической памяти (конец XVIII – XX вв.)»).

щих валлийских писателей XX в. [11] Большинство исследовательских работ содержат анализ литературных произведений, в которых действие разворачивается на фоне событий прошлого и с участием реальных исторических личностей или мифологических персонажей. Среди таких работ можно выделить «Путеводитель по валлийской литературе 1900-1996 гг.» под редакцией Д. Джонстона [12, Vol. VI], сборник статей «Кельтская литература в XX в.» под редакцией С. Мак Матуна и Д. О' Коранна [15] и др. Было опубликовано также большое количество статей и монографий, связанных с изучением литературного наследия валлийских писателей прошлого столетия, таких как Дэвид Джонс [4], Кэйт Робертс [10], Дилан Томас [1] и др. Наше же исследование будет направлено на решение следующих задач: во-первых, определение сюжетов прошлого, ставших основой формирования исторического образа Уэльса, во-вторых, выявление факторов, оказавших влияние на его изменение.

Расцвет валлийской литературы в конце XIX – начале XX вв. был обусловлен ростом самосознания народа западного региона Британии. Стоит отметить, что в этот период возникло движение за автономию «Молодой Уэльс», жители края были проникнуты верой в прогресс, надеждой на светлое будущее и уверенностью в сохранении своей культурной самобытности, подкрепленной созданием государственных учреждений, таких как Национальный университет, Национальный музей и Национальная библиотека [3, p. 57]. Любопытно, что писатели в своем творчестве стремились персонифицировать валлийскую нацию, т.е. ассоциировать ее с конкретным символом или историческим героем. Они предпринимали попытки найти в анналах своей истории такого персонажа, в образе которого воплотилось бы чувство национальной гордости. Главным героем валлийского народа в этот период становится Оуайн Глиндур. Организованное им восстание ассоциировалось с возможностью создания независимого и объединенного Уэльса.

В 1879 г. Б.Г. Эванс написал пьесу «Оуайн Глиндур», посвященную одноименному валлийскому национальному герою, который предстает перед читателем как доблестный, добродетельный и мудрый патриот своей родины [8]. В свою очередь, английский барон из Ратина Реджинальд Грей, отобравший у Оуайна Глиндура землю, изображен настоящим «викторианским» злодеем, который, испытав пренебрежение со стороны общественности, раскаивается в своих преступлениях и заявляет: «Горе мне, что я не валлиец» [7, p. 168]. Лидер восставших с честью сражается против врага. Он объявляет себя наследником Лливелина, последнего исконного валлийского принца. После своего поражения герой передает королевскую мантию Оуэну Тюдору, деду Генриха VII, который, выступив в качестве «сына пророчества», одержит победу над Ричардом III в битве при Босворте, восстановит власть британской династии на острове и добьется для Уэльса достойного места в «британском союзе». Автор пьесы неслучайно заостряет внимание читателя на противостоянии Оуайна Глиндура и Реджинальда Грея. Возможно, он, стремясь провести историческую параллель, завуалировал за этим земельным конфликтом вероломный и предательский захват Британии англо-саксами.

Возрождение нации и национального героя становится главной темой в литературе Уэльса на рубеже XIX – XX вв. Король, спящий в пещере, стал самым распространенным образом Артура в творчестве валлийских писателей конца Викторианской эпохи. Этот образ легендарного правителя бриттов нашел наиболее яркое выражение в стихотворении «Спящий Лорд» Дэвида Джонса. С одной стороны, в данном произведении Артур предстает как гигантский спящий воин, черты которого можно разглядеть в пейзажах и ландшафте Уэльса. С другой стороны, этим спящим воином может быть и сам Уэльс: «Земля ждет своего лорда. Или эта потерянная земля и является тем спящим господином?» [9, 435]. Целью возрождения

Артура в литературе являлось не восстановление могущества бриттов на острове, а сохранение родного языка как главного элемента валлийской национальной идентичности.

Примечательным также является то, что творчество писателей Уэльса рубежа XIX – XX вв. было ориентировано на открытие доиндустриального рыцарского мира, в котором феодальные устои можно было представить в качестве противовоядя против индустриализации. Развитие промышленности, способствовавшее изменению привычного мира сельских обывателей и уничтожению красот природы, вызывало глубокую обеспокоенность у валлийской общественности. О недостатках промышленности также свидетельствовало растущее количество забастовок и крупных бедствий. Примером может служить взрыв в шахте в Сенгенидде в 1913 г., в результате которого погибло 439 человек [2, p. 48]. Реакцией писателей на рост промышленного производства стала идеализация образа сельского Уэльса доиндустриальной эпохи (особенно эпохи средневековья). Валлийские литераторы, как и их английские коллеги (например, А. Теннисон и У. Моррис), видели для себя выход в бегстве от современного индустриального мира, который они воспринимали как нечто чуждое для своего родного края.

Разрушительные процессы индустриализации способствовали разочарованию писателей в прогрессе. Некоторые из них, например поэт Т. Гвинн Джонс, предчувствовали приближение страшной трагедии начала XX в. – Первой мировой войны. В 1902 г. писатель выиграл кресло на Национальном Айстедводе благодаря поэме “Отплытие Артура” (“Ymadawiad Arthur”), которое было опубликовано в 1934 г. в сборнике “Песни” (“Canïadau”) [13]. В основу этого произведения лег известный сюжет отбытия легендарного короля бриттов на остров Авалон, который был заимствован из “Смерти Артура” А. Теннисона [16]. Значительное внимание автор уделяет затруднительному положению Бедивера, верного спутника короля, которому удалось выжить и столкнуться с неопределенным будущим. Рыцарь должен был исполнить просьбу умирающего Артура – вернуть меч Экскалибур Владычице озера. Однако он не может этого сделать, поскольку уверен в то, что это оружие может понадобиться в будущем для обеспечения безопасности королевства. Именно благодаря вере и чувству долга, Бедивер, наконец, исполняет волю Артура. Рука, которая вдруг появляется на поверхности озера, чтобы схватить меч, является подтверждением того, что это оружие будет сохранено для потомков [7, Vol. V, p.13].

Прежде чем отправиться на Авалон, Артур предсказывает наступление эпохи предательства и стыда, которая продлится до тех пор пока он не вернется, чтобы восстановить справедливость. Писатель, будучи человеком Эпохи национального возрождения Уэльса рубежа XIX – XX вв. целенаправленно вводит в сюжет поэмы пророчество, вселяя, таким образом, в читателя надежду на возвращение героя и веру в светлое будущее.

Главной особенностью творчества Т. Гвинна Джонса являлась тема вдохновляющей силы прошлого. Писатель рассматривал мифы кельтских народов как воплощение вечной истины и использовал их в соответствии с вызовами современной ему эпохи. В поэме “Отплытие Артура” Авалон предстает перед читателем физическим воплощением потерянного рая. Бедивер понимает, что смертные не могут достигнуть острова, тем не менее, мысль о его существовании вдохновляет его на дальнейшую борьбу с врагами. Таким образом, рыцарь является аллегорией валлийской нации, для которой Авалон служит утешением и источником духовной силы.

Другим аспектом Уэльса рубежа XIX – XX вв., спровоцировавшим негативную реакцию писателей, был нонконформизм. Пиетизм часовен способствовал тому, что литераторы в своем творчестве стали ориентироваться на постулаты гедонизма и стремиться разрушить образ западного региона Британии, как приспешника пуританской морали и мрачного оплота

протестантизма. Наиболее яркое отражение это движение нашло в литературных произведениях У.Д. Гриффидда (W. J. Gruffydd). Его ранняя поэзия изобиловала красками эмоций и чувственности, но эта особенность творчества писателя не дала ему возможность выиграть корону на Национальном Айтстедводе в 1902 г. Дело в том, что интерпретация У.Д. Гриффидда истории любви Тристана и Изольды была признана аморальной [7, Vol. V, p. 16].

Стремление валлийских литераторов избавиться от серости жизни в нонконформистском Уэльсе наиболее заметно в упоминаемой нами ранее поэме “Отплытие Артура” («Ymadawiad Arthur») Т. Гвинна Джонса, в которой автор наслаждается описанием внешней красоты девушек Авалона [13, p. 16-17]. Эстетический вкус писателя также проявляется и в упоминании меча Артура, украшенного драгоценными камнями, вспыхивающего в воздухе, а затем исчезающего, как огненная змея, в темноте озера. Таким образом, по мнению Т. Гвинна Джонса главной функцией поэзии являлось пробуждение в читателе чувства прекрасного.

Кульминация литературного возрождения пришлась на первое десятилетие XX в., а его концом, безусловно, стало начало Первой мировой войны. В поэме “Мэдок” (1917) Т. Гвинна Джонса, рассказывается о легендарном путешественнике XII в. Главным ее сюжетом является вражда между Хивелом и Давидом, сыновьями валлийского принца Оуайна Гвинедского. Конфликт между братьями является аллегорией Первой мировой войны. Борьба за территорию и господство, в конечном итоге, приводит к смерти Хивела. В связи с этим другой брат Мэдок решает покинуть родину и отправиться на поиски мирной жизни. Перед отплытием он спрашивает у своего бывшего монаха-наставника Мабона:

“... О, отец, Бог на небесах?

Разве мир не стал безбожным,

О, отец, не умер ли Бог?

Бог, - ответил Мабон, - не покинул небес и не перестал заботиться о нас.

Бог сотворил эту землю, он и избавит ее от страданий;

Коротка наша жизнь, она как иней, исчезающий под лучами утреннего солнца,

А для него (Бога) тысяча лет, как один день...” [7, Vol. V, p. 35].

Неспособность Мэдока найти убежище и крушение его корабля придают концовке стихотворения пессимистический оттенок. В этом произведении существование рая подвергается сомнению, однако, его поиск героем трактуется как отказ от саморазрушающегося человеческого общества. Этот отказ, в свою очередь, служит ответом Т. Гвинна Джонса на Первую мировую войну.

Во второй половине XX в. наметился новый виток роста националистических настроений в западной части Британии, кульминацией которого стало проведение двух референдумов о деволюции (1979 и 1997). В связи с этим было опубликовано значительное количество произведений художественной литературы, в которых фигурировали образы прошлого средневекового Уэльса, ассоциировавшегося у валлийцев с потерянной независимостью. Большое количество исторических романов, посвященных эпохе Средневековья было написано Рианнон Дэвис Джонс, которая использовала образы прошлого с целью отражения своих националистических взглядов. В форме дневника автор создал роман о женском монастыре XIII в. “Монахиня Ллат Ллира” (“Leian Llan Llyr”) (1965) [5]. В романе “Двор Аберфрау” (1977) читатель окунается в эпоху правления средневекового принца Оуайна Гвинедского. Сюжет этого произведения посвящен Ангарад, одной из внебрачных дочерей принца.

В 1979 г. была опубликована новелла “Загадочное детство” (“Mabinogi Mwys”, “An Enigmatic Infancy”) Пеннара Дэвиса, в которой рассказывается о рождении и воспитании ге-

роя по имени Артур Морган, олицетворяющего мессию - национального спасителя Уэльса [6]. События детства этого персонажа имеют много общего с героями сказок “Мабиногион”, а также с рождением и детством Иисуса Христа.

К мифологическим сюжетам Уэльса обращался в своем творчестве валлийский политический деятель и писатель Сондерс Льюис. Посредством собственной интерпретации известного рассказа “Мат, сын Матонви” из сборника “Мабиногион” автор в пьесе “Блодьювед” (1948) обращается к проблемам современной ему эпохи. В этом произведении он, во-первых, идеализирует то общество, в котором чтят и соблюдают традиции предков, во-вторых, противопоставляет индивида сплоченному коллективу.

Главной героиней пьесы является Блодьювед – девушка, созданная из цветов и предназначенная в качестве жены Ллеу Ллау. В начале произведения читатель проникается глубокой симпатией к этому персонажу, не имеющему исторических корней и семьи, оказавшемуся вне общества. В какой-то момент ее чувства просыпаются ото сна благодаря страсти, которая вспыхивает между ней и благородным Грону [14, p. 212].

Когда возлюбленные обманывают Ллеу Ллау и решают его убить, отношение читателя к этим героям меняется. Автор задается вопросом: “Можно ли говорить о сохранении и преемственности традиций в коллективе, члены которого ставят себя выше общества?”. Таким образом, руководствующаяся только своими инстинктами Блодьювед противопоставляется Сондерсом Льюисом обществу, основанному на принципах доверия, уважения и памяти о прошлом.

Подводя итог, стоит отметить, что источником вдохновения для валлийских писателей конца XIX – XX вв. являлось средневековье. В их творчестве за “дымкой” средневекового сюжета были скрыты реалии современной эпохи. Произведения литераторов служили реакцией на проблемы и вызовы XX в.: индустриализацию, пиетизм неконформистских часовен, кровавые события Первой мировой войны, рост национализма и деволуцию. Персонафикация образа Уэльса рубежа XIX – XX вв. сменяется разрушением представления о западном кельтском крае Британии как об оплоте неконформизма. В годы Первой мировой войны оформляется образ Уэльса как жертвы территориальной борьбы, не желающей участвовать в кровавой бойне, а ищущей мира и процветания. Наконец, с середины XX в. возникает представление о валлийском обществе как о большой семье, чтящей традиции и сохраняющей преемственность между поколениями.

Библиографический список:

1. Ackerman J. Dylan Thomas. His Life and Work. N.Y., 1991. 201 p.
2. Benson J. The Working Class in Britain: 1850-1939. L.: I.B. Tauris, 2003. P.48.
3. Bridge C., Fedorowich K. The British World: Diaspora, Culture and Identity. L.: Frank Cass, 2005. P. 57.
4. Callison J., Fiddes P, Johnson A., Tonning E. David Jones: A Christian Modernist? Leiden: Brill, 2017. 295 p.
5. Davies Jones R. Lleian Llan-Llyr. Caernarfon, 1990. 87 p.
6. Davies P. Mabinogi Mwys. Abertawe, 1979. 163 p.
7. Edwards H.T. A Guide to Welsh Literature c. 1800 – 1900. Vol. V. Cardiff, 2000. P. 168.
8. Evans B.G. Chwareugan: "Owain Glyndwr". Llanberis, 1879. 99 p.
9. Fulton H. A. Companion to Arthurian literature. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 435.
10. Gramich K. Kate Roberts. Cardiff: University of Wales Press, 2011. 166 p.
11. Hooker J. Imagining Wales: A view of modern Welsh writing in English. Cardiff: University of Wales Press, 2001. 234 p.
12. Johnston D. A Guide to welsh literature c. 1900-1996. Cardiff: University of Wales Press, 1998. Vol. VI. 308 p.

13. Jones T. G. Ymadawiad Arthur. Caernarfon: Cwmni y Cyhoeddwyr Cymreig, 1990. 21 p. URL.: https://www.peoplescollection.wales/items/8018?__cf_chl_jschl_tk__=3c9fbae7b47c74045bfd98e51403d87dae5028a2-1576338716-0-AVgLirHDAZb4eiruv30jngV2Yd0rHZ8pP9wLhsZIRdMrAnLqDUz9j-TjPgR9tgD9uCUHnYumQj7_Dj-HRzjNk-fKHcszcxB8LulZbisoF0KsYmRw_6F4PoWtdj0yi20eLQcsLPLIIZGKFzwqrYMuWQhRvG97aVXsCdyd-GgQVxLQA9kQ0tOCPFimj9ZdiZ3iuS6Z61-vznc-weVY6EPZH6t7CQvPpR553UoNUDu6fI6JyxmTjUPjUgFvA-DvhojPVEiXkDgV-Wi0qOewc56eIsLEELJ-mSqKDuQcSR6ZYNU0cB8sxWDj-7X76ySMmOcq6DgJTE_9at2WoDEEflBUX0o
14. Lewis S. Blodeuwedd // Presenting Saunders Lewis. Cardiff: University of Wales Press, 1973. P 212.
15. Mac Mathuna S., O Corrain A. Celtic Literatures in the Twentieth Century. Moscow: Languages of Slavonic Culture, 2007. 208 p.
16. Tennyson A. Morte d'Arthur // The Harvard Classics. The Shelf of fiction. N.Y.: P.F. Collier and son, 1909-1917. URL.: <https://www.bartleby.com/hc/>

Сведения об авторе:

Шестакова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета, e-mail: shestakovanf@mail.ru

ВЬЕТНАМСКИЙ СИНДРОМ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ 1964-1973 ГГ.

Аннотация: В данной статье поднимается проблема воздействия «вьетнамского синдрома» на частную жизнь американских военных и общественное сознание в 70-е гг. XX в.

Ключевые слова: Вьетнам, США, ветераны, насилие, война, вьетнамский синдром.

Feldman A.D. Vietnam syndrome and its manifestation in the private life of war veterans 1964-1973

Abstract: this article raises the problem of the impact of the "Vietnam syndrome" on the private life of the American military and public creation in the 70s of the XX century.

Keywords: Vietnam, USA, veterans, violence, war, Vietnam syndrome.

В ведение американских войск во Вьетнам и военные действия 1964-1973 гг., а затем, помощь «марионеточному государству» [3, с. 15] Южного Вьетнама наградило Соединённые штаты не только боевым опытом, но и проблемами разного характера. Все эти события, в которых, по мнению историков, антагонистом является США, непосредственно отразились на дипломатических и военных отношениях с другими государствами. Главным последствием войны во Вьетнаме стал не военная неудача США, а именно «вьетнамский синдром». Этот специфический феномен поколебал конструкцию внешнеполитического менталитета американцев, что привело к появлению его на уровне массового сознания. [4, с. 9] Отсюда и произрастает первый корень «вьетнамского синдрома» - изменение внешнеполитического курса от «избирательного вмешательства» вплоть до невмешательства. В 1979 г. член Конгресса США Г. Харт весьма четко указал на суть «синдрома» в подобной трактовке: «После Вьетнама мы напоминаем медведя, который забрался в пчелиный улей и вместо мёда получил множество укусов. И этот медведь теперь гораздо осторожнее относится к каждому улью...» [4, с. 249] Вьетнамская война тяжело отразилась на жизни американского общества, развернув снова лицом к изоляционизму, который был характерен для XIX века. [5, с. 22]

Второй корень был пущен в общественное сознание американских граждан. Если раньше они старались поддерживать идеи своего правительства и ведение войны на Востоке, то после 1973 г. на основе социологических данных эта позиция изменилась. Когда дело коснулось оказания военной помощи сайгонскому режиму в 1973 – 1975 гг., американцы высказались против этой затеи из-за «боязни оказаться вновь втянутыми в войну в больших масштабах»: в феврале 1975 г. – 78%, в том числе сторонников Республиканской партии – 72%, сторонников Демократической партии – 80%, независимых – 78%. Примерно такие же результаты были получены в марте и апреле 1975 г. Больше половины (57%) высказались против отправки дополнительной американской военной помощи в Индокитай, даже если такая помощь «поможет избежать «кровавой бани» для народов этих стран». Граждане, не имевшие отношения к политической деятельности, тоже были против подобных действий со стороны правительства. Во время войны общественное мнение изменилось от одобрения до порицания власти Л.Джонсона, Р.Никсона и антивоенных выступлений, которые приобрели широкую известность и поддержку по всему миру. [1, с. 81]

Самый большой удар пришёлся по психике и образу жизни ветеранов войны. Солдаты, которые пережили ужасы, лишения, проблемы со здоровьем, продолжающиеся и по сей день, смерть командиров и товарищей, получили от государства ничего выдающего-

ся, кроме благодарности, и, в отдельных случаях, «Пурпурное сердце» (прим. военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника.) Ветеран войны и прототип главного героя фильма «Рождённый 4-го июля» режиссёра Оливера Стоуна – Рональд Ковик писал: «Три четверти тела отдав за Америку, я на себе испытал жестокость общества, в котором живу...». [6, р. 43] Американский военный, Брэд Брэкк, автор мемуаров «Вьетнамский кошмар» описывает перспективы ветеранов после войны: «...Работодатели не очень-то спешили нанимать ветеранов. Нас считали обдолбанными травкой и алкоголем, отмороженными психопатами-садистами. <...> Пресса заявляла, что мы кончим свои дни либо в палатах для душевнобольных, либо в тюрьме, либо на кладбище. <...> Работу было трудно найти, потому что работы было мало...» [2, с.99] Однако это была только одна из сложностей, после боевых действий солдаты столкнулись с таким последствием расстройства психики, как посттравматический синдром. «Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), которое затронуло очень многих из нас после Вьетнама, в настоящее время начинает проявляться среди солдат, недавно вернувшихся с нынешней войны. Для некоторых, мучения и страдания, бессонные ночи, ужасные приступы тревоги, одиночества, отчуждения, гнева и ярости будут сопровождать не один десяток лет, если не всю жизнь. <...> Они глубоко повлияли на нашу повседневную жизнь, и жизнь тех, кто находится к нам ближе всего. Убить другого человека, чтобы забрать чью-то жизнь из этого мира одним лишь нажатием на курок, это то, что никогда не оставляет вас.» [6, р.136]

Так же, американский психиатр Роберт Дж. Лифтон в своей книге «Домой с войны», которая была написана на основе четырех сотен интервью с ветеранами войны во Вьетнаме, подчёркивает: «Все, кому приходилось общаться с ветеранами войны во Вьетнаме, утверждают, что они чем-то отличаются от ветеранов других войн. Чаще всего их называют "отчужденными"» [4, с. 137] После возвращения из «ада» [2, с.78, 114, 192], бывшие солдаты объединялись в группы и организовывали специальные встречи. Некоторым, после этого становилось действительно легче. Суть этих встреч изложена в сборнике ветеранских рассказов (автор Ал Сантоли) «Чернокожий джи-ай» - повествование Роберта Ролса: «Туда человек пятнадцать ходят, всех рас. И мы просто сидим там и рассказываем, кому как живётся. Просто выкладываем, кто что думает...» [1, с.158]

Как же «Вьетнамский синдром» повлиял на жизнь ветеранов, кроме проблем с работой и устройством в жизни? Яркими проявлениями стали поствоенного синдрома стали - наркомания, алкоголизм, кошмары, самоубийства, «флэшбэки» (англ. Flashback – ретроспектива), необратимые проблемы со здоровьем, неконтролируемая агрессия, рукоприкладство по отношению к членам семьи и многое другое. Всё это повсеместно проявлялось у военнослужащих. Стивена Клинкамера мучали кошмары: - «И просыпаюсь от кошмаров, когда мне снится, как в меня стреляют, что я смотрю на то, как убивают людей, и сам во всём участвую. Тупая такая боль, понимаешь?» [1, с. 250] Брэд Брэкк описывал подобное: «Я топил в выпивке все вопросы о войне, оставшиеся без ответа, мучился от воспоминаний и изнуряющих ночных кошмаров; из-за расшатанных нервов я всего пугался и ночью не мог уснуть, если не принял на грудь изрядную порцию алкоголя.» [2, с.569] Так у него продолжились проблемы с алкоголем, которые были еще во время военной службы: «От боли, от воспоминаний и кошмаров, от гнилой действительности спасения не было. <...> И что было потом? Конечно, я ушёл в запой. Так поступает каждый правильный алкоголик.» [2, с.614] Дональд Смит пробыл в поле около девяти месяцев и уже на войне подвергся расстройству психики: «На меня начали накатывать приступы страха. Не знаю, доложил ли кто-то обо мне, что у меня начались эти приступы, нет ли, но, как бы

там ни было, меня перевели в 1-ю госпитальную роту в Чулае. Там я забил на всё и три месяца пропьянствовал. Упаковку из шести банок пива я мог прикончить быстрее любого другого. Я начал чрезвычайно много пить...» [1, с. 44] Флэшбэки странно просачивались в жизни солдат. Друг Брэда Брэкка – Билли Бауэрс, которого посадили за разведение и сбыт наркотиков, рассказывал ему свою историю о том, как он однажды сбил олениху и, почуввав кровь, стал её трепать и кричать «Санитар! Санитар! Санитар!» [2, с. 635]

Второй такой случай, произошёл на День независимости 4 июля, когда его друг столкнулся с серьёзными флешбеками: «Тут соседские ребяташки запустили большую ракету. Следом прямо над его домом пролетел вертолёт морской охраны. Билли вскинул голову, прищурившись от солнца, и увидел взвод вьетконговцев в чёрных пижамах и с автоматами АК-47 в руках, медленно спускающийся по склону лесистого холма, возвышавшегося за его домом. Он услышал взрывы гранат, почувствовал запах напалма и горелого мяса. Он вдруг снова был во Вьетнаме, в бою: С криками 'ПАРТИЗАНЫ!' он прыгнул за дерево. Зарывав по-звериному, пополз через кусты смородины к дому. Добравшись до дома, он достал из шкафа в спальне дробовик и зарядил его. Перед его взором неслись чёрно-белые картины, они были так реальны, что ему казалось, их можно трогать руками. Но вьетконговцы исчезли: А он увидел, что навёл заряженное ружьё на шестерых собравшихся порывачить мальчишек с удочками.» [2, с.670] Этот флэшбэк закончился тем, что по возвращению жены Билли, она нашла его катающимся по полу, в блевотине и слезах, бьющимся в истерике и совершенно невменяемым.

Тот самый Брэд Брэкк отличился тем, что он зверски избивал свою жену буквально за мелочи: кто будет ухаживать за собакой или попытка бороться с алкоголизмом мужа - вылить виски в канализацию: «...Я пришёл в ярость. Хотел схватить её, но промахнулся, всё поплыло как в тумане. «Горячая зона высадки!» - воскликнул я, словно меня это не касается, словно я смотрю кино со своим участием. Я снова был во Вьетнаме. <...> Помню, я бил её, сбивал с ног, рывком приподнимал за блузку и вновь ударами валил на пол. Опять. И опять. Когда я опрокинул жену на пол в пятый раз - а, может быть, в шестой, не помню - она больше не поднялась, и я пинал её в спину босыми ногами и орал...» [2, с. 409]

Ветераны обращались к психологам, но в соответствии с их письмами, дневниками, мемуарами, практически все утверждают одно и то же – они не интересовались проблемами, которые были получены после военной службы во Вьетнаме: «Психиатр - доктор Саксвик - предположил, что я страдаю от эндогенной депрессии, то есть такой депрессии, которая идёт изнутри, вероятно, вследствие химического дисбаланса в моём организме. На самом же деле он ни черта не понимал, что со мной творится.» <...> «Врачи не задали мне ни единого вопроса о Вьетнаме, о моём боевом опыте, о том, что я там делал и видел, о моих тогдашних ощущениях. На дворе стояло лето 72-го года, война была в самом разгаре, и никто тогда не подозревал, что я и другие парни страдали от жесточайших приступов посттравматического стресса, известного также как «припадки». [2, с.700]

Исходя из вышесказанного, подчеркнем, что «вьетнамский синдром» был и остаётся в какой-то степени реальностью американского общества. Многие солдаты, участвующие в войне 1964-1975 гг., вернулись обратно физически здоровыми, но морально сломленными и раздавленными. Достаточно много примеров проявления «вьетнамского синдрома» описывают ветераны, и это наталкивает на мысль, что данная война не просто прошла не бесследно для военных и обычных американских граждан, она всё ещё «больное, кровоточащее место» в ментальном сознании Соединённых Штатов.

Библиографический список

1. Сантоли Ал. Всё, что у нас было. 2018. 265 с. [Электронный ресурс] URL: http://artofwar.ru/f/filippenko_a_w/text_0400.shtml дата обращения: 20.12.2019
2. Брекк Б. Вьетнамский кошмар / Перевод К. Бокова. М. Эксмо, 2008. 384 с.
3. Ван Т. З. Великая победа весной семьдесят пятого: Мемуары. / Пер. с вьет. — М. Воениздат. 1980. 247 с. Văn Tiến Dũng. Đại Thắng Mùa Xuân. — Hà Nội, Nhà Xuất Bản Quân Đội Nhân Dân, 1976.
4. Кузнецов Д. В. «Тень» Вьетнама над Америкой. Американское общественное мнение и использование военной силы США после войны во Вьетнаме (1973- 2009 гг.) – СПб. Нестор-История, 2016. – 752 с.
5. Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М. Весь Мир. 2015 . 592 с.
6. Kovic R. Born on the Fourth of July. – New York: Pocket Books. 1977. 275 p.

Сведения об авторе:

Фельдман Анастасия Дмитриевна, студентка 5 курса факультета истории и международных отношений БГУ им. И.Г. Петровского. E-mail: ru_nasty00@mail.ru

УДК 94(73).08

П. В. Фельдман

ДЕЛО „PLESSY VS. FERGUSON” КАК ПЕЧАЛЬНАЯ СТРАНИЦА РАСОВОЙ ИСТОРИИ США

Аннотация: В статье рассматривается проблема становления режима расовой сегрегации на Юге США в конце XIX в. На примере нашумевшего дела «Plessy vs Ferguson» рассматривается отношение американцев к расовым меньшинствам в не зависимости от политических убеждений, положения в обществе, расы, пола и возраста.

Ключевые слова: США, сегрегация, раса, закон.

Feldman P.V. CASE „PLESSY VS. FERGUSON” AS A SAD PAGE OF US RACIAL HISTORY.

Abstract: The article considers the problem of the establishment of a regime of racial segregation in the south of the USA at the end of the 19th century. The notorious Plessy vs. Ferguson case examines the attitude of Americans toward racial minorities regardless of political beliefs, social status, race, gender and age.

Keywords: USA, segregation, race, law.

Изначально США формировались как гетерогенное общество, в котором были исторически сильны традиции толерантности, веротерпимости, но это не исключало и ожесточенных столкновений на почве религиозной, этнической или расовой неприязни. [5, с.133] Противоречия, сложившиеся исторически, до сих пор актуальны в американском обществе. Попробуем рассмотреть истоки расовой проблемы в виде сегрегации цветного и белого населения на примере резонансного дела Гомера Плесси конца XIX столетия.

Эпоха последней трети XIX в. в истории Соединенных Штатов носит название «позолоченный век». Название период получил по одноименному роману известного американского писателя Марка Твена. То было весьма неоднозначное время. С одной стороны, США к концу века в ходе индустриального скачка захватили экономическое лидерство в мире, обогнав свою бывшую метрополию – Великобританию. В тот же момент, здесь проявилась «вседозволенность» бизнеса, усилились олигархические начала в политике, ослабли институты демократии.

Как отмечает ведущий специалист по истории США Владимир Викторович Согрин, для этого времени присуща тенденция выдвижения на господствующую позицию в экономике крупных корпораций. [6, с.131.] Во многом именно это явление вызвало масштабные изменения в социальной и политической жизни. Не стоит забывать, что совсем недавно отгремели бои Гражданской войны 1861-1865 гг., в ходе которой штаты Союза, одержали победу над рабовладельческой Конфедерацией. После чего на 12 лет в южных Штатах установился режим Реконструкции – процесса глубоких преобразований Юга. В период Реконструкции 1865–1877 гг. федеральные законы обеспечивали защиту гражданских прав на юге США для афроамериканцев, которые раньше были рабами, и меньшинства чернокожих, свободных до войны.

В 1870-х годах демократы постепенно восстановили свою власть в южных законодательных органах, используя повстанческие военизированные группировки, такие, как «Белая лига» и «Красные рубашки» [8, р. 47], для помех работе республиканских чиновников и изгнания их из городов и запугивания афроамериканцев, чтобы отвратить их от голосования. Белые демократы восстановили политическую власть в каждом южном штате. Новые правительства демократов стали издавать так называемые «законы Джима Кроу» (Прим. Джим Кроу - оскорбительное нарицательное обозначение чернокожих в Америке в XIX в.), стараясь при помощи новых законодательных актов отделить чернокожих от белого населения в местах обществен-

ного пользования. Другие нововведения были тоже крайне болезненно восприняты проигравшей стороной, поскольку большинству избирателей штата было необходимо присягнуть на верность федеральному правительству, а также принять радикальные изменения, появившиеся в ходе Гражданской войны и первых 10 лет после. К таким трансформациям политической жизни относились послевоенные поправки к Конституции: XIII – отмена рабства 31 января 1865 г., XIV – гарантирование равных прав граждан и запрет принимать дискриминационные законы, и XV – введение избирательного права для цветного населения и бывших рабов. В 1875 г. введен акт о гражданских правах, представленный Чарльзом Самнером и Бенджамином Батлером. Он предусматривал гарантию того, что каждый, независимо от расы, цвета кожи или предыдущего состояния рабства, имеет право на одинаковое обращение в общественных местах, таких, как гостиницы, общественные места, транспорт, театры и другие места отдыха. Заметим, что этот акт даровал гражданские права чёрному и белому населению, с чем не справились конституционные поправки.

Такие перемены не могли не раздражать белое население южных штатов, привыкшее к рабовладельческому укладу жизни. В 1877 г. период Реконструкции окончился благодаря компромиссу между партиями Конгресса. Республиканцы в ходе этой сделки смогли добиться избрания своего кандидата Р. Хейса на пост президента США, а демократы получили широкую автономию на Юге. Кроме того, федеральные войска полностью выводились с территории бывших мятежников. Эпоха «позолоченного века» стала временем своеобразного реванша, в ходе которого ряд штатов принял первые законы о разделении прав черных и белых граждан. Стоит учесть, что все они позже будут подтверждены доктриной Верховного суда о равных, но отдельных (*separate but equal*) правах.

Разделение категорий населения началось с 1880-х гг. На тот момент чернокожие все еще имели возможности избраться в местные органы власти, но их голосование не распространялось на штатные и общенациональные выборы. Демократы приняли законы, ужесточившие регистрацию избирателей и сделавшие избирательный регламент более строгим, в результате чего участие в политической жизни большинства чернокожих и многих бедных белых стало уменьшаться. Так, южные политики сознательно лишали возможности чернокожих США пользоваться избирательными правами.

Разделение прав белых и черных категорий населения обозначается термином «сегрегация» – политика принудительного разделения социумов. В историю США такие законодательные акты вошли как законы Джима Кроу, а само явление получило название джимкроуизм. Сегрегация завязана на разделении населения и дискриминации чернокожих США в вопросах трудоустройства и оплаты труда, образования, здравоохранения, в жилищных и политических вопросах, в том числе избирательных правах, а также при пользовании транспортом и т. д. Разделительная система была создана в США в последней трети XIX – нач. XX вв. Она успешно существовала в это время – транспорт был разделён на «места для белых» и «места для чёрных». В образовании предусматривалось тоже самое: дети ходили в школы с разными местами для черных и белых, либо существовали учебные заведения, где учились только белые, или только чёрные. [2, с.47]. Эти же правила, стоит заметить, относились и к детям коренных американцев. Попастъ на высокооплачиваемую работу цветному населению было практически невозможно, зато белые принимались туда охотно, имели большой доход и привилегии. [4, с. 128] Это же касалось и жилья, в некоторых районах, где проживали разные расы – налог на недвижимость и арендная плата был намного выше. [4, с. 128] Таким образом, услуги для афроамериканцев и индейцев были куда хуже, постоянно финансировались недостаточно по сравнению с возможностями для белых американцев; иногда на школы для цветных людей средств вообще не выделялось. [9] Законы Джима Кроу породили экономические, образова-

тельные и социальные проблемы для афроамериканцев и других цветных людей, живущих на юге. [7]

Существует множество примеров расовой дискриминации в конце XIX в. Расовые противоречия зачастую приводили к линчеванию представителей других рас. Линчевание – жесткое убийство без суда и следствия. Таких расправ было достаточно, в одной только Луизиане с конца XIX века и до 1960-х гг. был убит таким образом 391 человек (335 из них чернокожие). [4, с. 129]

Не корректно будет говорить в рамках сегрегации только о чернокожем населении. Белокожие американцы проявили ксенофобию и расизм и по отношению к другим меньшинствам – особенно индейцам (т.к. входили в категорию «цветные»). Они, так же, как и черные, соблюдали все запреты и разделы мест в общественном транспорте и не только. Индейцы находились на особом контроле государства, которое мало о них заботилось. Они не имели избирательных прав. Государство аргументировало это так: неспособность разорвать родовые связи делает коренных американцев, непригодными к голосованию; индейцы не облагаются налогами; племенной суверенитет исключает участие в управлении государством и местными органами власти и т.п. Законы Джима Кроу были перенесены и на запад страны; некоторые штаты не позволяли коренным американцам голосовать или затрудняли их доступ к урнам для голосования[11]. Непропорциональное отсутствие доступа к регистрации избирателей часто происходило из-за того, что индейцам приходилось преодолевать слишком много миль от резервации для того, чтобы проголосовать. Коренное население получило равные права только в 1924 г., хотя стереотипы в его отношении живут в обществе до сих пор.

Одной из основных точек отсчета расовой сегрегации стал 1890-й г., когда законодательное собрание Луизианы приняло закон о отдельных вагонах для белых и черных пассажиров поездов, осуществляющих перевозки в пределах штата. За нарушение этого правила гражданам грозил штраф в размере 25 долларов или 20-ти дневного тюремного заключения. Однако это вызвало сопротивление цветного населения, и породило всплеск активистской деятельности. Одним из таких не равнодушных людей с активной гражданской позицией был Гомер Плесси. 7 июня 1892 г. он, будучи на 1/8 цветным, сел в вагон для белых, нарушая закон штата, поэтому был за это арестован. Суд Луизианы приговорил его к штрафу в размере 25 долларов. Гомер апеллировал в Верховный суд США, основываясь на том, что закон 1890-го г. нарушает XIII и XIV поправки Конституции. В этом громком деле была поставлена точка 18 мая 1896 г. Решение луизианского суда было признано легитимным и не противоречащим основному закону США. 7 из 8 судей поддержали позицию, аргументируя это так: «Законодательство не в силах искоренить расовые инстинкты или упразднить отличия, основанные на физических различиях, а попытка сделать это может лишь подчеркнуть трудности нынешней ситуации. Если гражданские и политические права обеих рас равны, никто не может быть хуже граждански или политически. Если одна раса уступает другим социально, Конституция Соединенных Штатов не может поставить их на один уровень»[10, р. 551].

И только один судья Харлан не согласился с их позицией и вступился за Плесси. Он обосновал это так: «...Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подпадающие под их юрисдикцию, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают. Поэтому ни один штат не может создавать или применять какой-либо закон, который ограничивает привилегии или иммунитеты граждан Соединенных Штатов; ни один штат не должен лишать какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры и не отказывать никому в пределах своей юрисдикции в равной защите прав [10, р. 555].»<...> «Поэтому основное возражение против закона Луизианы состоит в том, что он нарушает личную свободу граждан. «Личная свобода», как хорошо сказано,

состоит в свободе передвижения, изменения ситуации или перемещения человека туда, куда он может направить свои способности, без тюремного заключения или ограничения, если это не предусмотрено законом [10, р. 556].» Но, несмотря на защиту Харланом цветного населения, он не был толерантен к другим расам, как и его коллеги. Рассмотрим его дальнейшие слова, касательно представителей другой расы, не относящейся к делу Плесси: «Существует такая раса, которая отличается от нашей, что мы не позволяем ей становиться гражданами США. Я намекаю на китайцев. Но, согласно данному закону, китаец может ездить на одном вагоне с белыми гражданами, в то время как чёрные в Луизиане, многие из которых, возможно, рисковали своими жизнями ради сохранения Союза, имеющие все законные права, объявлены преступниками, подлежащими тюремному заключению за нарушение правил сегрегации [10, р. 562].»

Таким образом, «защитник прав цветного населения» так же разделял расистские и ксенофобские предрассудки, каким была подвержена львиная доля населения Соединённых Штатов в ту эпоху, в том числе и сами чернокожие. Судья мыслил в первую очередь правовыми категориями, и лишь поэтому вступился за Плесси, поскольку считал его права нарушенными. Исходя из этого, можно констатировать - расизмом в XIX в. был заражен практически каждый американец. Оглядываясь на систему джимкроуизма и применения его на практике, появляется мысль, что сегрегация действительно была попыткой реванша южан за поражение в Гражданской войне и радикальные изменения, последовавшие в ходе Реконструкции.

Решение от 18 мая 1896 г. по делу Гомера Плесси стало прецедентом для принятия в будущем целого ряда сегрегационных законов. Через 3 года в 1899 г. Верховный суд так же постановил, что для соблюдения 14-й поправки к Конституции не обязательно давать цветному населению равные права, достаточно дать лишь равные возможности для их реализации.[3, с. 228] К середине 20-х гг. XX в. они достигли своего апогея, когда даже питьевые фонтаны и общественные туалеты были разделены.[4, с. 131]

Лишь в 1954 г. Верховный суд США потребовал обеспечения конституционного принципа равноправия всех граждан и отмены расистских законов. Под влиянием движения за гражданские права с принятием Акта о гражданских правах, который вступил в действие в июле 1964 г. Отвратительная система джимкроуизма была формально ликвидирована [1]. Расовая сегрегация перешла в латентную стадию, и остаётся нерешенной социальной проблемой США до сих пор [5, с.133].

Библиографический список

1. Королева А. П. 20 миллионов против Джима Кроу. М., Мысль. 1967. 190 с.
2. Доктрина «разделенных, но равных» возможностей в решениях Верховного Суда США по спорам, связанным с высшим образованием / Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 4 (28). С. 45–52.
3. Нитобург Э.Л. Негры США XVII- Начало XX в. Историко-этнографический очерк. М., Наука. 1979. 296 с.
4. Поподько В.А. Расовые проблемы, ментальность и насилие на американском Юге в первой половине XX в. // Вестник Брянского государственного университета. №4., Брянск. 2018. с. 127-132
5. Прилуцкий В.В. «Группы ненависти» и расовые беспорядки в США на рубеже XX и XXI вв. // Вестник Брянского государственного университета. №4., Брянск. 2018. с. 133-137
6. Согрин В.В. Демократия в США от колониальной эры до XXI века. М. Весь Мир. 2011. 368 с.
7. Lowery Malinda Maynor. "Lumbee Indians in the Jim Crow South: Race, Identity, and the Making of a Nation". University of North Carolina Press. 339 p. 2010.
8. Melissa Milewski. Litigating Across the Color Line: Civil Cases Between Black and White Southerners from the End of Slavery to Civil Rights. Oxford University Press. 2018. 335p. [Электронный ресурс]

URL:

https://books.google.ru/books?id=zXo7DwAAQBAJ&pg=PA47&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false
дата обращения: 28.10.2019.

9. Perdue, Theda. "Legacy of Jim Crow For Southern Native Americans". C-SPAN. 2011. [Электронный ресурс] URL: <https://www.c-span.org/video/?302379-1/legacy-jim-crow-southern-native-americans> дата обращения: 30.10.2019.
10. Plessy v. Ferguson, 163 U.S. 537 (1896) [Электронный ресурс] URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/163/537/> дата обращения: 30.10.2019.
11. Wolfley, Jeanette. "Jim Crow, Indian Style: The Disenfranchisement of Native Americans". Indian Law Review. № 16: pp. 167–202. 1990. [Электронный ресурс] URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3100424 дата обращения: 29.10.2019.

Сведения об авторе:

Фельдман Павел Владиславович, магистрант факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. pfeldman@list.ru

Археология и история древностей

УДК 903.225+666.35 (477)

Ю.В. Шафенкова, А.А. Чубур

ДУНАЙСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ТОПОРЫ БРЯНСКО-ЧЕРНИГОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Аннотация: Вводятся в научный оборот сведения о находках трубчато-втульчатых бронзовых топоров в Черниговском полесье (бассейн Средней Десны, Украина), оказавшихся в частных собраниях коллекционеров древности. Все три топора могут быть отнесены к типологической группе «кртенов». Основная зона концентрации таких находок лежит на территории Венгрии, Румынии, Австрии, Чехии, Словакии, южной Польши и карпатской части Украины. Многие из них связаны с кладами (возможно с погребениями племенной элиты). Находки в Черниговской области Украины существенно расширяют ареал распространения таких изделий. Топоры типа «кртенов» датируются временем рубежа среднего и позднего бронзового века. На территории Подесенья они могут быть связаны с памятниками сосницкой археологической культуры. Это дает информацию о культурных контактах и возможных торговых связях населения бассейна Десны в начале позднего бронзового века.

Ключевые слова: бронзовый век, трубчато-втульчатые бронзовые топоры, тип кртенов, Карпато-Дунайская металлургическая область, бассейн Средней Десны, сосницкая культура

Yu. V. Shafenkova, A. A. Chubur. Bronze axes of the late Bronze Age from the Bryansk-Chernihiv borderland

Abstract: Information about the findings of tubular-sleeve bronze axes in Chernihiv woodland (the basin of the Middle Desna, Ukraine), which ended up in private collections of antiquity collectors, is being introduced into scientific circulation. All three axes can be assigned to the typological group of "krtenov". The main concentration zone of such finds lies in Hungary, Romania, Austria, the Czech Republic, Slovakia, southern Poland and the Carpathian part of Ukraine. Many of them are associated with treasures (possibly with the burial of the tribal elite). Findings in the Chernihiv region of Ukraine significantly expand the distribution area of such products. Axes of the "krtenov" type date from the turn of the Middle and Late Bronze Age. On the territory of Podesenye they can be associated with monuments of the Sosnitsa archaeological culture. This provides information on cultural contacts and possible trade relations of the population of the Desna basin at the beginning of the late Bronze Age.

Keywords: Bronze Age, tubular-sleeve bronze axes, type of axes, Carpatho-Danube metallurgical region, Middle Desna basin, Sosnitsa culture

«...Блеск от оружия их возносится к небу, и всюду
Медью сверкает земля...»
Тит Лукреций Кар (О природе вещей. 320)

Территория современного брянско-черниговского пограничья занимает южную половину Днепровско-Деснинского междуречья в пределах юго-западной части Брянской и северо-запада Черниговской областей (Рис.1). Многочисленные контакты между племенами, населявшими эту местность в различные исторические периоды, говорят нам о весьма сложной картине культурных импульсов, кросскультурных связей и этнических взаимодействий. Её формировали и тесные контакты соседних племён – как мирные, так и в виде военных конфликтов [7], и единство природной среды региона [4]. Особый интерес представляют свидетельства контактов с удалёнными территориями, чаще всего представляющие собой, как нам представляется, следы торгового обмена, и реже – культурной диффузии. В последнее десятилетие в этом регионе был сделан ряд весьма ярких случайных находок, к сожалению осевших в частных коллекциях и, в результате, не ставших до сей поры достоянием науки. Пуб-

ликация одной из находок бронзовых изделий с пограничья вышла в сборнике конференции, посвященной 100-летию со дня рождения археолога Ф.М. Заверняева [6]. Данным сообщением авторы продолжают заполнять досадный пробел, вводя находки в научный оборот.

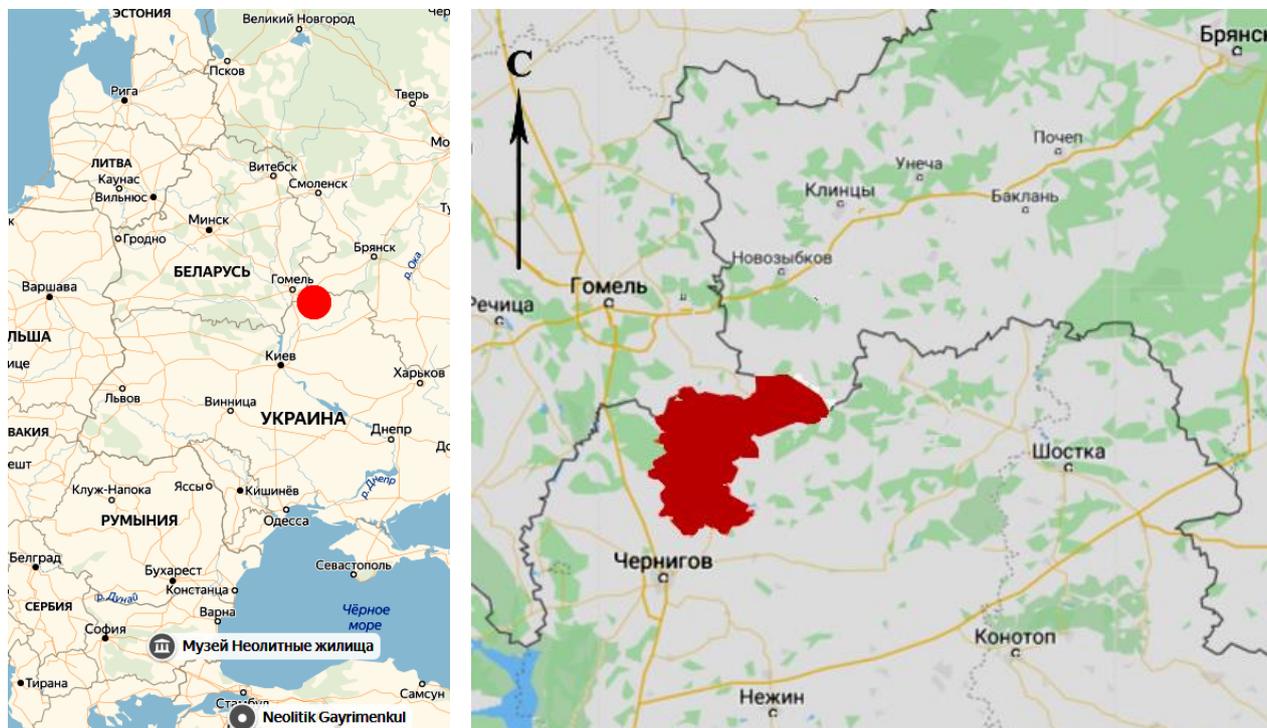

Рис.1. Зона находок бронзовых топоров позднего бронзового века в Чернигово-Брянском пограничье.

1.

Трубчато-втульчатый бронзовый топор-клевец с гофрированной (ребристой) втулкой, слегка изогнутым клином и веерообразным рубящим гребнем на обухе был найден в 2014 г. неустановленным кладоискателем в Черниговской области Украины. Информация получена с сайта «Neolitica.Ru» и при мониторинге форума и аукциона «Viology». По некоторым сведениям, находка сделана в Городнянском районе. Топор был извлечен из песчаного грунта, который обусловил высокую сохранность и формирование благородной патины (Рис.2: 1).

Максимальная длина изделия – 206 мм. Из них вытянутый, узкий клин от конца до оси втулки занимает более половины – 123 мм. Длина обушка до оси втулки – 83 мм. Высота клина в районе втулки составляет 20 мм, лезвие же клина имеет высоту всего лишь 13 мм. Короткий веерообразный обушок имеет высоту у основания (стык с втулкой) 26 мм. Высота дугообразного лезвия обушка по хорде составляет 53 мм. На переходе лезвия обушка в собственно обушок имеются три дугообразных выпуклых ребра, дуги которых субпараллельны лезвию. Общая длина втулки – 64 мм, включая часть тела топора (20 мм), сквозь которое проходит втулка. Над и под телом топорика втулка гофрирована по внешней поверхности. На пересечении клина с втулкой с каждой стороны имеется по семь гофров, расположенных перпендикулярно гофрам втулки. Прямая короткая трубчатая часть втулки имеет длину 14 мм и несет 9 гофров. Воронковидная удлиненная (30 мм) часть втулки несет 15 гофров с учетом массивного краевого ободка. Диаметр по внешнему краю длинной расширенной части – 30 мм. Диаметр по внешнему краю противоположной прямой части около 20 мм. Внутренний диаметр канала составляет 18 мм на выходе воронковидной и 16 мм в прямой части втулки. Ширина клина в районе втулки - 30 мм. Вес топорика составляет 378 г.

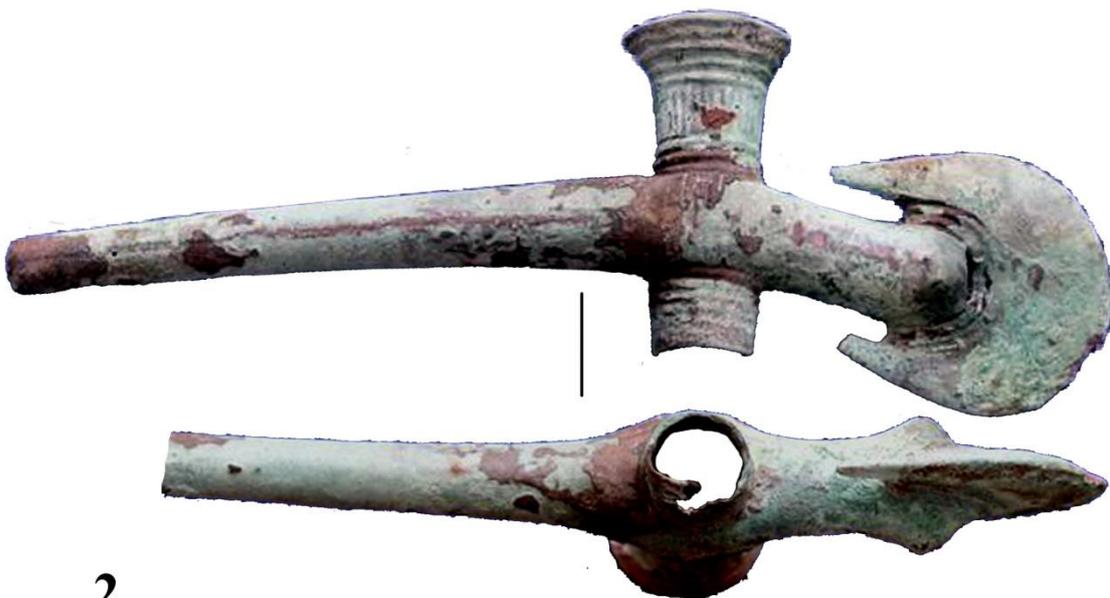

Рис.2. Трубчато-втульчатые топоры-клевцы с ребристой втулкой.
1 – Черниговская область, Украина. 2 – Ровенская область, Украина.

Предполагается, что такие клевцы втулкой насаживались на длинную и относительно тонкую деревянную рукоять из прочной древесины. Рассматриваемое оружие позволяло наносить как колюще-пробивающие, так и рубящие удары противоположными своими концами. При этом качество исполнения и ценность изделия указывает, по нашему мнению, на принадлежность его представителю воинской или племенной элиты: такой клевец был, безусловно, социально-статусной вещью.

Е.Н. Черных в своем фундаментальном труде по древней металлургии Восточной Европы подобные разновидности топоров вовсе не упоминает [5]. Это и не удивительно: до недавнего времени изделия этого типа были известны в Восточной Европе единично и только с территории запада Украины. Во-первых, это сделанная еще в 1923 г. находка чекана из поселка Заболотов в верховьях реки Прут (ныне Синятинский район Ивано-Франковской области Украины), переданная в Львовский музей графа Дзедушицкого [3, Рис.58: 13]. Во-вторых, в 2015 г. на кладоискательских форумах и аукционе антиквариата «Violity» в сети Интернет фигурировал еще один весьма близкий по форме бронзовый трубчато-втульчатый топор-клевец из Ровенской области Украины без точной привязки. Отличие его, при худшей сохранности по сравнению с черниговским образцом (повреждения втулки и сильная коррозия с отсутствием благородной патины) и тех же размерах и форме, состояло в несколько меньшем весе (348 г.) и в наличии пояса вертикального рифления не только на пересечении втулки с клином, но и на воронковидной части втулки, разделяющем пять гофр во внешней части и три в прилегающей к телу топорика (Рис. 2: 2). Ровенская находка на сегодняшний день – ближайший аналог черниговской.

Названные находки в Прикарпатье указывают путь к территории, откуда, по всей видимости, происходят и они, и черниговский клевец. В Карпато-Дунайской области число известных сходных изделий превышает десяток. Все они относятся к горизонту Хайдушамшон-Апо (Отоманская культура) [10]. Это позволяет достаточно уверенно датировать черниговскую находку приблизительно 1600-1500 гг. до н.э. (фаза «Бронза III-а»). Довольно близкий, хотя и неполный (все изделия такого рода обладают индивидуальными чертами) аналог черниговской находки происходит здесь из клада Апо в Трансильвании (Румыния) [1, с.113, фото 33]. Есть подобный топор и в кладе Хайдушамшон [8, р.347, Fig 148]. Известны похожие находки и из Нитрянского Храдка к северу от Братиславы (Словакия), Хойнува в Нижней Силезии (Польша), Дунайвароша (Венгрия) [2, Рис.4]. Гордон Чайльд именует такое оружие «топорами с узким лезвием и веерообразным обушком» или «топорами типа В». Он считает, что узкий длинный клинок весьма напоминает месопотамские и сирийские формы топоров и, соответственно, происхождением своим тяготеет к этим регионам [8, р.347]. В свою очередь С.А. Григорьев видит корни топоров с ребристыми втулками в сейминско-турбинских древностях [2, С.28-29].

2.

Трубчато-втульчатый бронзовый топор с ребристым оформлением втулки и клина, расширяющимся лезвием и веерообразным обушком найден в 2016 г. кладоискателем с ником «Pirate2» в Черниговской области Украины на территории Городнянского района. Извлечен был из песчаного грунта, чем обусловлена высокая сохранность и почти ненарушенная благородная патина (исключая повреждение на месте удара кладоискательской лопатой в средней части лезвия). Уникальная находка была продана на сетевом аукционе антиквариата «Violity» неустановленному лицу, и потому нет возможности провести спектральный анализ бронзы, как и в предыдущем случае. Однако опубликованные качественные фотографии позволяют судить о внешних характеристиках (Рис.3: 2).

Рис.3. Трубочато-втульчатые топоры с ребристым оформлением втулки и клина и веерообразным обушком. 1, 2 – Городнянский район Черниговской области, Украина.

В плане топор представляет собой сильно вытянутый ромб с самой широкой частью (30 мм) в районе втулки с выступающими сверху и снизу трубчатыми частями, сужающийся к лезвию и обушку. Максимальная длина топора составляет 198 мм. Максимальная ширина клина (в районе втулки) – 30 мм. Высота полукруглого лезвия топора по хорде – 71 мм. От переднего края лезвия до втулки – 108 мм, а до ее оси 119 мм. Обушок имеет длину от края обушка до оси втулки – 89 мм. Обушок представляет собой уплощенный с боков полумесяц высотой 40 мм, шириной и толщиной 5-7 мм, обушковая часть клина топора у обушка веерообразно расширяется в вертикальном направлении, точно также веерообразно клин расширяется в вертикальной плоскости и к лезвию топора. Длина трубчатой гофрированной по внешней поверхности в выступающих из тела топора частях втулки 53 мм. Из них в теле топора 12 мм. Высота расширяющейся воронковидной части 30 мм: на ней три гофры ближе к телу топора, затем поясok вертикальных гофр высотой 6 мм и четыре гофры на внешней части. Высота прямой части трубчатой втулки лишь 11 мм, на ней четыре гофры, включая краевую. Внутренний диаметр с длинной воронковидной стороны втулки 20 мм, а с короткой стороны втулки – 18 мм. По боковым поверхностям клина топора от втулки вперед и назад тянутся по две парных нервюры с каждой стороны. Вес топорика составлял 393 грамма.

Судя по высокому качеству исполнения, топорик вряд ли был изготовлен местными мастерами и, скорее всего, как и предыдущий, является предметом импорта и социально-статусной вещью. Сходных (хотя не вполне аналогичных) изделий известно немного: отдельные экземпляры происходят из Австрии, Словакии, Польши, Венгрии, Румынии, Украины. Гордон Чайльд относит такие втульчато-трубчатые топоры также к типу В, не разделяя меж собой экземпляры с узким клевцевидным и с веерообразно расширяющимся лезвием [8]. Позднее такие топоры были выделены в тип Кртенов [10].

Расширяющееся полукруглое лезвие топора, как и ребристое оформление не только втулки, но и боковых поверхностей тела топора, позволяет говорить, что данное оружие может быть несколько более поздней формой, нежели топорики из горизонта кладов Кртенов, и Хайдушамшон с территории Венгрии, Чехии и Румынии. Важно отметить, что находчик вместе с фотографиями топора вывесил и изображения сопровождавшей находку керамики, которая без труда определяется, как сосницкая по характерному орнаменту [11, Fig.6], тесту и цвету. Датировка памятников с подобной керамикой на средней Десне относится к периоду около 1600-1400 гг. до н.э. [11, p.101], что подтверждает установленную нами датировку топоров и их вероятных владельцев, но далеко не обязательно изготовителей.

3.

Трубчато-втульчатый бронзовый топор типа Кртенов с ребристым оформлением втулки и клина также был найден в Городнянском районе Черниговской области Украины осенью 2018 г. и фигурировал на аукционе антиквариата «Violity». Он почти аналогичен предыдущему экземпляру и отличается лишь деталями оформления. В более длинной и расширенной книзу части втулки отсутствует поясok с вертикальным рифлением, а пересечение втулки и клина обозначено не уплощенной прямоугольной площадкой, а тупоугольными выступами (Рис.3: 1).

Максимальная длина изделия составляет 202 мм. Максимальная ширина (в районе втулки) – 29 мм. Высота полукруглого лезвия топора по хорде – 82 мм. От переднего края лезвия до втулки – 118 мм, а до её оси 128 мм. Обушковая часть имеет длину от края обушка до оси втулки – 74 мм. Обушок представляет собой уплощенный с боков полумесяц высотой 50 мм, шириной и толщиной 5-7 мм, обушковая часть клина топора у обушка, вертикального в тыльной части, слегка расширяется в вертикальной плоскости. К лезвию клин в передней ча-

сти веерообразно расширяется в вертикальной плоскости. Длина трубчатой, гофрированной по внешней поверхности в выступающих из тела топора частях. втулки 54 мм. Из них в теле топора 10 мм, высота расширяющейся части – 31 мм (12 гофр), высота прямой части – 13 мм (7 гофр). Обратим внимание на то, что количество гофр может быть связано с двумя «магическими» числами – семёркой и дюжиной. Внутренний диаметр с длинной, расширяющейся воронковидной стороны втулки 16 мм, а с короткой стороны втулки – 18 мм. По боковым поверхностям клина топора от втулки вперед и назад тянутся по две парных нервюры с каждой стороны. Вес топорика, по сведениям, опубликованным находчиком на форуме-аукционе, равен 298,3 г. – на четверть меньше предыдущего экземпляра.

4.

Население Тшинецко-Комаровского культурного круга, к которому относились и носители сосницкой культуры, как мы можем наблюдать, активно импортировало лучшие образцы металлопластики южных соседей с Дуная. Все три изделия из Городнянского района Черниговской области, скорее всего, были получены путем обмена (возможно многоэтапного, например через область срубной культуры [9]) из Трансильванского металлургического центра. Нельзя полностью исключать и вероятность того, что некий мастер-бронзолитейщик из Карпато-Дунайской металлургической провинции по каким-то причинам переселился непосредственно на территорию Подесенья. Основные черты рассмотренных изделий приведены в Таблице 1, демонстрирующей близость их размерно-весовых характеристик.

Таблица 1. Основные размерно-весовые характеристики бронзовых топоров с Чернигово-Брянского пограничья и из Ровенской области Украины

№№	Максимальная длина (мм)	Высота лезвия (мм)	Вн. диаметр втулки (мм)	Общая высота втулки (мм)	Высота обушка (мм)	Вес (г)
№ 1	206	13	16/18	63	53	378
Ровенский экземпляр	205	13	15/18	62	50	348
№ 2	198	71	18/20	53	40	393
№ 3	202	82	16/18	51	50	298

Так или иначе, найденные на Чернигово-Брянском пограничье втульчато-трубчатые топоры свидетельствуют о наличии юго-западного Дунайского (Дунайско-Трансильванского) вектора культурных связей населения бассейна средней Десны в позднем бронзовом веке.

Заметим, что известны более простые в исполнении формы топоров – проушные, с практически идентичным ребристым клином и обушком, но совершенно без выступающих сверху и снизу трубчатых реристых втулок. Можно предположить, что это более поздние, упрощенные изделия, дериваты, распространившиеся на землях, заселенных прабалтскими и прагерманскими племенами. Такие топоры встречены северней и западней как Деснинского региона, так и в целом ареала тшинецко-комаровской совокупности памятников – ближе к южному побережью Балтики, например, на территории северной Германии, Восточной Пруссии, северной Польши, Латвии (Рис.4).

Все три описанных в настоящей статье топорика – не простые «случайные находки местных жителей», а результат хищнического, грабительского металлопоиска древностей с целью наживы путём продажи на черном рынке антиквариата. Учитывая близость находок во времени и происхождение их из одного региона, можно предположить, что все три изделия происходят из разрушенного природными процессами и разоряемого «черными кладоискателями» неизвестного науке богатого грунтового могильника, располагающегося или располагавшегося на пойменной дюне или песчаной первой надпойменной (боровой) террасе. В

настоящее время авторы предпринимают попытки выяснить точное местонахождение пунктов обнаружения опубликованных уникальных изделий бронзового века из Черниговской области. В случае успеха, сведения будут сообщены напрямую археологам и органам охраны культурного наследия Украины с целью скорейшего установления охранного режима и защиты памятника или памятников от дальнейшего уничтожения.

Рис.4. Проушные бронзовые топоры без втулки, со сходной формой ребристого клина и обушка.
Южное Побережье Балтики (без масштаба).

1 – Восточная Пруссия, г.Гусев. 2 – Латвия. 3 – Музей г.Бад-Доберан, Германия.

Сами же вещи, несмотря на их сомнительное происхождение, мы считаем необходимым опубликовать, исповедуя концепцию, неоднократно оспариваемую рядом идеологов исторической науки, но меж тем упрямо продолжающую работать и набирать сторонников среди археологов концепцию: «Вещь несет информацию (и иногда уникальную информацию) о прошлом человечества, и она не виновна в том, что волею судьбы попала в руки к мародёрам, а не к учёным. Если саму вещь спасти невозможно – наша святая обязанность, как исследователей, приложить все усилия для того, чтобы сохранить все возможные крохи досто-

верной информации, попытавшись вернуть вырванную страницу с «красивыми картинками» на законное место в историческом фолианте».

Библиографический список

1. Берчу Д. Даки. Древний народ Карпат и Дуная. – М.: Центрполиграф, 2008. – 192 с.
2. Григорьев С.А. О распространении традиций сейминско-турбинской металлообработки в Европе // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. доц. В.А. Лопатина – Саратов, 2018. Вып. 14. С.20-39.
3. Ключко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). – Київ: АртЕк, 2006. – 337 с.
4. Поляков Г.П., Чубур А.А. Археология Брянского края. – Брянск: Курсив, 2013. – 112 с.
5. Черных Е.Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. – М.: Наука, 1976. – 302 с.
6. Шафенкова Ю.В. Топор позднего бронзового века с брянско-черниговского пограничья бассейна Десны // Деснинские древности X. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти брянского археолога и краеведа, Заслуженного работника культуры РСФСР Федора Михайловича Заверняева (28.II.1919 - 18.VI.1994). – Брянск, 2019. С.59-64.
7. Шинаков Е.А. От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в. – М.: 2018. – 351 с. (Новейшие исследования по истории России).
8. Childe V.G. The Danube in Prehistory. Oxford. 1929. – 591 p.
9. Fischl K.P., Kiss V., Kulcsár G., Szeverényi V. Transformations in the Carpathian Basin around 1600 B.C. // Tagungen des Landes museums für Vorgeschichte Halle. Band 9. 2013. p.355-371.
10. Mozsolics A. Bronzefunde des Karpatenbeckens (Depotfundhorizonte von Haidusamson und Kosziderpadlas). Budapest. 1967. – 280 p.
11. Kurylenko V.Y., Otroshchenko V.V. The Sosnytsa culture of Desna area and its links with Eastern Neighbours // The Trzcinec area of the Early Bronze Age civilization: 1950-1200 BC. Baltic-Pontic studies. Vol.6. Poznan, 1998. P.87-102.

Сведения об авторах

Шафенкова Юлия Витальевна – студентка 5 курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г.Петровского, волонтер совместного с ИА РАН НИЦ Комплексного изучения Среднедеснинского региона НИИ ФиПИ БГУ.

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор Российской Академии естествознания, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. fennecfox66@gmail.com

Рецензии

УДК 943.085.2

С.В. Артамошин

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПРИБАЛТИЙСКИЙ ИЗЛОМ (1918-1919). АВГУСТ ВИННИГ У КОЛЫБЕЛИ ЭСТОНСКОЙ И ЛАТЫШСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. / ПЕР. С НЕМ. Л.В. ЛАННИКА; ПРЕДИСЛ. И КОММЕНТ. Л.В. ЛАННИКА, Н.Н. КАБАНОВА, В.В. СИМИНДЕЯ. – М.: АССОЦИАЦИЯ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ «РУССКАЯ КНИГА», 2019. – 224 с.

Аннотация: Статья посвящена анализу мемуаров Августа Виннига, отражающих события в Прибалтике в 1918- начале 1919 г.

Ключевые слова: А. Винниг, Прибалтика 1918 г., Первая мировая война

S.V. Artamoshin. Book Review: Baltic Break (1918-1919). August Winnig at the cradle of Estonian and Latvian statehood. / Per. with him. L.V. Lannika; foreword and comment. L.V. Lannika, N.N. Kabanova, V.V. Simindea. - M.: Association of book publishers "Russian Book", 2019. - 224 p.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the memoirs of August Winnig, reflecting the events in the Baltic States in 1918 - early 1919.

Keywords: A. Winnig, Baltic States 1918, World War I

Публикация на русском языке мемуаров одного из видных деятелей германского профсоюзного и социал-демократического движения начала XX века Августа Виннига преследовала цель не столько расширить представления о динамике социалистического движения в Германии в годы Великой войны, сколько продемонстрировать две тенденции, присутствующие в современной российской историографии. Во-первых, приоткрыть завесу неизвестного над процессом формирования прибалтийской национальной государственности, оформлявшейся в последние месяцы войны. Во-вторых, расширить и углубить представления о последних месяцах войны на Русском фронте и войны после войны, которая стала с каждым месяцем набирать обороты в Прибалтике. Представление о том, что события конца 1918- начала 1919 гг. в данном регионе происходили без участия германских войск и германской администрации, либо при их призрачной пассивности, предметно уточняются воспоминаниями германского политического деятеля, демонстрирующими коррозию трафаретного марксистского интернационализма, который в среде германской социал-демократии приобретал различные формы.

Мемуары Августа Виннига представляют собой воспоминания о его деятельности в Прибалтике в качестве специального эмиссара германского правительства Макса Баденского. На фоне столетних юбилеев событий ушедшего XX века, которые повсеместного празднуются в различных странах Европы, для национальной истории прибалтийских государств они приобретают символический характер. Они становятся демонстрацией становления национальной государственности, отправной точкой национальной истории и свободы. Стремление к фиксации исключительно национального влияния в становлении прибалтийских республик приводит к ретушированию исторической картины, к вытеснению других участников, которые по воле человеческого желания, исчезают со страниц истории, об их присутствии забывают.

Напоминанием о том, что в Прибалтике в конце Великой войны и первые месяцы Гражданской войны действовали не только высеченные эстонские и латышские “имена на камне”, но и “железные солдаты” германской армии служат мемуары Августа Виннига. К тому же следует подчеркнуть стремление издателей книги внести свой вклад в публикацией воспоминаний в столетие независимости Латвии и Эстонии, которое праздновалось в 2018 г.

Рассматривая воспоминания А. Виннига как исторический источник, следует указать на то, что они представляют собой авторское видение событий и содержат в себе все классические проявления, характерные для мемуарной литературы. В этой связи хотелось бы сразу отметить обстоятельные предметные комментарии, присутствующие в издании, которые не только разъясняют те имена, проступающие на страницах книги, но и уточняющие и исправляющие оценки и суждения, исторический контекст описываемых событий.

Следует указать, что прибытие А. Виннига в Прибалтику и его нахождение там повлияло на националистический дрейф его представлений, в то время как в Германии нарастали ультраправые тенденции. Преемственность восточной политики и представлений кайзеровской Германии и социалистических воззрений на судьбу европейского пространства Российской империи гармонично воплотилось в воззрениях Виннига на тенденцию германской политики в прибалтийском регионе. “Кому должны достаться приграничные территории русских, должна решать сила, однако самостоятельными становиться им не следует, это противоречило бы логике мировой истории, как и вообще весь девиз: самостоятельность малым нациями!” (С.26) В этой связи он поддерживал идею немецкой колонизации прибалтийских территорий.

Достаточно взвешенной представляется оценка латышских и эстонских политических сил, которые Винниг подразделяет на две группы: прогерманскую и националистическую, причем в его представлениях прослеживается германский националистический подход, указывающий на трансформацию абстрактного интернационализма. Бросается в глаза, что даже латышский национализм вызывал в нем большее уважение, чем позиция германских “независимцев”. Он подчеркивал, что “латышские социалисты были чуть ли не шовинистами, а когда я обратил их внимание на их же теоретическую установку на интернационализм, они оправдывали свое поведение словами: «Мы, латыши, - угнетенная нация!»”. (С.38-39) Тот же антигерманский подход был характерен и для эстонских социалистов, больше тяготевших к большевистской России. Несогласованность латышского и эстонского национализмов создавала для Германии возможность оказания политического влияния, которое Винниг обрисовал в анекдотической форме, вспоминая свое посещение музея в Дерпте: “Молодая эстонка, распорядившаяся в музее, была не особенно благожелательно ко мне настроена и ответы свои сопровождала враждебными взглядами. <...> Когда, уходя, я положил банкноту в 10 марок в выставленный для добровольных пожертвований на содержание музея ящик, она уже начала прощать мне то, что я являюсь немцем” (С. 47).

Винниг достаточно откровенно формулирует цели германской политики в прибалтийском регионе, с учетом политической специфики революционной Германии. Ему представлялось необходимым сохранить германское влияние на прибалтийские государства в условиях революционной эйфории в Германии, которая превращала внутригерманские проблемы в приоритетные, отдавая ситуацию на окраинах и прифронтовой полосе на откуп местным националистическим силам. “Я не мог согласиться с политикой полнейшего равнодушия по отношению к судьбе этих земель. В этом мне мешало два обстоятельства. Во-первых, насколько я понимал, мы должны оставить открытым путь на восток для нашей экономики, а потому следует стремиться к прочным отношениям с этими странами. Во-вторых, очевидным долгом нашим было сохранение издревле поселившегося здесь немецкого населения. Я знал, что за решение двух этих задач, особенно второй, придется много бороться. <...> Целью моей политики было

установление отношений между нами и прибалтийскими государствами, которые бы поставили их экономически и политически на нашу сторону, дав нам возможность защитить проживающих в их пределах наших соплеменников от населения и гонений. При этом я, само собой, никогда и не думал пользоваться прежними инструментами германской политики на Востоке. Да это теперь было и невозможно – для продолжения политики с позиции силы в старом стиле не хватало незаменимой предпосылки: этой самой силы”(С.79-80).

Рассматривая степень воздействия революционных событий в Германии на расквартированные в Прибалтике немецкие части, Винниг указывает на образование солдатских советов как неизменный атрибут революции, но отмечает, что революционизация армии носила незначительный характер. Однако начавшееся наступление частей Красной Армии заставило германские части спешно сдавать позиции, создавая угрозу тылу. Автор отмечает конфликты вокруг захваченного немцами военного имущества и стремление каждой из сторон Гражданской войны сохранить его для себя и нежелание немцев расставаться с ним(С.132).

Винниг подчеркивает зависимость латышского правительства от поддержки Германии, ее промежуточное положение между Германией и большевистской Россией и стремление опираться на немцев до тех пор, пока это выгодно. Автор указывает на то, что латышская независимость имела устойчивость тогда до тех пор, пока за нее сражалась Германия. “Так что Латвия жила под германской защитой на германские деньги, ела германский хлеб, а латышская правительственная газета еще и высмеивала мои усилия по сближению, писала, что с истлевшим трупом Латвия связываться не будет”(С. 145). Винниг достаточно критично передает мотивацию латышского правительства в отношении помощи Германии, их стремление обратить ситуацию в свою пользу. “Мне следовало рассчитывать, что латыши будут делать все, лишь бы использовать нас как наемников, а затем, когда пора самой большой и неотложной нужды будет уже позади, тут же оставят нас с носом, чтобы отдаться в руки другой державы” (С. 188).

Таким образом, положение германских войск и администрации в Прибалтике на рубеже 1918-1919 гг. представлялось достаточно сложной. Винниг подчеркивает свое стремление сохранить контроль над ситуацией и создать альтернативные революционизированным частям силы, которыми в дальнейшем стали фрайкоры. Достаточно интересна характеристика и оценка январских боев в Берлине как попытка спартаковцев захватить власть. Его позиция представляется отстраненной, позволяющей со стороны признать поражение спартаковцев, не осуждая и не героизируя их. Это определяется тем, что их пути разошлись, но, вместе с тем, предшествующее длительное знакомство позволяет ему развести политическую и личностную позиции. Характеризуя личность руководителя мятежа Карла Либкнехта, он отмечал, что “его натура заключалась в стремлении к деструктивным действиям, причем совершенно демонического накала, не терпящим никаких препятствий, если Либкнехт вообще хоть когда-либо таковые замечал. Роза же Люксембург была человеком совсем иного плана. Она обладала безусловным превосходством над Либкнехтом и вполне ощущала это, однако ранее с усмешкой отвергала всякие попытки заставить ее нести за него ответственность. Она объединяла в себе удивительную широту исторических познаний и кристально ясные теоретические воззрения. <...> Когда провалились революционные акции в ноябре-декабре 1918 г., она просто обязана была понять, что бóльшая часть германских рабочих видит свое спасение не в революционном разрушении господствующей экономической системы, а ожидают как можно более быстрого ее восстановления. Однако она отвергла подобные выводы. Ей не хотелось тех боев в январе, ведь она понимала их бесперспективность. То была работа Либкнехта и самодовольного франта Ледебура.<...> Я лично всегда отказывался оправдать как эту женщину, так и ее действия, и в целом, и в частности” (С.182-184).

Итог германским действиям в Прибалтике осень 1918- весной 1919 гг. А. Винниг резюмирует достаточно распространенной оценкой политике Латвии в отношении немцев: “Все то, что освободило и спасло тогда Латвию, исходило от немцев. Немцы из Германии и балтийские немцы пошли за Латвию в огонь. <...> Латыши, однако, никаких обязательств за собой не ощущали. Они предоставили немцам приносить жертвы, а в экономическом и политическом плане искали соприкосновения с лидерами вражеской коалиции. Немцы сражались, истекали кровью и умирали, очищая землю Латвии, а латыши их оплевывали, ругали и обвиняли, как только могли” (С.199).

Публикация на русском языке мемуаров Августа Виннига позволяют взглянуть с немецкой стороны на прибалтийские события начала Гражданской войны и особенности становления прибалтийской государственности. В условиях современной избирательности фактов, стремления превратить национальную историю малых стран исключительно в результат усилий национальных групп, заставляет забывать сложность политического процесса и исторического контекста. В отношении Прибалтике речь идет о роли германских частей в защите территории и невольно прибалтийской государственности в состоянии войны после войны. Немецкая тень в Прибалтике и русской Гражданской войне требует взвешенной оценки.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского. E-mail: artamoshinsv@mail.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru